МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ

при

АЛЕКСАНДРѢ II

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1902 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

Изданія бывшаго издательства

Э. Л. КАСПРОВИЧА въ ЛЕЙПЦИГѢ:

	М. пф.
Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1865 г. Разсказъ одного изъ сосланныхъ (1875)	1 50
Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой (1876) . . .	4 —
Записки Екатерины II, императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго (1876)	5 —
Записки генерала Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя (1902) . .	2 —
Записки князя Трубецкаго (1874)	1 50
Записки Ивана Дмитріевича Якушкина (1874) . . .	2 —
Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I (1880)	2 50
Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ ихъ значеніи. Составилъ Липранди (1883)	1 —
Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой (1876)	2 —
Матеріалы для біографіи императора Павла I (1874)	1 50
Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина и письма его къ Рылѣеву, Бестужеву и другимъ (1875)	1 50
Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева (1875) . . .	1 50
Матеріалы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова (1880)	1 50
Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II (1902)	2 50
Матеріалы для исторіи царствованія императора Николая Павловича (1880)	3 —
Новгородское возмущеніе въ 1831 г. Записки полковника Панаева, временнаго начальника возмущенія (1874)	1 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Денниса Васильевича Давыдова, непропущенныя цензурою въ Россіи (1906)	3 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Данилевскаго (1875)	1 —
О повреждении нравовъ въ Россіи. Сочиненіе князя М. Щербатова (1876)	1 50
О раскольникахъ при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II. Пополнено запискою Мельникова (1882)	1 50
Объ аристократіи, въ особенности русской. Письмо изъ Россіи (1874)	1 —

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ XXXI.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ

при

АЛЕКСАНДРѢ II.

(Materialien
zur Geschichte der Verfolgung von Studenten
unter Alexander II. Zweite Auflage.)

Второе изданіе.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

Вмѣсто предисловія.

I. Третя кровь!

Къ польской, къ крестянской крови прибавилась кровь лучшихъ юношей въ Петербургѣ и Москвѣ... Пусть этимъ святымъ общеніемъ три великія дѣла спаяются въ неразрывное единство —

Независимость Польши,
Земля крестянамъ,
Свобода Россіи.

Не жалѣйте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей исторіи, вами Россія входитъ во второе тысячелѣтіе, которое легко можетъ быть начнется съ изгнанія варяговъ за море.

Ваша кровь во всякомъ случаѣ засвидѣтельствовала начало совершеннолѣтія и многое обличила... Она обличила сочувствіе къ вамъ всей Россіи, готовность идти съ вами — со стороны молодыхъ офицеровъ, со стороны всѣхъ учебныхъ заведеній. Она обличила чего намъ ждать отъ *благодушнаго* Александра II и отъ его братцевъ, въ родѣ Михайлы-пушкаря, порывавшагося уничтожить васъ картечью. Она обличила — какіе подъячіе лакеи стоятъ во главѣ русскаго правительства. Въ Москвѣ студентовъ перебили,

испугавшись проѣзда царскаго. Кровь ваша не просохнетъ на ихъ ливреяхъ — до страшнаго суда народнаго!*)

Значеніе университетской молодежи къ Россіи совершенно иное чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ университетахъ, лицеяхъ, академіяхъ и небольшомъ кругѣ литераторовъ укрывалась и возросла русская мысль; во все время тридцатилѣтняго избіенія ея, тамъ жила надежда и жили вѣрованія, тамъ лились слезы и сердце билось человѣческимъ негодованіемъ — въ то время какъ вся шляхетная Россія — помѣщичья, военная и чиновная подло пресмыкалась передъ бездарнѣйшимъ злодѣемъ въ исторіи — за право сѣчь и грабить, за чечевицу оброка и барщины, за фольгу и стеклярусъ крестовъ, за потворство взяткамъ и казнокрадству. Да, въ то позорное время, когда во всей Россіи, отъ четырнадцатаго до перваго класса, не поднялось ни однаго протеста — курсъ за курсомъ, школа за школой давали свою жертву... и Николай съ тупою злобой мялъ въ своихъ лапахъ юную душу до тѣхъ поръ — пока чахотка или черкеская пуля освобождала ее. Курсъ за курсомъ, не зная того, безъ формы и знаковъ, передавалъ таинственный пароль, завѣщанный мучениками 14 Декабря и этотъ пароль сказался теперь громко студентами въ Петербургѣ и Москвѣ. Тверская площадь прибавилась къ Исаакіевской. Инициатива эта по праву принадлежала студентамъ — *они одни чисты*, гражданская мысль русская тайно воспиталась въ университетахъ, пусть же она и

*) А пока не мѣшаетъ вести списки всѣхъ отличившихся по этому дѣлу. А — Адмиралъ Путятинъ, Б — Бистромъ, В — Великій князь Михаило, Т — Тучковъ и такъ до Ш — Шуваловъ.

явится на бѣлый свѣть какъ — filia del reggimento нашихъ аудиторій, изъ нихъ не труднѣе сдѣлать Земскую Думу, чѣмъ изъ залы Jeu de paume?

10 Ноября 1861. И—ръ.

Между подробностями о преображенской поимкѣ студентовъ — (*Таймсъ* 8 Ноября) упоминается объ одномъ обстоятельствѣ чрезвычайно важномъ. Когда храбрые преображенцы окружили безоружныхъ студентовъ и повели двѣсти человѣкъ въ крѣпость, сто студентовъ стоявшихъ поодаль и принадлежавшихъ къ тѣмъ, которые не хотѣли просить путятинскихъ матрикуляцій, подошли къ непріятельскому войску и объявили, что они хотятъ дѣлить участь своихъ товарищей; на что разумѣется непріятель согласился, и отдавшихся добровольно въ плѣнъ — свели въ крѣпость. Черта эта очень замѣчательна потому именно, что она очень народна. Въ 1821 году, послѣ семеновскаго дѣла, когда роту е. в. велѣно было конвоировать въ крѣпость, весь полкъ потребовалъ, чтобъ и его отправили, „даже люди бывшіе въ госпиталѣ, которые едва въ состояніи были держаться на ногахъ, присоединились къ товарищамъ“*).

(Изъ Колокола No. 112.)

*) „Поляр. Звѣз.“ кн. III. Семеновская исторія. Выписываемъ стр. 307 (изд. 2). „Солдаты вышли и стали толпой передъ казармами. Противъ нихъ была привезена артиллерія и приведено войско. Лейбъ-егери пришли первые и дали знать Семеновцамъ, что они стрѣлять въ нихъ не будутъ. Когда пушки были подвезены ближе, то семеновскіе солдаты пригласили офицеровъ (не хотѣвшихъ оставить ихъ не смотря на ихъ просьбы) стать посреди ихъ толпы, чтобы своею грудью защитить ихъ отъ выстрѣловъ. Многіе изъ генераловъ пріѣзжали увѣщевать семеновскихъ солдатъ. Прежде всѣхъ подъѣхалъ къ нимъ Васильчиковъ и скомандовалъ имъ строиться, но они отвѣчали ему, что туловище

II. По поводу студентскихъ избіеній.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ для слѣдопроизводителя по уголовному дѣлу — та минута, когда онъ входитъ въ комнату, гдѣ совершилось злодѣйство: все тихо и спокойно ... пятна крови, сломанная мебель, опрокинутый стулъ, разбитое стекло ... съ улицы слышенъ шумъ, трещатъ колесы, играетъ шарманка, хохочутъ дѣти, кричатъ разнощики — а нѣсколько часовъ тому назадъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, слышались глухіе удары, вопль, брань, стонъ, тяжелое паденіе ... и внутренно пробираетъ истерическая дрожь ... а между тѣмъ выбора нѣтъ, по горячимъ слѣдамъ надобно производить слѣдствіе. Лишь-бы нашлось довольно спокойствія духа, чтобъ не набросить на плечи пре-

---

безъ головы не строится. Милорадовичъ сталъ было говорить съ ними, но они отвѣчали на его фразы остротами, которыя заставили его замолчать. Бывшій полковой командиръ Потемкинъ началъ было также говорить съ ними, но заплакалъ и не могъ продолжать. Солдаты закричали ему, что ежелибы онъ былъ съ ними, то этой бѣды не было бы. Генералъ Бистромъ просилъ ихъ чтобы они успокоились, что вмѣсто Шварца онъ будетъ полковымъ командиромъ, но его никто не слушалъ. „Если у васъ есть законныя причины жаловаться," сказалъ Васильчиковъ, „такъ вы могли жаловаться на инспекторскомъ смотру." Солдаты отвѣчали ему, что мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ самъ дѣлалъ инспекторскій смотръ, одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ, чтобы принести жалобу, и былъ за это, по его приказанію, жестоко наказанъ палками. „Чего же вы хотите?" спросилъ Васильчиковъ. Отдайте намъ роту его величества, отвѣчали солдаты, или отведите насъ въ товарищамъ. Васильчиковъ обѣщалъ имъ отвести ихъ въ крѣпость, ежели они постоятся и будутъ идти въ порядкѣ. Они построились и пошли въ крѣпость въ сопровожденіи всѣхъ своихъ офицеровъ. Солдатъ заперли, а офицеры возвратились."

ступнику еще больше вины, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ ему приходится несть.

Мы эти слѣдопроизводители.

Печально стоятъ передъ нами огромныя зданія потерявшія смыслъ, холодныя, пустыя аудиторіи, нѣмыя каѳедры; безсмысленная сила прошла тутъ, тупо раздавила молодую жизнь, безрасканно успокоилась, и все пошло по старой колеѣ — только студентовъ нѣтъ, науки нѣтъ.

Кто виноватъ? Гдѣ виновники? — Благодушный императоръ, или бездушный Путятинъ? Шуваловъ или Строгоновъ? московская полиція или преображенская?

Всѣ виноваты, всѣ они играли роль добровольныхъ палачей, жестокихъ палачей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются и выгодами, соединенными съ званіемъ заплечныхъ мастеровъ: они отвѣчаютъ только за исполненіе. Пусть ихъ замучитъ совѣсть, пусть ихъ замучитъ общественное презрѣніе. Пусть они наконецъ будутъ наказаны на томъ основаніи, на которомъ въ Англіи казнятъ звѣрей, причинившихъ смерть человѣку. Чортъ съ ними совсѣмъ. Ни ихъ виновность, ни ихъ казнь не объяснитъ дѣло.

Университетская исторія не случайность, не капризъ, а начало неминуемой борьбы. Борьба эта должна была завязаться тамъ или тутъ, она завязалась на самой естественной почвѣ. Противурѣчія лежащія въ основѣ политической жизни нашей раздвинулись до того, что никакой Александръ Николаевичъ не устоитъ Колоссомъ Родосскимъ. Несовмѣстимое противурѣчіе, которое бросается въ глаза между университетомъ и преображенскими казармами, не только существуетъ во

всѣхъ сферахъ жизни, но что особенно важно, приходитъ къ сознанію.

Первое обнаруженіе подавлено, второе, третье можетъ будетъ тоже подавлено, броженіе скроется внутрь, но непремѣнно обнаружится съ большей силой, а тогда — или петербургской порядокъ погибнетъ, или Россія погибнетъ.

То лихорадочное чувство *не по себѣ*, которое овладѣваетъ всей Россіей — вверху, внизу, въ крестьянской избѣ и въ самомъ зимнемъ дворцѣ, прямо обнаруживаетъ работу организма, посредствомъ котораго онъ стремится отдѣлаться отъ чего-то мертваго, отъ чего-то ядовитаго и гніющаго.

Исходъ борьбы можетъ быть тотъ или другой, но устраненіе борьбы невозможно. Нечеловѣческія усилія, сдѣланныя Николаемъ, задержали обнаруженіе ея на тридцать лѣтъ. Это Геркулесовъ столбъ. Николай дошелъ до того давленія, послѣ котораго вода въ насосѣ не подымается, сколько хочешь дави.

Петровскому императорству пережившему себя оставалось *одно живое дѣло*, на этомъ дѣлѣ оно могло искупить прошедшее, залечить раны нанесенныя народу, обновиться — этимъ дѣломъ оно повязало себѣ веревку на шею... „Насильно спасать никого нельзя“ — сказалъ маршалъ Бюжо Людовику Филиппу.

Сначала утратилась сила — потомъ смыслъ. Оптическій обманъ несокрушимости разсѣялся вмѣстѣ съ севастопольскимъ дымомъ, всѣ увидѣли что это декорація силы, а не сила. Правительство ужаснулось своей ничтожности и своей нелѣпости; отсюда его судорожная готовность все измѣнять, чинить, перестроивать и съ тѣмъ вмѣстѣ, отчаянно себя отстаивать всѣмъ на свѣтѣ — разстрѣлива-

ніемъ крестьянъ, прикалываніемъ молящихся, преображенскими прикладами, жандармами, одѣтыми мужиками, публичными дѣвками на откупу... это — внутренній страхъ смерти у больнаго, это — подавляющее сознаніе, что его существованіе не имѣетъ достаточной причины. Вотъ отчего они мечутся изъ стороны въ сторону, вотъ отчего это безпокойное ощупываніе... вотъ отчего императрица по ночамъ молится передъ византійской иконой и читаетъ исторію Маріи Антуанеты, вотъ отчего они трепещутъ за свою династію, когда сотня молодыхъ людей не хочетъ покориться унизительнымъ формамъ, вотъ отчего они держутъ какъ заряженый револьверъ подъ подушкой своихъ пребреображенцевъ, своихъ жандармовъ. Они знаютъ, и это *худшее* что́ можетъ знать человѣкъ, они знаютъ, *что ихъ не нужно больше!*

Восемь, десять лѣтъ тому назадъ я проповѣдывалъ испуганной Европѣ, съ ужасомъ поглядывавшей на мрачную фигуру императора въ ботфортахъ и кавалергардскомъ мундирѣ, стоявшую какимъ-то снѣжнымъ пугаломъ за балтійскими льдами — что *сила этотъ таетъ,* что петербургскій тронъ вовсе не такъ крѣпокъ какъ думаютъ, что онъ пережилъ свой смыслъ и не имѣетъ съ самой войны 1812 года ничего творческаго и созидающаго, что Николай по инстинкту самосохраненія свелъ всѣ силы на одно отрицательное противудѣйствіе — возникающимъ началамъ новой жизни.

Мнѣ не вѣрили — это было до крымской войны.

Старая исторія, что люди убѣждаются только грудами труповъ, взятыми курганами, сожженными городами. Макъ-Магонъ былъ счастливѣе меня.

Но не у одной Европы пала повязка съ глазъ отъ крымской войны, она пала съ глазъ Николая и когда онъ оглядѣлся и увидѣлъ хаосъ и пустоту, развитыя имъ — легкія его перестали дышать.

Все царствованіе его была ошибка. Ограниченный деспотъ, безъ образованія, онъ не зналъ Европы, онъ не зналъ Россіи. Свирѣпый больше, чѣмъ хитрый, онъ царствовалъ одной полиціей, однимъ гнетомъ. Испуганный 14. Декабремъ, онъ отшатнулся отъ дворянства, отъ единственной среды связанной на животъ и на смерть съ петербургскимъ престоломъ — преступной круговой порукой крѣпостнаго права. Онъ въ немъ хотѣлъ подавить тѣ простыя, необходимыя стремленія къ гражданскимъ правамъ, которыя безъ ущерба себѣ имъ уступила бы каждая прусская и австрійская корона. Но отвязывая въ тихомолку императорскую барку отъ помѣщичьихъ плотовъ, онъ ничего не сдѣлалъ для народа. Ему хотѣлось бы *отнять* у дворянъ крѣпостное право, для того чтобъ ослабить ихъ касту, но не давая воли крестьянамъ. Онъ на нихъ смотрѣлъ съ обыкновенной офицерской точки зрѣнія, онъ не боялся ихъ, народъ не зналъ слова конституція, не требовалъ правъ, а считалъ только землю своей; впрочемъ во всякомъ случаѣ съ нимъ было легче совладать, нѣмыя массы его можно было раздавить беззвучно, безотголосно.

Преемнику Николая доставалось наслѣдье не легкое, ненужная и безславная война, разстроенные финансы, общее воровство, ропотъ, недовѣріе и ожиданье. Ему предстояли, какъ въ нашихъ сказкахъ три дороги. Дать дѣйствительныя права дворянству, и попробовать уладить въ нимъ, *лунную* свободу представительнаго правленія. Осво-

бодить крестьянъ съ землею — и начать новую эпоху народнаго и экономическаго освобожденія. Или вмѣсто того и другого продолжать давить всякое проявленіе жизни, до тѣхъ поръ пока лопнутъ мышцы у того, который давитъ, или у того, котораго давятъ. По какой-же дорогѣ поѣхалъ нашъ Иванъ Царевичъ?

По всѣмъ, по тремъ...

Эта шаткость, эта неувѣренность человѣка спросонья — отличительная черта новаго царствованія. Въ немъ есть что-то безхарактерное, безпомощное, картавое — и въ силу этого — всѣму уступки, всѣму измѣны. Дворянству, литературѣ, университетамъ — даются какія-то льготы, права — но недѣйствительныя. Крестьянамъ даетса свобода — но безъ земли. Польшѣ возвращается народность — но безъ всякой самобытности. А недовольны — Апраксинъ, Дренякинъ, гвардейская полиція. Арестанту, котораго Николай гонялъ сквозь строй — позволяютъ отдохнуть, разсуждаютъ съ нимъ о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, сулятъ ему золотыя горы — а какъ онъ только приподнимаетъ голову, барабанъ — и продолжай свою вторую тысячу зеленой рощи...

Университетская исторія, частный случай, въ которомъ во всей своей силѣ отразилась, та-же самая блуждающая, безпутная правительственная мысль — съ молодыми людьми поступили также какъ съ поляками, также какъ съ крестьянами, и также какъ еще десятъ разъ поступятъ — если безсмысленное правительство будетъ ходитъ на волѣ.

Неужели опытъ насъ ничему не научитъ? чтоже ждать новой крови?... Если мы ничего не будемъ дѣлать, мы дождемся страшныхъ бѣдъ — одинъ ножъ въ рукахъ безумнаго можетъ

надѣлать страшныя бѣдствія — а пятьсотъ тысячъ штыковъ въ рукахъ испуганнаго и безсмысленнаго правительства? ... Общественное спасеніе, спасеніе народа, требуетъ чтобъ его не пускать по волѣ, требуетъ чтобъ его связать.

Ну такъ и закидывайте арканъ!

(Изъ Колокола No. 113.)

III. Московская бойня студентовъ.

Колоколъ съ 22го Ноября 1861 года получилъ четыре письма изъ Москвы, одно печатаемъ почти вполнѣ. Разногласія въ письмахъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ существенномъ. Всѣ письма равно говорятъ — о вѣрноподданическихъ стараніяхъ профессоровъ, полиціи, генералъ-губернатора, нѣкоторыхъ литераторовъ и двухъ полицмейстеровъ. Героемъ дня впрочемъ былъ, et il ne l'a pas volé — знаменитый Сычинскій. Отъ убійства несчастной дѣвушки, принесенной на жертву поддержанія законной власти Маріи Бредау, онъ естественно перешелъ къ убійствамъ студентовъ для поддержанія самодержавной власти. Поведеніе Тучкова и профессоровъ далеко не такъ естественно, съ ихъ стороны это прогрессъ.

— *5|17 Октября.* — „Процессія студентовъ на могилу Грановскаго окончилась тихо. Говорятъ, что профессоръ Соловьевъ ѣздилъ къ Тучкову, просить отъ имени профессоровъ команду, чтобы разгонять студентовъ. Тучковъ его не принялъ.

— *13|25 Октября.* — Въ послѣднія дни студенты были очень обескуражены. Адрессъ подписывали туго (см. прошлый Кол.). Человѣкъ

200 самыхъ горячихъ и энергическихъ послали депутатовъ къ попечителю, просить его объ открытіи 1-го и 2-го юридическихъ курсовъ, и принять адрессъ къ государю. Онъ отказался отъ того и другого. Тогда студенты силою вошли въ профессорскую залу. Въ дверяхъ удерживали ихъ минутъ пять профессора Ешевскій и Бодянскій, но студенты наконецъ оттѣснили ихъ и взошли къ попечителю. Пришелъ полицмейстеръ Крейцъ, но его не впустили. Студенты розошлись вечеромъ, а ночью начались аресты, схвачены были между прочими и больные, лежавшіе больше недѣли дома. На другой день толпа студентовъ собралась въ саду и узнавъ, что многіе взяты — рѣшились идти къ генералъ-губернатору; въ числѣ двухсотъ пошли по Тверской. Лишь только вышли они на площадь, раздались свистки и со всѣхъ сторонъ изъ засады показались жандармы.

Тутъ произошла схватка. Многіе защищались, но всѣ были взяты; иные бѣжали, но тогда тулупы, *народъ*, кинулись на нихъ съ криками: „Бейте поляковъ, они пришли рѣзать губернатора.“ Съ яростью брали они студентовъ за воротники, валили, давили, *полиція спасала* ихъ и говорила прохожимъ: „мы спасаемъ! народъ рветъ на части *бунтовщиковъ*!“ Это показалось страннымъ, съ чего? какъ? Но скоро штука была открыта, это были *переодѣтые буточники* и солдаты, и они-то съ криками бросились на студентовъ, желая увлечь народъ. Два купца первые открыли это, узнавъ буточника своего квартала переодѣтымъ въ тулупъ. Всѣ тулупы были съ усами, но безъ бородъ и кланялись начальству подымая руку къ шапкѣ. Все это играло *роль* народа и душило студентовъ, которыхъ полиція спасала; пока это было на пло-

щади, по улицамъ происходили неслыханныя вещи. Разъяренные какъ звѣри жандармы, пускали во весь опоръ своихъ лошадей, давили и скакали на ловлю студентовъ. Они бросались на *всякаго*, у кого была форма студентская. Хватали всѣхъ безъ различія. Раевскаго, который ѣхалъ стричься къ парикмахеру, *вытащили* изъ коляски, другого вытащили изъ магазина; напали на шедшихъ въ клинику. Одинъ студентъ былъ гувернеромъ и ѣхалъ съ дѣтьми; его вытащили изъ экипажа, дѣти съ испугу выскочили и разбѣжались, и ихъ потомъ искалъ отецъ цѣлый день. Вытаскивая студентовъ изъ экипажей, ихъ волочили по землѣ, разбивали имъ лицо. Одного буквально удавили на шарфѣ, и его замертво подняли на бульварѣ двѣ дамы и сами свезли въ клинику. Жандармы его тащили за два конца cachenez и думая, что онъ ужъ умеръ, бросили. За его жизнь Захарьинъ не отвѣчаетъ. Другого *Каревьина* жандармъ ударилъ палкой по головѣ; онъ упалъ замертво — но скоро приподнялъ голову, другой жандармъ наѣхалъ на него лошадью и раздавилъ его! Его унесли и онъ, говорятъ, умеръ. Пока шла эта ловля и травля во всей Москвѣ, студентовъ взятыхъ на площади *загнали* на большой дворъ тверской части, что̀ противъ дома генералъ-губернатора и гдѣ гауптвахта. Тамъ голодные и холодные (съ нихъ стащили шинели и *украли ихъ*) стояли они съ 11 часовъ утра до часу ночи. Толпа около была большая и въ ней судили и рядили розно. Однако народу всѣ почти объясняли, что это *не* бунтовщики и рѣзать они *никого* не хотѣли. Этотъ слухъ вышелъ отъ *переодѣтыхъ*, которые распространяли разныя возмущающія вещи, чтобы увлечь за собою настоящій народъ. Говорятъ, что у

трехъ студентовъ въ карманѣ нашли *кинжалы,* или ножи*).

Разпоряжался всѣмъ этимъ *Сычинскій!* Все тотъ-же герой, засѣкавшій женщинъ и до сихъ поръ остающійся въ Москвѣ. Между тѣмъ студенты отдѣлились отъ толпы наполнявшей площадь солдатами и просили чего-нибудь одѣться! Было очень холодно, а ихъ держали все на дворѣ. Изъ толпы вызывались многіе отдавать имъ свои пальто, но полиція не позволила. Толпу постоянно давили лошадьми, и жандармами, а она все стояла до поздней ночи, ожидая куда дѣнутъ студентовъ. Не знаю чѣмъ кончилось и что̀ еще будетъ. А нынче не пройдетъ даромъ.

Говорятъ, будто Ешевскій и Дмитріевъ ѣздили къ Тучкову просить, чтобы студентовъ судили въ университетѣ и совѣтѣ. Имъ, кажется, отказали.

14/26 Октября, утромъ.

Новаго ничего нѣтъ. Вчера была большая сходка на университетскомъ дворѣ, гдѣ участвовали не одни студенты, а посторонніе и присутствовали женщины. Собраны были деньги, въ пользу взятыхъ студентовъ 125 р. сер., выбраны 4 депутата, чтобы объѣздить всѣ части, узнать какъ ихъ содержатъ, и не надо-ли имъ теплаго платья. Одного изъ нихъ, послали къ Дмитріеву и Ешевскому просить, чтобы они были депутатами отъ Университета, при слѣдствіи надъ студентами. Изъ профессоровъ, показали участіе къ судьбѣ избитыхъ студентовъ: *Ейнбродтъ* и докторъ *Захарьинъ,* который лишь только узналъ, что бьютъ студентовъ, прибѣжалъ ихъ перевязывать и

*) Оказалось что и ихъ подбросила полиція. — Ред.

лечить, почти силою ворвался во дворъ, гдѣ они лежали безъ чувствъ и сдѣлалъ свое дѣло за то. . . . . .

... Н. Ф. *Павловъ*, на площади, въ виду всѣхъ, поридалъ съ полицмейстеромъ Сычинскимъ молодыхъ людей и выражалъ благородное негодованіе противъ студентовъ и сочувствіе къ полиціи. Въ народѣ сперва распустили слухъ, что это поляки и идутъ рѣзать губернатора, а потомъ, что это *дворяне* идутъ просить о возвращеніи крѣпостнаго права. Отъ того, когда переодѣтые буточники и солдаты бросились съ крикомъ: „бей подлецовъ!“ нѣсколько лавочниковъ бросилось съ ними. Студенты спасались въ дома, но ихъ впустилъ только *Андреевъ*, въ свой магазинъ. Случаевъ несчастныхъ множество. Одного студента поймалъ жандармъ около Страстнаго бульвара, ударилъ кулакомъ въ лицо, разбилъ очки и разбитыя стекла взошли въ глаза несчастнаго. Зрѣніе, если не уничтожено, то сильно повреждено. Другого студента, больнаго, ѣхавшаго въ каретѣ, вытащили изъ нея, били, и онъ теперь умираетъ. Еще другого, *не* студента, Субботина, шедшаго по никитской, въ студентской шинели (онъ бѣденъ и сохранилъ шинель отъ времени студенчества), взяли, били и засадили въ частной домъ. Почти всѣ исколочены полиціей. Адамъ Клименко, пропалъ безъ вѣсти, его не находятъ до сихъ поръ. Въ тверской части одного изъ депутатовъ допустили къ товарищамъ. Они сидятъ въ грязной, вонючей комнатѣ, но ихъ кормятъ хорошо и обращаются вѣжливо (избивъ на канунѣ). Въ другихъ частяхъ не пустили, но слышны были ихъ голоса за дверью. Денегъ студенты не взяли, а въ пречестинской части и не позволили ихъ предложить товарищамъ.

Только въ одной части спросили студенты: „отъ кого деньги“ и узнавъ, что отъ товарищей, взяли два рубля на всякій случай. Въ другой просили курительнаго табаку. Когда студенты пришли къ дому генералъ-губернатора, то отрядили депутатовъ къ нему, но этихъ депутатовъ не выслушавъ, схватили тотчасъ. Одинъ только выксользнувъ, прибѣжалъ къ Тучкову и закричалъ: „Помилуйте, вы приказали бить и давить безоружныхъ людей, что вы дѣлаете?“ Въ суматохѣ онъ скрылся. Его теперь вездѣ ищутъ. Полиція говоритъ сегодня, что кинжаловъ и ножей не было у студентовъ.

Англійскій клубъ свирѣпствуетъ; Лонгиновъ острить и пр. Ходитъ *слухъ*, но *слухъ* только, будто одному профессору... на вечерѣ, у его знакомыхъ, когда онъ ругалъ студентовъ, одинъ молодой человѣкъ, не студентъ, далъ пощечину.

15/27 Октября, утромъ.

Очевидецъ, молодой человѣкъ, былъ у меня нынче. Онъ очутился на крыльцѣ генералъ-губернатора, когда случилась сцена и не можетъ прійти въ себя. Студенты подошли тихо. Четыре депутата ихъ исчезли въ дверяхъ генералъ-губернатора. Между ними было гробовое молчаніе. Вдругъ ихъ стали тѣснить какъ изъ подъ земли выросшіе жандармы. Взяли тесаки *на перевѣсъ* и пошли на нихъ скорымъ маршемъ. Тогда студенты подняли вверхъ руки, иные палки, говоря своимъ: „не давайте себя отрѣзывать крыльца“. Въ это время офицеры скомандовали: „Бери, хватай“! Жандармы съ яростью бросились *бить* студентовъ. Очевидецъ говоритъ, что это было ужасное зрѣлище, что его было нельзя вынести. *Слезкинъ*, полков-

никъ жандармовъ, стоялъ блѣдный, какъ приговоренный къ смерти. Онъ занемогъ, говорятъ, отъ волненія и отчаянія, что долженъ былъ присутствовать при такой бататіи. Жандармы отъ слишкомъ большой ревности давили своихъ. Конные, которые явились послѣ, давили пѣшихъ. Одного принесли раненаго на рукахъ. Разскащикъ подошелъ и спросилъ: „Вы и этого на счетъ студентовъ поставите“? Знаменитые *кинжалы* найдены у близь стоявшаго черкеса, другой у одного посторонняго, а третій — *ножъ* у проходившаго *повара*. Тесаками такъ смяли грудь и легкія одного студента, что его понесли полумертваго и бросили на дворѣ Тверской Части на землю. Когда Захарьинъ пришелъ, онъ сказалъ, что его надо тотчасъ въ клинику, и что онъ не отвѣчаетъ за его жизнь. Но его ему не дали. Онъ, какъ зарѣзанная собака, лежалъ на земли до 6 часовъ вечера. Его таскали потомъ къ допросу, и Рудзевичъ, секретарь Тучкова, хотѣлъ его допрашивать. Несчастный молчалъ, потому что онъ дышалъ, буквально, *всѣмъ тѣломъ* и былъ безъ чувствъ. Наконецъ, 7 часу его отдали въ клинику, гдѣ онъ, говорятъ, *умеръ*, и еще 8 *умираютъ*. Жандармы бросились оттого съ яростію, какъ *сами* говорили, что хотѣли *передушить* ихъ заразъ. „А то мы вотъ недѣлю не спимъ,“ говорили они, „а все около осѣдланныхъ лошадей на конюшнѣ; измучились совсѣмъ“. Вчера четыре студента пришли повидаться съ своими друзьями, и ихъ не пустили. Они спросили у кого можно позволенія спросить, имъ сказали у Сычинскаго. Они стали поджидать его, и дѣйствительно, вскорѣ онъ пріѣхалъ и спросилъ: — Кто это? — „Это студенты — ждутъ здѣсь около часу, хотятъ повидаться.“ — Аресто-

вать ихъ! крикнулъ Сычинскій: жандармы бросились и арестовали. Нравится вамъ это? А общество реветъ, что были кинжалы, были палки, были возмутительныя рѣчи. Ничего этого не было. А былъ еще генералъ *Загряжской*, который живетъ въ домѣ г. губернатора Тучкова — онъ *собственноручно*, только изъ любви къ искуству, хваталъ несчастныхъ студентовъ за шиворотъ, отдавалъ ихъ въ руки полиціи. Студенты *всѣ* избиты. Профессора требуютъ, чтобы они прекратили сходки. Исаковъ не дозволяетъ студентамъ собираться, того и гляди выпустятъ батальонъ солдатъ, который вотъ уже съ недѣлю *запертъ* въ экзерцигаузѣ и кричитъ: „пустите насъ поковырять штыками“! тогда будетъ исторія съ бо̀льшей кровью. Тутъ было мало крови, сухіе раны, помятые груди, переломленные тесаками на перевѣсъ ребра ...

Студентское дѣло.

Письмо изъ Петербурга.

Лекціи въ университетѣ начались 18 Сентября. Въ ожиданіи примѣненія новыхъ правилъ, студенты почти ежедневно собирали сходки и разсуждали о томъ, что имъ должно дѣлать. Передъ сходками обыкновенно вывѣшивались объявленія побуждавшія студентовъ къ единодушію.

9го Сентября, депутаты и редакторы университетскаго Сборника, за ихъ общею подписью, отдали исправляющему должность ректора профессору *Срезневскому,* для передачи въ совѣтъ университета, запросъ: какимъ образомъ должны они распоряжаться кассою бѣдныхъ студентовъ и изданіемъ Сборника по новымъ правиламъ, которыя запрещаютъ сходки, а слѣдовательно лишаютъ „редакцію“ возможности отдавать студентамъ отчетъ въ управленіи кассою. Срезневскій болѣе двухъ недѣль держалъ у себя эту бумагу, не отдавая ее въ совѣтъ.

Наконецъ въ Субботу, 23 Сентября, созвана была сходка, на которую студентовъ явилось болѣе чѣмъ когда-либо*). Между прочимъ, потребовали

*) Надобно замѣтить, что предусмотрительное начальство отдало приказъ не отпирать актовую залу, въ которой хотѣли со-

Срезневскаго, для объясненій касательно новыхъ правилъ, а также и причины, почему запросъ редакціи не отданъ въ совѣтъ. На первый пунктъ Срезневскій отвѣчалъ, что должно повиноваться высочайшимъ повелѣніемъ и что этихъ правилъ измѣнить нельзя, а на второй — что онъ дастъ отвѣтъ объ этомъ тѣмъ, которые подали ему означенный адресъ. — Такой уклончивый отвѣтъ конечно не могъ удовлетворить никого и Срезневскому дали понять, что поведеніе его, въ отношеніи къ студентамъ, вообще чрезвычайно неблаговидно.

Окончивъ разсчетъ съ Срезневскимъ, студенты на этой сходкѣ, окончательно рѣшили не подчиняться новымъ правиламъ, 50 руб. не платить, матрикулы, которые будутъ розданы и билеты для входа, уничтожить.

Дальновидные люди, еще до начала лекцій, предсказывали, что университетъ будетъ непремѣнно закрытъ, но никто не думалъ чтобы это случилось ранѣе *полнаго* примѣненія новыхъ правилъ. Между тѣмъ университетъ былъ закрытъ на другой день послѣ упомянутой сходки, т. е. 24го Сентября; весьма немногіе узнали эту новость въ тотъ-же день. Большинство, ничего не подозрѣвая, явилось 25 Сентября на лекціи и тутъ узнало, что *чтеніе лекцій въ университетѣ прекращено на нѣко-*

браться студенты, по недостатку мѣста въ аудиторіяхъ, думая тѣмъ помѣшать сходкѣ. Но вышло иначе. Прождавъ напрасно долгое время въ комнатахъ, прилегающихъ къ залѣ, студенты собрались въ корридорѣ, смежномъ съ залою, выбили стекло въ одной изъ стеклянныхъ дверей и чрезъ образовавшееся отверстіе отодвинули задвижку, которою дверь заперта извнутри. Дверь отворилась и въ минуту зала была полна.

торое время, какъ говорилось въ объявленіи выставленномъ на всѣхъ наружныхъ дверяхъ университета*). Въ самое зданіе университета никого не пускали и студенты (человѣкъ до 900) собрались на большомъ университетскомъ дворѣ. Достали лѣстницу, которая послужила трибуною для ораторовъ. Послѣ недолгихъ совѣщаній, единогласно рѣшено было идти всѣмъ собравшимся студентамъ къ Филипсону за объясненіемъ, по какому случаю закрытъ университетъ; наконецъ если начальство нашло нужнымъ прекратить чтеніе лекцій, то зачѣмъ заперты университетская и студентская библіотека и лабораторія. Передъ отправленіемъ въ путь, депутатъ отъ медицинской академіи выразилъ, отъ лица медиковъ, сочувствіе дѣлу университета. Послѣ него говорилъ одинъ офицеръ, пожелавшій намъ дѣйствовать единодушно.

Рѣшено было идти тихо, по тротуарамъ и притомъ дорогой не курить. Путь лежалъ черезъ дворцовый мостъ и черезъ весь Невскій проспектъ отъ адмиралтейства до самой Владимірской (за Аничкинымъ мостомъ). Дорогою къ намъ присоединилась еще значительная партія разныхъ лицъ, такъ что процессія тянулась на цѣлую версту. *Власти* узнавъ объ этой процессіи поѣхали вслѣдъ за нами и догнали у Аничкина моста, откуда ѣхали, слѣдя за нами, шагомъ. Въ это время проѣхалъ кто-то изъ великихъ князей и былъ чрезвычайно изумленъ непривычнымъ зрѣлищемъ. На Владимірской Паткуль и Ко. вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ по другой сторонѣ

*) Въ зданіяхъ сосѣднихъ съ университетомъ (какъ-то въ академіи наукъ, кадетскомъ корпусѣ и биржѣ) были приготовлены жандармы.

улицы. Сначала онъ думалъ было остановить студентовъ, закричавъ: „Куда? Назадъ!“ — „Мы идемъ къ Филипсону, отвѣчали ему.“ *„Его нѣтъ дома“*. (Какая находчивость напоминающая переднею.) — „Ничего; мы подождемъ.“ И всѣ продолжали идти далѣе, наконецъ повернули въ Колокольную улицу и остановились передъ квартирой Филипсона. Полицмейстеръ, стоявшій у подъѣзда, требовалъ чтобы студенты разошлись. Ему отвѣчали, „что мы разойдемся тогда, когда получимъ объясненія отъ Филипсона, а если онъ хочетъ чтобы это случилось скорѣе, то пусть пошлетъ за нимъ казака“. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ и Филипсонъ. Ему предложили принять депутацію на квартирѣ, но онъ не согласился и остался на улицѣ. Его окружили и началось объясненіе. Вдругъ въ Колокольной улицѣ показались жандармы; увидя ихъ студенты пришли въ ярость; раздались крики *„вонъ“* и вся толпа бросилась имъ на встрѣчу. Жандармы поворотили назадъ и ускакали. Студенты возвратились и объясненіе продолжалось. Смыслъ почти получасовой рѣчи Филипсона состоялъ въ томъ, что онъ объясняться на улицѣ не можетъ, а дастъ отвѣтъ въ университетѣ. Между тѣмъ неизвѣстно по чьему распоряженію (здѣсь были Игнатьевъ, Паткуль, Шуваловъ и комендантъ) въ Колокольной улицѣ явились отряды жандармовъ, пѣшихъ пожарныхъ съ топорами, городовыхъ съ револьверами и наконецъ часть стрѣлковаго батальона. Весь этотъ сбродъ загородилъ выходъ изъ улицы со стороны Владимірской. Студенты объявили Филипсону, что ему, если онъ честный человѣкъ, не слѣдовало призывать войско. Онъ отвѣчалъ, что это не его распоряженіе, сталъ между студентами и войскомъ

и такимъ образомъ предупредилъ столкновеніе. Во всеобщей суматохѣ жандармскій офицеръ и два или три солдата обнажили сабли, что еще болѣе раздражило всѣхъ. Снова раздались крики: *„войско вонъ! полиція вонъ!“* Толпа студентовъ двинулась къ выходу изъ улицы; войска разступились и всѣ обратно отправились въ университетъ, гдѣ должно было произойти объясненіе съ Филипсономъ.

Между тѣмъ, это происшествіе разнеслось по городу; мальчишки бѣгали по улицамъ и кричали: „бунтъ! бунтъ!“ Народъ всякаго званія затопилъ близь лежащія улицы и со всѣхъ сторонъ публика заявляла сочувствіа студентамъ. Стоитъ упомянуть еще о тактикѣ нашей полиціи: въ Колокольной улицѣ одинъ полицейскій офицеръ говорилъ собравшемуся народу, что всѣ собравшіеся здѣсь *поляки!*

Наконецъ студенты собрались снова на университетскомъ дворѣ. Между университетомъ и академіей, готовъ уже былъ отрядъ жандармовъ, а за университетомъ стояли солдаты (стрѣлки). Филипсонъ и Игнатьевъ изъявили желаніе объясниться съ депутаціей. Студенты уполномочили для переговоровъ, бывшую редакціонную коммиссію (которой проэктъ канулъ въ вѣчность при новыхъ правилахъ) и нѣсколько другихъ студентовъ. Послѣ долгихъ объясненій съ Филипсономъ и Ко. депутація возвратилась и объявила слѣдующее: 1) что университетъ будетъ открытъ 2го Октября, а закрытъ онъ пока для изготовленія матрикулъ (??!); 2) что библіотека и лабораторія будутъ открыты съ завтрашняго же дня т. е. съ 26 Сентября; 3) что никто изъ студентовъ не будетъ арестованъ; 4) что они (депутаты) передали Игнатьеву и Филипсону рѣшеніе сходки,

т. е. что студенты новымъ правиламъ, ни къ какомъ случаѣ подчиняться не будутъ и что, если начальство не хочетъ отмѣнить ихъ, то пусть лучше не открываетъ университета; что если начальство вздумаетъ употребить старинную тактику, т. е. по одному заставлять подписывать матрикулы, то, что студенты подпишутъ ихъ, но исполнять правилъ не будутъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ согласіе ихъ будетъ вынужденное; 5) что на это Филипсонъ отвѣчалъ, что съ него требуютъ, чтобы матрикулы были подписаны и что онъ долженъ настаивать на исполненіе этого, а тамъ студенты могутъ дѣлать что хотятъ; 6) что Филипсонъ и Игнатьевъ въ исполненіи своихъ обѣщаній (выраженныхъ въ первыхъ трехъ пунктахъ) *дали честное слово (!!)*; 7) что депутація поручилась, что студенты тотчасъ-же по выслушаніи ея отвѣта разойдутся.

Студенты разошлись, хотя и были не совсѣмъ довольны отвѣтомъ. На другое утро (26го), многіе студенты явились въ библіотеку за книгами; но библіотека была заперта и на всѣхъ дверяхъ висѣло новое объявленіе, что по случаю повторившихся безпорядковъ, чтеніе лекцій прекращено и входъ въ университетъ закрытъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Тутъ же студенты узнали, что вся высланная депутація и много другихъ студентовъ арестованы*). Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній положили собрать новую сходку на

*) Вотъ фамиліи молодыхъ людей, которые честно служили общимъ студентскимъ интересамъ и которые теперь сидятъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости: Н. Утинъ, Михаэлисъ, И. Охановъ, Генъ, Стефановичъ, Даннебергъ, Левенталь, Покровскій (кандидатъ), Залѣскій. Подробный списокъ арестованныхъ сообщу.

университетскомъ дворѣ 27го числа въ 10 часовъ утра.

На другой день студенты начали собираться еще съ 9ти ч. Вскорѣ пріѣхалъ Филипсонъ; его окружили въ швейцарской и начали упрекать въ несдержаніи честнаго слова. Онъ отвѣчалъ, что это не его распоряженія, что онъ любитъ студентовъ, что если бы не онъ, то въ Колокольной улицѣ нало бы множество несчастныхъ жертвъ и не по винѣ начальства, а по необходимости, такъ какъ въ улицѣ было тѣсно, и солдаты могли какъ нибудь нечаянно, если не убить, то ранить много студентовъ. Ему сказали, что онъ поступилъ бы еще лучше, если бы вовсе не призывалъ войска противъ мирныхъ, безоружныхъ людей, что вѣроятно государю дали знать, что студенты бунтовали и что Игнатьевъ вынужденъ былъ употребить въ дѣло военную силу. На это Филипсонъ отвѣчалъ, что онъ съ лучшей стороны отнесся о поведеніи студентовъ въ Понедѣльникъ въ донесеніи министру, и что министръ, посылая депешу государю, принялъ за основаніе его донесеніе. Въ это время вошелъ Игнатьевъ; Филипсонъ присоединился къ нему и вмѣстѣ пошли въ канцелярію. Между тѣмъ студентовъ собралось довольно много. Послѣ долгихъ преній, на которыхъ вмѣсто арестованныхъ явились другіе руководители, былъ принять большинствомъ голосовъ адрессъ къ министру; въ этомъ адрессѣ говорилось, что въ университетѣ зачинщиковъ нѣтъ, что всѣ студенты одного мнѣнія, что пусть начальство или освободитъ арестованныхъ нашихъ товарищей или заберетъ всѣхъ насъ. Достали кадку, опрокинули ее вверхъ дномъ, положили на нее листы бумаги и началась подписка адресса. Въ это время раздался бара-

банный бой: явился Финляндскій полкъ въ полномъ составѣ; часть его поставили у однихъ воротъ университета и часть у другихъ. Передъ главными воротами, выходящими на набережную разъѣзжали верхами Игнатьевъ, Паткуль, Шуваловъ, коменданты и пр. генералы. Филипсонъ стоялъ у воротъ въ фуражкѣ. Средина набережной была оставлена для проѣзда; у другого тротуара (у самой Невы) стояли ряды жандармовъ, а за ними на тротуарахъ городовая и пѣшая полиція разнаго рода (которая, надобно отдать ей справедливость, была вообще выжлива).

Не смотря на все это, студенты рѣшили не расходиться до окончанія сходки и въ случаѣ нападенія войскъ или жандармовъ стоять смирно и не употреблять въ дѣло палокъ. Поднять былъ вопросъ: избрать-ли депутатовъ для подачи адресса или идти съ нимъ всей массѣ, какъ это было въ Понедѣльникъ. Послѣдняя партія видѣла въ шествіи массою гарантіи въ томъ, что студентовъ не арестуютъ, а если будутъ брать, то пусть берутъ всѣхъ; первая-же говорила, что по всей вѣроятности депутатовъ арестуютъ; но что этотъ способъ все-таки лучше, чѣмъ повтореніе стычки съ войсками, что многіе студенты не ручаются за то, что они выдержатъ хладнокровно натискъ солдатъ и что тогда можно испортить все дѣло; что наконецъ первое средство, т. е шествіе массою, будетъ у насъ еще въ запасѣ. Большинствомъ голосовъ принято первое предложеніе, т. е. избраніе депутатовъ для подачи адресса. Въ это время Игнатьевъ скомандовалъ приступъ; но публика на набережной зашикала и велѣно было ударить отбой. Сдѣлалъ-ли это Игнатьевъ изъ желанія только навести страхъ на студентовъ, или вернулъ

войско, видя неудовольствіе публики — трудно рѣшить.

Студенты продолжали стоять и выбрали въ депутаты Л. Пантелѣева, Вейнерта, Леонарда, Герике и Покровскаго, который давно долженъ былъ быть арестованъ, но скрывался нарочно чтобы явиться на эту сходку. Рѣшено было отправить депутатовъ сейчасъ-же и ждать ихъ возвращенія. Депутаты отправились, но у воротъ ихъ окружили Игнатьевъ и Ко.; раздались крики, „что депутатовъ арестовали“ — и вся масса бросилась къ воротамъ выручать ихъ. Игнатьевъ и Паткуль старались успокоить волненіе, сказали, что депутаты не будутъ арестованы, а что они хотятъ только переговорить съ ними и просили студентовъ возвратиться. Но студенты отказались и отступили только на нѣсколько сажень. Съ четверть часа продолжался споръ депутатовъ съ Филипсономъ и Ко. Игнатьевъ соглашался пропустить ихъ, но съ тѣмъ чтобы студенты не дожидались ихъ отвѣта, а тотчасъ-же разошлись; депутаты не соглашались и обѣ стороны выходили изъ себя. Наконецъ Паткуль объявилъ, что онъ имѣетъ приказъ считать сборище студентовъ за обыкновенную толпу, такъ какъ университетъ закрытъ и слѣдовательно *студентовъ не существуетъ*. — „Но если вы не считаете насъ теперь за студентовъ, то зачѣмъ вы призвали убѣжать насъ Филипсона? Вѣдь онъ намъ въ такомъ случаѣ не начальникъ, сказалъ одинъ изъ депутатовъ“. — Паткуль не нашелся что отвѣчать, а Игнатьевъ объявилъ депутатамъ, что если студенты не разойдутся, то черезъ полчаса онъ двинетъ войско. Депутаты объявили это сходкѣ, которая рѣшила наконецъ разойтись, сказавъ, что депутаты могутъ

отправиться въ другое время. Студентамъ было объявлено, что желающіе узнавать новости касательно университета должны собираться ежедневно на Невскомъ въ два часа, гдѣ и можно будетъ сговориться на счетъ плана дѣйствій.

Когда студенты уже разошлись, пріѣхалъ Путятинъ; узнавъ это, многіе возвратились и стали на улицѣ близъ университета; когда онъ вышелъ обратно изъ университета, его встрѣтили шиканьемъ. Всѣ учебныя заведенія объявили горячее сочувствіе студентамъ, особенно кадеты константиновскаго корпуса, юнкера и многіе офицеры, не смотря на частые аресты ихъ товарищей, постоянно приходили на сходки съ выраженіемъ сочувствія дѣлу студентовъ. Между этими офицерами было нѣсколько моряковъ.

Въ понедѣльникъ, когда депутація объяснялась съ Филипсономъ и Игнатьевымъ, пришелъ на дворъ Литке. Онъ шелъ мѣрными шагами, заложивъ руки назадъ, и гордо, почти презрительно, посматривалъ на собравшихся студентовъ. Студенты встрѣтили его смѣхомъ, а одинъ изъ нихъ чрезвычайно вѣжливо попросилъ у него папиросу. Этимъ почтенный адмиралъ и членъ государственнаго совѣта всего болѣе обидѣлся. Онъ внимательно поглядѣлъ на стоявшихъ вблизи морскихъ офицеровъ, какъ бы стараясь запомнить ихъ физіономіи, потомъ повернулся и, не сказавъ ни слова, пошелъ со двора.

30го Сентября былъ первый допросъ арестованныхъ; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ подаютъ адрессъ объ улучшеніи содержанія ихъ сыновей въ крѣпости.

Плетневъ возвратился изъ за границы и осуждаетъ дѣйствія Игнатьева и Ко. Публика, безъ

преувеличенія вся, тоже бранитъ всѣхъ этихъ господъ за призывъ войска, даже Деляновъ (нынѣ директоръ департамента народнаго просвѣщенія) не хвалитъ ихъ распоряженія.

Л. Пантелѣевъ и другіе депутаты (избранные въ середу) тоже арестованы. Однимъ словомъ берутъ и дома и на улицѣ и днемъ и ночью, и праваго и виноватаго.

Съ 27го Сентября университетъ обращенъ въ казарму, въ немъ и днемъ и ночью стоитъ 60 человѣкъ солдатъ, ворота всѣ заперты и студентовъ не пускаютъ никого; даже живущимъ въ университетѣ выданы билеты, безъ которыхъ и ихъ не пускаютъ въ калитку.

Профессора сначала просили о смягченіи новыхъ правилъ; потомъ чтобы имъ поручили изслѣдовать это дѣло; во всемъ этомъ получили отказъ. Наконецъ на дняхъ они подали новый адресъ, въ которомъ просили о смягченіи участи студентовъ. Опять отказъ. Министръ объявилъ, что сдѣлать уступку въ такое время значитъ показать слабость со стороны правительства, что 32 изъ арестованыхъ государственные преступники и только остальные могутъ надѣяться на помилованіе.

Депутатъ отъ университета для слѣдствія назначенъ профессоръ Никитенко. И профессора и студенты ѣздили просить его чтобы онъ отказался отъ депутатства. Онъ не согласился. Тогда профессора просили министра чтобы хоть въ помощники Никитенкѣ назначили какого-нибудь профессора юриста. Не знаю какой будетъ отвѣтъ.

Харьковскій университетъ закрытъ. Въ московскомъ 1ой и 2ой курсы юридическаго факультета кассированы, прочіе отказались принять новыя правила и всѣ студенты этихъ курсовъ исключены.

Министерство не хочетъ дѣлать никакихъ *уступокъ*; студенты тоже. Сначала Путятинъ просилъ содѣйствія профессоровъ, но не соглашался на условія предложенныя ими; видя, что они не раздѣляютъ его мнѣній, Путятинъ призвалъ деканов (Срезневскаго, Благовѣщенскаго, Горлова, и Воскресенскаго) и сказалъ имъ, что они дѣйствуютъ двоедушно. Срезневскій и Благовѣщенскій сказали ему, что онъ не смѣетъ такъ говорить имъ. — „Я господа, говорю откровенно". — „Вы слишкомъ откровенны, графъ!" —

Артиллеристы и нѣсколько полковъ отказались идти противъ студентовъ. Имена этихъ полковъ еще навѣрное неизвѣстны намъ, но что были полки отказавшіеся — это фактъ.

Письмо изъ Москвы.

При вѣсти о закрытіи Петербургскаго университета, взволновался и Московскій. Студенты московскаго университета рѣшили подать адрессъ государю, который въ подлинникѣ пересылаю къ вамъ. Нашлось 500 подписей, а потомъ выступила на сцену партія, совѣтующаяся съ Тучковымъ; правитель его канцеляріи Рудзевичъ перемѣнилъ адрессъ на прошеніе къ Путятину. Подписавшіеся подъ адрессомъ къ государю отказались, польскіе студенты тоже сказали, что къ прошенію не присоединятъ своихъ подписей, тогда какъ прежде соглашались, если найдется большое число русскихъ — и вотъ уже 3 дня дѣло идетъ, кажется ни къ чему. Въ послѣднее время, когда увидали, что дѣло пошло очень дурно изъ 500 подписавшихся 300 взяли свои подписи назадъ.

4 Октября было происшествіе нѣсколько поотраднѣе: Человѣкъ 600 студентовъ отправились изъ университета на могилу Т. Н. Грановскаго; впереди несли корзину цвѣтовъ и вѣнки; народъ снималъ шапки и крестился, но когда замѣчалъ, что всѣ въ фуражкахъ и въ корзинѣ даже бога не видно, снова надѣвалъ.

На кладбищѣ разумѣется появилась полиція въ солдатской формѣ и переодѣтая. Во время другой рѣчи послѣ панихиды взошелъ за рѣшотку оберъ-полицмейстеръ Крейцъ. Сдѣлался взрывъ, слышалось: здѣсь вамъ не мѣсто и т. п. въ этомъ родѣ; одинъ изъ студентовъ вскочилъ: „Гг. ради могилы Т. Н. Грановскаго не дѣлайте скандала, тише!“ — и все утихло. Крейцъ повернулъ на лѣво кругомъ и ушелъ.

На возвратномъ пути совершенно спокойно, не обращая вниманія, студенты прошли мимо выстроившихся жандармовъ: въ сторонѣ за зданіемъ стояло около 150 будочниковъ, не извѣстно съ какой цѣлью собранныхъ. Одинъ студентъ отправился за попомъ и встрѣтивъ на кладбищѣ дьякона, спросилъ: „Что батюшка нейдетъ служить панихиду? Студенты просятъ.“ Сейчасъ отвѣчалъ онъ студенту, а самъ подобравши полы, отправился къ Сычинскому, не далеко стоявшему: „Можно служить панихиду, студенты просятъ?“ можно, отвѣчалъ тотъ. Это мнѣ напомнило тѣ времена, когда въ Украйнѣ церкви отдавались на аренду евреямъ. Тотъ-же Сычинскій обращаясь къ нѣкоторымъ изъ студентовъ, говорилъ: „Гг. изъ колеи закона не выходите“ . . .

Адресъ государю.

I. Проектъ.

В. И. В.

26 Сентября, по распоряженію высшаго начальства, С. Петербургскій университетъ закрытъ. Вѣсть эта не могла не быть принята горячо къ сердцу и студентами московскаго университета. Она нашла отголосокъ и въ сердцахъ всего общества, потому что послѣднему въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь нужны люди образованные. Вы сами в. в. не разъ изъявляли желаніе, чтобъ должности вызванныя начатыми преобразованіями были замѣщаемы людьми получившими университетское образованіе.

Государь! Такое грустное явленіе, противурѣчащее какъ желаніямъ в. в., такъ и ожиданіямъ всего общества, было результатомъ стѣснительныхъ правилъ, которыя не допускаютъ большую часть бѣдныхъ молодыхъ людей получить университетское образованіе и служатъ единственной причиной тѣхъ безпорядковъ между студентами и ихъ начальствомъ, которыя повлекли за собой даже такія строгія мѣры, какъ закрытіе университета. Все это заставляетъ насъ прямо обратиться къ в. в. и откровенно высказать наши нужды.

В. в.! Новыми правилами, изданными для студентовъ, мы поставлены въ такое положеніе, что лишены всякой возможности заявлять начальству наши нужды чрезъ избранныхъ изъ среды насъ депутатовъ. Всякое подобное дѣйствіе съ нашей стороны вмѣняется намъ въ вину и даже въ преступленіе. Потому, желая избѣгнуть объясненій

массы студентовъ съ начальствомъ и происходящихъ отъ того безпорядковъ, мы просимъ для правильныхъ сношеній съ начальствомъ выбирать депутатовъ, которые могли бы собираться и для обсужденія дѣлъ касающихся интереса всего студентскаго общества.

Мы просимъ в. в. дозволить намъ имѣть правильно организованную кассу для вспомоществованія нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

Мы просимъ в. в., чтобы безнравственные поступки студентовъ, нарушающіе порядокъ студентскаго общества, были преслѣдуемы нами самими, и пусть начальство университета довѣрится въ этихъ случаяхъ приговору всего общества студентовъ. Мы просимъ такого права только для того, чтобы безнравственные поступки одного изъ насъ не ложились чернымъ пятномъ на всѣхъ студентовъ.

Мы просимъ в. в., чтобы наши товарищи, за нарушеніе университетскихъ правилъ, не были увольняемы изъ университета безъ слѣдствія и суда, и чтобы о причинахъ увольненія было объявляемо всѣмъ студентамъ.

Мы просимъ в. в., чтобы дѣйствительно бѣдные люди, желающіе получить университетское образованіе были освобождаемы отъ платы за слушаніе лекцій.

Наконецъ мы просимъ в. в. за своихъ товарищей студентовъ с. петербургскаго университета и двухъ первыхъ курсовъ юридическаго факультета московскаго университета, у которыхъ въ настоящее время отнята возможность продолжать свое образованіе.

Государь! Мы прямо излагаемъ вамъ наши нужды, въ полной надеждѣ что вы не откажете

милостиво принять наши просьбы вызванныя дѣйствительными потребностями, а не духомъ своеволія.

II. Текстъ адресса преданнаю государю.

В. И. В.

Всемилостивѣйшій государь.

Неизмѣнная благосклонность ваша къ студентамъ моск. унив., высокое покровительство, которымъ удостоивали вы ихъ постоянно, даетъ намъ смѣлость обратиться съ этой просьбой прямо къ в. в. государь! Тяжело было-бы для насъ, еслибы событія, происшедшія въ послѣднее время въ средѣ нашей, могли набросить неблагопріятную тѣнь на моск. унив. въ мнѣніи в. в. По совѣсти утверждаемъ, государь, что между нами не найдется никого, кто не считалъ-бы священнѣйшимъ долгомъ своимъ строгое соблюденіе порядка и разумное повиновеніе закону.

Мы не думали измѣнить этому долгу, когда вознамѣрились обратить на себя милостивое вниманіе в. в. и вполнѣ полагаясь на извѣстное всѣмъ великодушіе ваше, рѣшились высказать вамъ наши нужды.

Мы же осмѣливаемся ходатайствовать передъ лицемъ в. в. объ отмѣненіи вновь установленной платы за слушаніе лекцій. Государь! эта мѣра легла тяжелымъ гнетомъ на нашихъ неимущихъ товарищей и въ тоже время заградила путь къ образованію всѣмъ бѣднымъ молодымъ людямъ.

Потомъ мы осмѣливаемся просить у в. в. дозволенія имѣть правильно организованную кассу, при существованіи которой мы могли-бы прямо

и открыто помогать нашимъ бѣднымъ собратамъ. Наконецъ, желая противудѣйствовать безпорядкамъ, часто возникающимъ при сношеніи массы студентовъ съ начальствомъ, мы рѣшились просить в. в. о дозволеніи избрать изъ среды своей товарищей, которые, служа посредниками между нами и нашимъ начальствомъ, объясняли-бы законнымъ порядкомъ наши потребности.

Вотъ наши нужды, государь, о которыхъ мы рѣшились всеподданѣйше просить в. в. Желаніе найти законный путь, дабы высказать эти нужды привело насъ къ неожиданнымъ горькимъ для насъ послѣдствіямъ.

Всѣ наши поступки были къ несчастію перетолкованы въ дурную сторону, нашимъ намѣреніямъ придали такой смыслъ, какой никогда не могли они и не должны имѣть.

Дѣло объ общей просьбѣ в. в. не было еще окончательно рѣшено нами, когда, вдругъ, нѣсколько студентовъ были арестованы. Пораженные этимъ внезапнымъ и безпричиннымъ дѣйствіемъ полиціи, многіе изъ насъ рѣшились отправиться къ дому г. ген.-губерн. съ той цѣлію, чтобы черезъ трехъ товарищей почтительно ходатайствовать объ участи захваченныхъ наканунѣ студентовъ. и въ тоже время убѣдиться въ справедливости распространеннаго слуха, что г. ген.-губерн. соглашается передать в. в. нашу всеподданнѣйшую просьбу.

На площади, передъ домомъ ген.-губерн. насъ ожидали позоръ и незаслуженное насиліе. Намъ не дали времени заявить какой-либо просьбы, насъ не спросили о причинѣ нашего прихода и безъ всякаго предварительнаго приглашенія разойтись, захватили вооруженною силою, подвергая при этомъ самымъ грубымъ истязаніямъ. Нѣкоторые

изъ насъ не бывшіе на площади испытали такое-же, если не большее насиліе въ отдаленныхъ частяхъ города, въ то время, какъ отправлялись по частнымъ своимъ дѣламъ. Очень многіе изъ нашихъ товарищей неоправились еще и теперь отъ полученныхъ ими ударовъ.

Всё общество, вся Москва, государь, могутъ заявить вамъ, что въ незапамятное утро 12. Окт. форменная одежда студентовъ навлекла на носящихъ ее, невыносимыя, дотолѣ неслыханныя и ничѣмъ не вызванныя оскорбленія. Всюду, на всѣхъ улицахъ студенческій мундиръ служилъ уже достаточнымъ поводомъ, чтобы быть избитымъ палашемъ жандарма или раздавленнымъ его лошадью.

Государь! мы прибѣгаемъ къ вашему справедливому суду! Даруйте намъ защиту отъ оскорбительнаго и грубаго насилія вызваннаго неумѣстною и обидною для насъ подозрительностію. Дайте намъ возможность опровергнуть унизительные для чести нашей слухи, изустно и печатно*) про насъ распространенные. Обратите милостивое вниманіе на тѣхъ изъ насъ, которые будучи захвачены передъ домомъ ген.-губерн. какъ просители, избитые и потому больные, содержатся и судятся теперь какъ преступники. В. в. въ насъ крѣпка вѣра въ великодушіе вашего сердца. Мы твердо надѣемся, что просьба эта будетъ благосклонно принята вами и найдетъ отголосокъ въ сердцѣ в. в.

Студенты московскаго университета.

*) Въ Полиц. Вѣд. было напечатано, что студенты съ палками напали на жандармовъ, что они были вооружены палками и кинжалами. Разсказывали гораздо хуже этого.

Перечень событій въ С. Петербургѣ.

Кажется, тризна, совершенная надъ петербургскимъ университетомъ, Строгоновымъ, Путятинымъ, Филипсономъ, Шуваловымъ, Игнатьевымъ и Паткулемъ кончилась; ряды злодѣяній завершены, цѣлое университетское поколѣніе раздавлено. Конечно, не сбылось и вѣроятно не сбудется громко и публично сказанное слово Игнатьева, что самое зданіе Петра Великаго будетъ срыто до основанія. Слово этого витязя, носившагося во время событій въ полной генеральской формѣ, на бѣломъ конѣ, не сбылось, зданіе стоитъ, но оно внутри пусто и безжизненно. Дѣло разрушенія кончилось, сведенъ-же печальный итогъ.

Обращаясь къ послѣднимъ двумъ, тремъ недѣлямъ, прежде всего поражаешься мыслью, съ какою неумолимою логическою послѣдовательностію шли происшествія, одно за другимъ! Все, что предсказывали министру, все, чего опасались, сбывалось на дѣлѣ, но только скорѣй, чѣмъ предсказывали и въ десять разъ сильнѣй, чѣмъ опасались. Лекціи въ университетѣ открылись въ Понедѣльникъ 18 Сентября; черезъ недѣлю, именно въ Воскресенье утромъ, 24 числа, когда профессора въ первый разъ представлялись министру, по городу разнеслась вѣсть, что университетъ закрытъ. Что-же такое случилось въ одну недѣлю, что бы оправдывало закрытіе университета, т. е. именно то событіе, которое служило ближайшей причиной всѣхъ послѣдующихъ демонстрацій и манифестацій? Лица, посѣщавшія въ это время университетъ, и

даже совершенно посторонніе, всѣ единогласно утверждаютъ, что никогда еще въ университетскихъ аудиторіяхъ не было замѣтно такого огромнаго числа слушателей, никогда еще не было такого огромнаго напряженнаго вниманія къ каждому слову профессора, какъ именно въ это время. Въ аудиторіи въ которой находилось 200, 300 человѣкъ, царствовала такая тишина, какъ будто всѣ сдерживали дыханіе. И это не только у любимыхъ профессоровъ, но даже у тѣхъ стариковъ, изложеніемъ которыхъ студенты далеко не имѣютъ причины быть совершенно довольными. Такъ было въ особенности до Субботы 23 числа, когда назначена была большая сходка. Но эта сходка была далеко не первая послѣ каникулъ, она была уже третья, или четвертая. Сходки послужили впослѣдствіи главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ студентовъ, преступленіемъ, чуть не государственнымъ, которымъ правительственныя власти оправдывали свой дикій произволъ, свой ожесточенный, сумасшедшій образъ дѣйствій, которому черезъ нѣсколько времени едва повѣрятъ. И такъ позвольте замѣтить о нихъ слѣдующее. Всѣ лица, стоящіе въ какомънибудь отношеніи къ университету, одинаково утверждаютъ, что въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ сходки были не только терпимы, но даже официально и съ высочайшаго разрѣшенія дозволены. Эти лица, посвященныя въ университетскія дѣла, утверждаютъ даже, что въ архивѣ университета имѣются подлинные официальные акты, за нумерами, какъ слѣдуетъ, коими сходки дозволяются. Предметомъ сходокъ были дѣла по студентскому сборнику, по управленію благотворительной кассой, существовавшей у студентовъ въ пользу бѣдныхъ

товарищей, по устройству концертовъ и публичныхъ лекцій для наполненія этой кассы и т. д. Такъ было еще до каникулъ. Въ правилахъ, составленныхъ въ инквизиторской коммиссіи народнаго просвѣщенія въ Маѣ мѣсяцѣ — она составилась по доносу Строгонова и Ко. на министерство Ковалевскаго — въ правилахъ распубликованыхъ какъ высоч. повелѣніе, сходки опять не запрещены, а то-же дозволены, но только съ разрѣшенія университетскаго начальства. Это высочайшее повелѣніе легло въ основаніе работъ той профессорской коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Чебышева, которая работала во время каникулъ и которая должна была найти способы исполненія новыхъ правилъ. Извѣстно, что эти способы исполненія или правила, предложенныя профессорской коммиссіей, вызвали гнѣвъ министра; онъ сдѣлалъ профессорамъ, членамъ коммиссіи, грубый письменный выговоръ, произвольно измѣнилъ представленныя ему правила, безъ показанія мотивовъ, и въ концѣ концовъ сдѣлалъ распоряженіе своею властію, но съ высочайшаго соизволенія, о полномъ и безусловномъ запрещеніи сходокъ. Это впрочемъ не мѣшало впослѣдствіи министру фарисейски утверждать, что онъ очень удивляется, почему совѣтъ профессоровъ единодушно отказался отъ принятія кѣмъ-либо изъ членовъ его должности проректора, *такъ какъ новыя правила составлены самими профессорами.* Говорятъ даже, что онъ на печатномъ экземплярѣ правилъ, посланномъ Замятину, своей рукой написалъ, что эти правила составлены въ коммиссіи такими-то профессорами. Хорошо уваженіе къ юстиціи ... При полномъ отсутствіи гласности о внутреннихъ дѣлахъ своего вѣдомства, одинъ министръ имѣетъ

полную возможность лгать и обманывать всѣхъ остальныхъ! И такъ законодательство о сходкахъ представляется въ такомъ видѣ: съ одной стороны высочайшее повелѣніе дозволяющее сходки съ разрѣшенія университетскаго начальства, и притомъ высочайшее повелѣніе, напечатанное и распубликованное во всеобщее свѣденіе, а съ другой, министерское распоряженіе, на кое, какъ министръ утверждаетъ, послѣдовало высочайшее соизволеніе, т. е. министерская регламентація не появляющаяся въ печати, но тѣмъ не менѣе втихомолку отмѣнившая высочайшее повелѣніе. Теперь посмотримъ на практику, какъ дѣйствовало университетское начальство. Оно состояло изъ попечителя Филиппсона, изъ исполнявшаго должность ректора Срезневскаго и такъ какъ проректора не было — министерство создало невозможныя для профессора условія этой должности — еще изъ извѣстнаго инспектора Фицтума; они не только не вывѣсили объявленія о запрещеніи сходокъ, но даже не являлись на нихъ, чтобы предложить студентамъ разойтись. Никакой sommation со стороны университетскаго начальства положительно не было сдѣлано. Когда на самую первую сходку никто изъ этихъ лицъ не явился съ требованіемъ, чтобы студенты разошлись, тогда всѣ остальныя послѣдующія сходки eo ipso должны считатся совершенно законными. Спрашивается, что-же эти лица дѣлали? Инспекторъ и испр. долж. ректора скрывались отъ студентовъ. Скрывался отъ нихъ и Филиппсонъ, во всѣ эти дни бывшій въ университетѣ и притавшійся отъ нихъ. Мы въ особенности настаиваемъ на этомъ пунктѣ о бездѣйствіи университетскихъ властей во время сходокъ потому, что на дняхъ въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ

(17 Октября, No. 229) появилась официальная статья объ университетскихъ безпорядкахъ, изготовленная въ двухъ министерствахъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этой статьѣ говорится, что: „Ни инспекторъ, ни исправляющій должность ректора (Срезневскій) *не могли уговорить ихъ (студентовъ) прекратить сходку 23 Сентября, которая продолжалась около полугаса.*“ Это самая наглая ложь. Мало еще было посадить нѣсколько сотъ человѣкъ въ крѣпость, теперь пользуясь монополіей печатнаго слова, еще необходимо оклеветать ихъ. Справедливо напротивъ то, что въ эту послѣднюю сходку 23 Сентября сами студенты потребовали къ себѣ Срезневскаго, желая съ нимъ объясниться. Срезневскій говорилъ студентамъ о томъ, что онъ профессоръ и даже сынъ профессора, что профессоръ по родству души своей со студентами, отгадываетъ ихъ желанія и проч. и проч. Но ни слова о томъ, что студенты должны разойтись.

Въ Воскресенье 24 числа стало извѣстнымъ, что университетъ закрытъ. Извѣстіе это, поразившее весь городъ, не было однако сообщено профессорамъ самимъ министромъ, какъ показываетъ корреспондентъ „Times'a“. Бывшіе на этомъ предсгавленіи утверждаютъ, что министръ въ своей рѣчи только сказалъ, что онъ ждетъ содѣйствія профессоровъ для успокоенія молодыхъ людей, что онъ съ своей стороны готовъ ходатайствовать объ увеличеніи средствъ образованія, т. е. о повышеніи ихъ окладовъ (отрыжка циркулира), и что плата въ 50 р. с. за слушаніе лекцій менѣе значительна чѣмъ-та, которая взимется въ другихъ государствахъ. Избавленіе-же отъ этой платы

могло бы имѣть результатомъ только еще большее обремененіе податныхъ сословій, что было бы несправедливо, потому что большинство въ университетахъ не изъ этихъ сословій. Министру никто ничего не отвѣчалъ, хотя можно было бы отвѣчать, что податныя сословія, конечно, довольно платятъ и безъ наложенія на нихъ новой подати въ пользу университетовъ, только бѣда въ томъ, что правительство не экономически тратитъ государственные доходы и назначая въ министры такихъ лицъ, какъ его сіятельство, губитъ именно то вѣдомство, отъ котораго зависятъ интересы образованія, зависять самыя насущныя потребности всѣхъ сословій . . . Какъ бы то ни было, но о закрытіи университета министръ не сказалъ ни слова, хотя всѣ уже знали объ немъ. Компрометируя систему Путятина, эта страшная ошибка, конечно, была полезна. Но это закрытіе было именно ошибкой, которая озлобила и студентовъ и все общество. Въ обществѣ говорили и спрашивали себя: какія причины этого закрытія? Безпорядки, несравненно серьознѣе происходили иногда и прежде въ университетѣ, какъ на пр. на послѣднемъ университетскомъ актѣ, 8 Февраля, однако тогда не думали и на день закрывать университета. Предлогъ, что необходимо напечатать предварительно матрикулы, казался слишкомъ вздорнымъ, чтобы объ немъ можно было серьозно говорить. Было только очевидно, что министръ налагаетъ руку на университетъ и замышляетъ что-то недоброе. Это недоброе сбылось: сотни молодыхъ людей сидятъ въ Петропавловской крѣпости, около двухъ сотъ человѣкъ перевезено теперь въ Кронштатскую крѣпость, и всѣ эти жертвы — сердце обливается кровью — нужны были только для того, чтобы убѣдить всѣхъ

и каждаго, что такой изувѣръ какъ Путятинъ — негоденъ для управленія дѣлами просвѣщенія!*)

Утромъ въ понедѣльникъ огромное число студентовъ собралось предъ университетомъ и здѣсь, вмѣсто всякаго объясненія, увидѣли на запертыхъ дверяхъ университета объявленіе, гласившее, что лекціи прекращены на неопредѣленно время. Такъ какъ студентамъ, по новымъ правиламъ, запрещены всякія объясненія съ начальствомъ посредствомъ депутаціи, то они рѣшили всей массой отправиться къ попечителю въ Колокольную улицу, около Владимірской. Путь лежалъ черезъ Невскій и студенты тронулись въ величайшемъ порядкѣ, попарно и по три человѣка вмѣстѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Шли они по тротуару, такъ что никакаго замѣшательства на улицахъ не произвели. На дорогѣ встрѣтился съ ними Филипсонъ, который ѣхалъ въ университетъ. Онъ не остановился и проѣхалъ. Однако, узнавъ въ университетѣ цѣль, куда отправились студенты, вернулся къ своему дому, окруженному уже студентами, полиціей и вскорѣ прибывшей ротой солдатъ, шедшей на смѣну карауловъ въ крѣпость. Вопросъ о томъ, по чьему приказанію явилось сюда въ первый разъ войско, довольно сложенъ, достовѣрно только, что оно явилось не безъ вѣдома в. к. Николая Николаевича, совершенно потерявшаго въ этотъ день голову, такъ какъ отъ него по городскому телеграфу дано было знать въ крѣпость, что задержало солдатъ, шедшихъ въ нее на караулы. Въ Колокольной улицѣ было мно-

*) Намъ кажется, что почтенный авторъ статьи ошибается, Путятинъ былъ избранъ по его негодности. Онъ былъ исполнителемъ полицейскаго заговора сдѣланнаго старымъ инквизиторомъ и ретроградной партіей.

жество любопытныхъ сценъ : властямъ предержащимъ пришлось услышать, можетъ быть въ первый разъ, множество умныхъ и острыхъ словъ. Эти сцены и слова со временемъ будутъ переданы, конечно, самими дѣйствовавшими лицами. Но что сказать о генералѣ, который долго служилъ на Кавказѣ и который, видя огромную массу студентовъ, народа и полиціи предъ своимъ домомъ, прежде всего бросается и прячется въ сосѣднюю мелочную лавочку? Вслѣдъ за тѣмъ считая свое убѣжище, должно быть, не совершенно безопаснымъ, Филипсонъ отправляется къ студентамъ и начинаетъ рѣчью о томъ, что у него въ домѣ жена и дѣти. Студенты отвѣчали ему, что они ручаются за ихъ безопасность. Въ это время вмѣшивается въ разговоръ Шуваловъ, но ему возражаютъ, что съ Ш-имъ отдѣленіемъ не говорятъ, а объясняются съ попечителемъ. Но это объясненіе Филипсону почему-то пріятнѣе было слѣлать около университета, а не около своего дома, и вотъ онъ приглашаетъ всѣхъ отправиться за нимъ опять къ университету. Опять, какъ неразсчетливо и противно собственнымъ интересамъ дѣйствуетъ попечитель! Съ его точки зрѣнія, съ точки зрѣнія полицейскаго порядка, спокойное шествіе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по улицѣ, представлялось страшнѣйшей демонстраціей. (Государственный совѣтъ, когда узналъ объ немъ, въ безпорядкѣ кончилъ свое засѣданіе. Шуваловъ, который туда пріѣхалъ блѣдный и испуганный, чтобы какъ можно болѣе драматизировать свое положеніе, сказалъ, что его хотѣли убить.) И такъ, если это шествіе въ глазахъ начальства представилось чѣмъ-то въ родѣ покушенія на уличную революцію, и заставило его на всякій случай обратиться къ военной

силѣ, то зачѣмъ-же это шествіе повторять, зачѣмъ вести всѣхъ за собою опять по Невскому и дать возможность множеству, совершенно постороннего народа, сочувствовавшаго университетской молодежи, пристать къ ней на улицѣ, словомъ, отчего Филипсонъ не могъ удовлетворительно и окончательно объясниться со студентами у своего дома, въ Колокольной улицѣ? Ему слѣдовало только нѣсколько человѣкъ студентовъ пригласить тутъ-же, къ себѣ домой, въ качествѣ депутатовъ и дѣло было-бы кончено. Но депутаты запрещены. Однако на нихъ согласился-же онъ, когда пришли къ университету. Дѣло въ томъ, что онъ совершенно потерялъ голову, и пришелъ въ себя не прежде, какъ вечеромъ, когда онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, явился въ совѣтъ профессоровъ и сѣлъ на предсѣдательское кресло. Здѣсь, какъ слышно, предложено было профессорамъ, чтобы матрикулы роздавались въ факультетскихъ собраніяхъ, и въ слѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, большинство профессоровъ несогласившихся съ мнѣніемъ попечителя, потому что не желали поддержать своимъ вліяніемъ такія правила, которыхъ не одобряли, о отвѣтственность за которыя они не хотѣли раздѣлять съ министерствомъ, заняты были каждый письменнымъ изложеніемъ тѣхъ мотивовъ, по которымъ они не соглашались съ волей начальства. Профессора видѣли въ этихъ письменныхъ упражненіяхъ, которыхъ отъ нихъ министръ потребовалъ, ловушку, посредствомъ которой ихъ выгонятъ изъ службы. Намѣреніе это вѣроятно и было, но оно оказалось неудобоисполнимымъ.

Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ начались аресты, которые съ тѣхъ поръ не прекращались

и шли до послѣдняго времени все crescendo. Арестованыхъ отъ Паткуля или изъ Ш-го Отдѣленія отвозили прямо въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ. Шуваловъ, Паткуль, Путятинъ и Филипсонъ, всѣ кричали въ одинъ голосъ, что студентовъ посадили въ крѣпость вовсе не за одни университетскіе безпорядки, а за то, что они политическіе преступники, до того сильна была у тайной полиціи и у цѣлаго правительства надежда, что между студентами открытъ будетъ непремѣнно заговоръ, тайное общество. Этимъ же Филипсонъ оправдывалъ свое нарушеніе даннаго студентамъ въ Понедѣльникъ слова, что никто изъ нихъ арестованъ не будетъ. На этомъ-же основаніи сама „святорыбица“, при представленіи черезъ нѣсколько дней декановъ, вышла изъ себя и наговорила имъ дерзостей за то, что профессора поднесли ей сочувственный студентамъ адрессъ съ просьбой, чтобы она оказала свое участіе къ нимъ. Адрессъ былъ невиннѣйшій, но онъ черезъ нѣсколько уже часовъ по его принятіи взбѣсилъ министра — какъ стать ходатайствовать и подписывать адрессъ въ пользу молодыхъ людей, на которыхъ тяготѣютъ подозрѣнія въ важныхъ политическихъ преступленіяхъ! Путятинъ тогда же объявилъ деканамъ, что доискиваются *руки*, которая въ тайнѣ руководила студентами и что даже вѣроятно многіе изъ профессоровъ будутъ привлечены къ слѣдствію. На послѣднее ничего не нашлись отвѣчать деканы, представители факультетовъ, но за предшествовавшія грубыя и оскорбительныя выраженія, министръ получилъ тою-же монетой отъ одного изъ профессоровъ, вслѣдствіе чего святорыбица тотчасъ перемѣнила тонъ. Теперь, когда по всему что слышно, надежда

запутать студентовъ посредствомъ обвиненія въ какомъ-нибудь политическомъ преступленіи, окончательно рушилась, спрашивается, чѣмъ оправдываютъ Шуваловъ и Паткуль, Путятинъ и Филипсонъ заключеніе ихъ въ крѣпости? Всего любопытнѣе то, что ни для кого въ Петербургѣ не секретъ, что когда слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Волянскаго была назначена, то въ теченіе нѣсколькихъ дней она тщетно требовала обвинительнаго акта. Ни Шуваловъ, ни Игнатьевъ, ни Путятинъ не могли точно сообщить коммиссіи, въ чемъ именно обвиняютъ студентовъ, за что именно ихъ посадили въ крѣпость. Шуваловъ, какъ также извѣстно, намѣренъ былъ отдѣлаться слѣдующей штукой: „Я вамъ передамъ все на словахъ“, сказалъ онъ Волянскому, отъ чего разумѣется послѣдній отказался. Шуваловъ вообще охотникъ до штукъ. Когда, во время одной изъ послѣдующихъ сходокъ на улицѣ, выставленъ былъ противъ студентовъ баталіонъ финляндскаго полка, то Шуваловъ, выходя вмѣстѣ съ Игнатьевымъ изъ швейцарской 1-го кадетскаго корпуса, обратился къ офицерамъ съ словами: „генералъ-губернаторъ согласился со мной, что необходимо дѣйствовать силой“, и за тѣмъ наклонясь къ одному изъ офицеровъ говорилъ ему: „*слѣдуетъ бить прикладами!*“ Офицеръ, не желая принимать подобнаго приказанія подъ секретомъ и нести отвѣтственность за это варварское распоряженіе, вслѣдъ за тѣмъ отвѣчаетъ громко Шувалову, такъ что всѣ могли слышать: „и такъ ваше сіятельство даете приказъ бить прикладами!“ Мы сообщили далеко не все, да пока еще нѣтъ и возможности. Послѣдній актъ всей этой раздирающей душу драмы, актъ, который совершается сегодня и продлится до завтра,

это высылка съ жандармами всѣхъ студентовъ, не взявшихъ матрикулъ, изъ Петербурга, хотя Филипсонъ громко сказалъ въ совѣтѣ, еще нѣсколько дней тому назадъ, что тѣхъ, которые не возьмутъ матрикулы, преслѣдовать не будутъ. (Какъ сбывается слово *Колокола* о талантахъ этого генерала къ переселеніямъ!)

Еще о Московскомъ университетѣ.

Студенческая исторія 12 Октября, которую и изложу ниже, непонятна безъ исторіи московскаго университета за послѣднее время и потому и скажу предварительно нѣсколько словъ о ней.

Съ 1848 года до самой смерти Николая, Россія представляла трупъ, на которомъ совершали свой гнетъ отвратительные вампиры — безумный императоръ и его холопы. Литература, образованное общество, народъ — глухо, почти безмолвно стонали въ предсмертной агоніи, и если гдѣ теплилась слабая искра жизни, такъ это только въ университетахъ и около нихъ.

Въ печальные шесть лѣтъ съ 1848—1855 московскій университетъ записалъ одну изъ достопамятныхъ страницъ своей исторіи. Лучшіе изъ профессоровъ его, съ Грановскимъ въ головѣ, связанные по рукамъ и ногамъ полицейскимъ надзоромъ, фельдфебельскимъ самоуправствомъ Назимова и оппозиціей своихъ отсталыхъ товарищей въ родѣ Орнадскаго, ясно понимали свою

историческую задачу — спасти для лучшаго будущаго зародыши живой и свободной мысли въ груди молодаго поколѣнія. Задача была не легкая, когда за каждое неосторожное слово, намекъ, профессоръ подвергался, по малой мѣрѣ, высылкѣ вонъ изъ Москвы и такимъ образомъ могъ навлечь непріятности себѣ и, что самое главное, лишить своей помощи университетъ. Всякую живую мысль пришлось закутывать въ тяжелыя научныя формы, представлять студентамъ массы фактовъ, не смѣя обобщить ихъ и сдѣлать выводъ — представляя это на догадливость слушателей. Въ историческихъ лекціяхъ ставились на видъ слушателямъ свободныя формы древней греческой жизни, какъ бы для контраста съ домашними; при изложеніи религіознаго сознанія древняго языческаго міра, покойный Кудрявцевъ, въ формѣ скучныхъ археологическихъ изслѣдованій, сводилъ религію на одну изъ случайныхъ сторонъ жизни человѣческой, развивающихся и измѣняющихся вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ человѣка, пока наконецъ она не будетъ замѣнена простой наукой. Даже лекціи философіи въ то время не рѣдко служили проводниками идей, въ которыхъ заключался протестъ противъ окружавшаго безобразія. По воскресеньямъ къ Грановскому ходило много студентовъ за книгами; и каждый выходилъ изъ его кабинета съ мыслію, пробуждавшею въ немъ желаніе къ дѣятельности, приличной человѣку и гражданину въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ по поводу книги, въ анекдотѣ, разсказанномъ Грановскимъ, его гости всегда могли прочитать протестъ и непримиримую вражду къ рабству, лжи, произволу, вообще всему тому, отъ чего въ то время было

невыносимо жить всякому, хотя немного живому человѣку. По примѣру Грановскаго поступали другіе профессора; и дѣятельность ихъ не пропала даромъ. Лучшая часть молодаго поколѣнія не впала въ апатію и готовилась при первомъ удобномъ случаѣ отдать всю свою дѣятельность и жизнь будущему освобожденію родины; она готовилась на борьбу непримиримую, безъ сдѣлокъ, безъ уступокъ, а пока занималась наукой, которую любила, потому что отъ ея представителей слышала свободное слово, протестъ противъ самодержавнаго безобразія. Разумѣется, старшіе и талантливѣйшіе изъ учениковъ Грановскаго и его товарищей вліяли на младшихъ и слабѣйшихъ такъ, что къ началу новаго царствованія студенчество московскаго университета представляло лучшія кадры будущей революціонной арміи. Между тѣмъ совершались событія, которыя заставляли Россію въ годъ переживать то, что у другихъ народовъ переживалось десятками лѣтъ. За границей взошла *Полярная Звѣзда* и зазвонилъ *Колоколъ*, умеръ Николай, за нимъ сошелъ въ могилу Грановскій, успѣвшій основать „Русскій Вѣстникъ“; запищала наша доморощенная гласность, появились разныя полумѣры и полуреформы, наконецъ съ неба свалился крестьянскій вопросъ. Какъ отнесся ко всему этому московскій университетъ? съ пол-года онъ въ полномъ своемъ составѣ, т. е. профессора и студенты, былъ въ какомъ-то опьяненіи, какъ и все, что оставалось еще живаго послѣ Николая. Масса университетской молодежи добродушно смѣшивала „Русскій Вѣстникъ“, органъ московскихъ профессоровъ и ихъ друзей, съ *Полярной Звѣздой* и *Колоколомъ* думая, что первый говоритъ цензурно тоже, что вторые безъ

цензуры. Да и легко можно было впасть въ эту ошибку: во главѣ „Русскаго Вѣстника“ стояли старые друзья и пріятели издателя „Полярной Звѣзды“; „Русскій Вѣстникъ“ началъ съ того-же, съ чего и *Колоколъ*, съ обличенія, только одинъ въ обличеніяхъ дальше губернатора крутогорской губерніи не ходилъ, а другой былъ первые четыре класса табели о рангахъ; на разницу въ статьяхъ теоретическаго характера на первое время не обращали вниманія. Правда, нѣкоторымъ молодымъ скептикамъ казались иногда подозрительными дифирамбы, которые пѣли профессора и ихъ друзья правительству; но они скоро успокоивались объясненіемъ, что эти дифирамбы служили только для усыпленія врага, чтобъ изъ за нихъ удобнѣе поразить его пропагандою свободы. И дѣйствительно „Русскій Вѣстникъ“ сталъ напирать на свободную Англію, съ каѳедръ тоже запахло Англіей подъ разными соусами. Между тѣмъ молодые представители московскаго университета въ области теоріи пошли по тому направленію, куда ихъ влекла живая, страстная натура, здравый смыслъ, не затемненный научною схоластикою, тридцатыхъ годовъ, построенною на Гегелѣ и другихъ идеалистахъ, куда наконецъ влекло ихъ историческое чутье. Для нихъ скоро обнаружились непримиримая разница между лондонскими изданіями и „Русскимъ Вѣстникомъ“; и молодежь года черезъ два по смерти Николая стала мало по малу отдѣляться отъ своихъ прежнихъ руководителей. Чтобы не ввести читателей въ недоразумѣніе, я долженъ сказать, что, говоря о „Русскомъ Вѣстникѣ“, я говорю о московскихъ профессорахъ, разумѣется лучшихъ и всѣмъ извѣстныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и находятся въ холодныхъ

отношеніяхъ съ издателями Вѣстника, разходятся съ ними въ незначительныхъ оттѣнкахъ, то эта микроскопическая разница не существенна по отношенію къ текущей исторіи Россіи и вовсе не имѣетъ значенія въ отношеніи профессоровъ къ студентамъ. Рѣшительнымъ моментомъ отдѣленія студентовъ отъ профессоровъ было то время, когда всякому стало ясно, что правительство не хочетъ и не можетъ дать свободныхъ учрежденій Россіи. Этотъ моментъ не можетъ быть точно опредѣленъ, потому что для однихъ онъ тянулся долѣе, для другихъ менѣе; есть такіе, для которыхъ его никогда не было, т. е. которые никогда не питали надеждъ на правительство. Во всякомъ случаѣ для самыхъ близорукихъ этотъ моментъ не могъ продолжаться долѣе 3 лѣтъ съ 1857—60. Всѣмъ извѣстны дѣянія правительства въ это время, которыя могли раскрыть глаза всякому, исключая слѣпорожденныхъ: запрещеніе литературѣ разсуждать о крестьянскомъ дѣлѣ, ссылка Унковскаго и пр. и пр. и пр. Чтобъ обобщить исторію отношеній студентовъ и профессоровъ въ указанный 3-лѣтній періодъ, я придамъ имъ слѣдующую діалогическую форму.

— Слушайтесь насъ, дѣти, говорили профессора, будьте спокойны и учитесь. Правительство, окончивъ свои важныя реформы: крестьянскій вопросъ и пр. непремѣнно дастъ конституцію, къ которой мы литературно будемъ приготовлять общество. Внушеній изъ Лондона не слушайте, иначе безполезное броженіе произведетъ реакцію, и мы возвратимся во времена николаевскаго террора.

— Мы согласны учиться, отвѣчало студенчество, разумѣется только не той мертвечинѣ,

которую вы проповѣдуете съ каѳедръ. Хотя конституція на манеръ англійской не приложима къ Россіи и не удовлетворяетъ нашихъ желаній, однако мы и ей, какъ движенію вообще, были бы рады и согласны вести себя смирно, разсчитывая потомъ дѣйствовать рѣшительно. Но мы не вѣримъ, чтобъ правительство согласилось на конституцію. Все что̀ оно ни дѣлаетъ, запечатлѣно духомъ произвола, устраняющаго всякую попытку общества вмѣшаться въ его дѣла. Самыя реформы свои оно совершаетъ старымъ бюрократическимъ порядкомъ, посредствомъ чиновниковъ и полиціи. Да, мы думаемъ, что вы ошибаетесь, но все-таки не теряемъ къ вамъ довѣрія, потому что убѣждены, что вамъ дорога свобода, хотя и не въ той формѣ, какую мы считаемъ разумною и историческою. Но если вы поймете, что ошибаетесь, что надѣяться на правительство безумно, то пойдете-ли путемъ революціонномъ?

— Никогда! Мы не вѣримъ въ революціи. Если правительство не дастъ само конституціи, то это значитъ, что общество не доросло до нея. Такъ слѣдуетъ по теоріи *умѣреннаго прогресса* и *историко-органическаго процесса. Каковъ приходъ, таковъ и попъ. Каковъ народъ, таково и правительство.* Мы употребимъ всѣ наши силы на воспитаніе общества и вы должны намъ помогать въ этомъ. А чтобъ быть воспитателями общества, учитесь — вотъ вамъ томы нѣмецкихъ ученыхъ, вызубрите ихъ отъ доски до доски и тогда только осмѣливайтесь судить и желать чего нибудь. Чтобы имѣть правильное понятіе о правахъ человѣка гражданскихъ, политическихъ, экономическихъ, надобно прочесть тысячи томовъ, ѣхать за границу года на три, въ германскіе уни-

верситеты, выдержать магистерской экзаменъ, получить мѣсто профессора, однимъ словомъ, походить на насъ. А иначе вы останетесь мальчиками, которые только и способны увлекаться бреднями разныхъ соціалистовъ, или реторикой такихъ невѣждъ, какъ Герценъ, Прудонъ, Фейербахъ, Фохтъ, Молешоттъ и пр. и пр.

— И такъ вы отказываетесь отъ революціоннаго пути. Вы хотите дожидаться пока историко-органическимъ процессомъ всѣ 70-ть милліоновъ русскаго народа будутъ способны выдержать у васъ магистерскій экзаменъ. Мы, съ своей стороны думаемъ, что въ Россіи такъ много вопіющихъ потребностей, которыя должны быть удовлетворены сей часъ же, что идти объ руку съ правительствомъ и ждать чего нибудь отъ него, было-бы не только безумiемъ, но даже преступленiемъ. Это значило бы оставаться спокойнымъ зрителемъ того, какъ правительство, задушивъ всѣ инстинкты свободы въ народѣ, заставитъ его отупѣть до того, что онъ превратится въ неподвижную массу китайцевъ и сдѣлается добычею перваго завоевательнаго движенiя съ Запада или даже Востока, или наоборотъ, самъ возставшiй народъ безъ руководителей, безъ яснаго сознанiя, уничтожитъ всѣ зародыши мысли, образованiя, перерѣзавъ все, что̀ не ходитъ въ лаптяхъ и зипунѣ и потомъ, успокоившись, подпадетъ снова подъ деспотизмъ, перемѣнивши голштейнъ-готторпскихъ нѣмцевъ на Стеньку Разина, Пугачева, какого нубудь фельдфебеля, растригу-попа. Наконецъ мы на столько живые люди, что молчанiе, ожиданiе, однимъ словомъ, вашъ медленный органическiй процессъ равняется для насъ смерти, небытiю. Революціонерами насъ дѣлаютъ не только

убѣжденія, но сама натура. Мы согласны, что у насъ нѣтъ опытности, выдержанности и потому готовы принять васъ руководителями, только ведите насъ по революціонной дорогѣ. Мы пойдемъ за вами даже хоть для конституціи, т. е. освобожденія одного образованнаго класса и оставимъ на время свою задачу освобожденія цѣлаго народа: только одной уступки не можемъ вамъ сдѣлать — это сидѣть сложивши руки и читать ваши томы, т. е. справочные лексиконы фактовъ, приправленные Гегелевскою схоластикой. И такъ выбирайте: или революціонная дорога съ нами; или мы станемъ считать васъ императорскими чиновниками и одни пробивать свою дорогу.

— Пробивайте путь къ своей погибели, пустоголовые мальчишки! Мы слишкомъ учены и слишкомъ хорошо знаемъ теорію историко-органическаго процесса, чтобы компрометировать свое солидное общественное положеніе для идеи безпорядка и анархіи. Умремъ за порядокъ, каковъ-бы онъ ни-былъ, отстоимъ государство, какое-бы оно ни-было: *въ немъ-бо спасеніе*. Пусть глупѣетъ народъ подъ штыками солдатъ, подъ палкою будочниковъ и нагайкою казаковъ, пусть правительство и его чиновники пожираютъ народное благосостояніе, плодъ его кроваваго труда, пусть будетъ голодъ, пусть разразится надъ Россіею промышленный и финансовый кризисъ, пусть всѣ образованные люди управляются III отдѣленіемъ и жандармами, пусть наконецъ все государство распадется при малѣйшемъ напорѣ внѣшнихъ силъ, пусть оно распадется другимъ способомъ въ слѣдствіе Пугачевщины, мы все-таки будемъ поддерживать его, пока оно еще государство, надѣясь что провидѣніе (иначе: законъ прогрессивнаго развитія) приведетъ

насъ къ своимъ цѣлямъ, скрытымъ въ безднѣ его премудрости. Помните, неразумныя дѣти, что всѣ историческія бѣдствія не суть нѣчто существенное, это только призраки, пугающіе воображеніе толпы. Въ исторіи важно логическое развитіе абсолютной идеи, совершающееся по невѣдомымъ намъ, но необходимымъ законамъ, которыхъ воля человѣческая перемѣнить не можетъ: отсюда все, что̀ дѣйствительно, то есть ничто иное какъ моментъ въ развитіи абсолютной идеи, слѣдовательно разумно. И такъ не мѣшайте вашими страданіями и порывами сладкой игрѣ абсолютнаго духа, который въ исторіи снимаетъ свою посредственность и возвращается въ себя. Берите примѣръ съ насъ, дѣти, и будьте спокойны, хотя-бы міръ вокругъ васъ рушился. Да не изъ чего и горячиться, потому что абсолютная идея будетъ все-таки жива, да и вы не похудѣете. —

Что оставалось отвѣчать молодежи на такое достойное браминовъ самопогруженіе въ абсолютное? Она отвѣчаетъ фактомъ, литографіей Бюхнера, Фейербаха и лондонскихъ изданій.

Такимъ образомъ въ 1860 году все было порвано между студентами и профессорами, которые скоро перешли на сторону жандармовъ. Чтобъ оставаться на каѳедрахъ имъ нужно было слушателей. Добровольными-же слушателями ихъ могли быть только юноши изъ богатыхъ семействъ, наиболѣе способные принять браминскую точку зрѣнія на міръ: голодный пролетарій, какъ элементъ волнующійся, долженъ быть изгнанъ изъ храма абсолютнаго.

Такимъ образомъ профессора устроиваютъ строгіе экзамены, черезъ которые проходятъ только благовоспитанные юноши, сочувствуютъ правитель-

ственному распоряженію не принимать студентовъ, которые не въ состояніи платить плату въ 50 рублей и т. д.

Когда въ Сентябрѣ нынѣшняго 1861 года, студенты собрались къ началу лекцій, ихъ взволновалъ законъ о платѣ, обнародованный лѣтомъ. Они, по примѣру петербургскаго университета, начали сходиться и толковать о подачѣ адресса государю. Понятно, что юношество, привыкши до сихъ поръ дѣйствовать подъ руководствомъ и вліяніемъ людей, къ которымъ имѣло довѣріе, вдругъ не нашлось и не могло составить для себя послѣдовательнаго и опредѣленнаго плана дѣйствій. Студенты раздѣлились на партіи: одни хотѣли подать прошеніе государю, другіе министру, третьи хотѣли дѣйствовать черезъ генералъ-губернатора, который сочувствовалъ подачѣ адресса и даже одна изъ редакцій его, разумѣется, наиподданѣйшая, вышла изъ губернаторской канцеляріи. Кромѣ того, долго не могли сойтись въ редакціи адресса: одна была очень умѣренна, другая красна, третья заключала такія требованія, которыя выходили изъ сферы студенческихъ отношеній; ясно было, что студенты еще не сошлись. Что-же дѣлали въ это время профессора? Слабѣйшихъ и бездарнѣйшихъ они умѣли уговорить въ томъ, что подача адресса государю, сходки и совѣщанія запрещены сводомъ законовъ, что все это относится къ анархіи и что надобно благовоспитаннымъ юношамъ составить особый листъ, на которомъ-бы записывались всѣ, которые не хотятъ участвовать въ общемъ движеніи.*) Несговорчивому-же большинству про-

*) Листъ этотъ дѣйствительно составленъ у инспектора студентовъ.

фессора грозили жандармами и черезъ попечителя постоянно совѣтовали Тучкову разогнать сходки военной чилой, но почтенный николаевскій генералъ оказался человѣчнѣе защитниковъ умѣреннаго прогресса. Недѣли двѣ безпрепятственно сходились студенты и наконецъ порѣшили просить: 1) о дозволеніи всѣмъ бѣднымъ студентамъ слушать лекціи безплатно, 2) о дозволеніи учредить студенческій судъ, студенческую кассу для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Вотъ главные пункты адресса, который хотѣли подать государю.

Слѣдующій разсказъ переданъ очевидцемъ событія:

Одинадцатаго Октября, студенты отправили отъ себя депутатовъ къ попечителю московскаго учебнаго округа Исакову, съ просьбою, быть посредникомъ между ними и государемъ и передать адрессъ. Г. Исаковъ, очень рѣшительно объявилъ, что онъ не хочетъ знать никакихъ депутатовъ и ни въ какія сношенія съ студентами входить не будетъ. На этотъ отвѣтъ, выраженный со всѣмъ марціальномъ нахальствомъ, на какое способны русскіе генералы, послѣдовало достойное возраженіе: студенты вошли всей толпой въ профессорскую комнату и стали просить Исакова о томъ-же, о чемъ просили депутаты. Тогда, должно быть, почувствовавъ себя не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи, онъ послалъ за оберъ-полицмейстеромъ графомъ Крейцомъ. Этотъ послѣдній явился въ университетъ, поболталъ съ Исаковымъ и уѣхалъ тотчасъ-же, напутствуемый свистками оскорбленной молодежи. И дѣйствительно, не было кажется примѣра, чтобы въ московскій университетъ введена была полиція. Попечитель-же не смотря ни на какія просьбы студентовъ, объявилъ

имъ еще разъ, что онъ *не хочетъ* и *не будетъ* входить ни въ какія съ ними сношенія; тогда студенты вышли изъ профессорской; а ночью съ 11 на 12 Октября, двадцать пять человѣкъ студентовъ были взяты полиціею на ихъ квартирахъ. Взяты были они, какъ оказалось, по распоряженію попечителя. Утромъ 12го Октября эта вѣсть разнеслась между студентами, и они собрались на дворъ новаго университета для обсужденія, что имъ предпринять. Послали депутатовъ къ генералъ-губернатору, но онъ ихъ не принялъ. Вѣсть была не радостная; толпа зашумѣла и наконецъ порѣшила еще разъ идти депутатамъ къ Исакову и просить его отъ имени всего университета: чтобъ онъ сталъ посредникомъ между студентами и городскою властью, чтобъ онъ узналъ и ходатайствовалъ о студентахъ, взятыхъ въ ночь. Депутаты ушли въ университетъ, но скоро воротились, объявивъ, что г. Исаковъ рѣшительно отказался быть посредникомъ между студентами и губернаторомъ, прибавивъ, что онъ больше принимать никакихъ депутатовъ не намѣренъ, что если студенты хотятъ просить за товарищей, то сами могутъ адрессоваться съ этимъ къ губернатору. Депутатовъ губернаторъ не принялъ, попечитель совершенно отказался сдѣлать что-либо для студентовъ. Что оставалось дѣлать?

— Оставалось два средства: или спокойно разойтись, предоставивъ товарищей на волю судебъ, жить въ сибиркахъ частныхъ домовъ, или идти всѣмъ къ губернатору и просить его о взятыхъ. Студенты рѣшились на послѣднее. Толпа студентовъ въ числѣ 800—900 человѣкъ, тронулась изъ университета, сопровождаемая удивленными зрителями, лѣвая сторона улицы была занята иду-

щими студентами, правая не меньшимъ числомъ постороннихъ зрителей. Многіе въ настоящее время осуждаютъ это движеніе, говоря, что въ немъ не было ни логики, ни законности, а было только одно увлеченіе. А между тѣмъ эти господа еслибъ были на мѣстѣ студентовъ, сдѣлали-бы тоже самое. Смѣшно упрекать людей въ незаконности, когда всѣ законно-формальныя средства у нихъ отняты. Какъ теперь студенты могутъ заявлять свои нужды, когда: 1) депутаты запрещены, 2) одинъ пойдешь объ чемъ-нибудь заявлять, тебя сейчасъ куда-нибудь упрячутъ, 3) всѣ заразъ пойдутъ, подымется крикъ: бунтъ, мятежъ! вѣдь на этакія слова наше правительство куда какъ ловко. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что большинство студентовъ шло вовсе не съ надеждою на то, что его превосходительство сейчасъ выйдетъ къ нимъ, и давай съ ними разсуждать, такой галантерейности отъ нашего правительства долго еще не дождаться! А шли они потому, что были еще молоды, вѣрили въ правоту дѣла и ужъ никакъ не думали, что совершенно свободныхъ людей начнутъ бить среди бѣлаго дня; шли они еще съ цѣлью показать, что эти несчастные двадцать пять человѣкъ виноваты на столько-же, на сколько виноваты всѣ студенты моск. университета. Да и при томъ, главною-то ихъ мыслью въ этомъ движеніи было то, что выручатъ-ли, не выручать-ли своихъ товарищей, все таки это движеніе будетъ заявленіемъ сочувствія къ взятымъ, и протестомъ противъ грубыхъ мѣръ, предпринятыхъ полиціею.

По Тверской, шагахъ въ пятидесяти позади студентовъ, тянулась длинная вереница пѣшихъ, вооруженныхъ жандармовъ. Студенты оглядывались, и перекликивались, глядя на московскую армаду,

и наконецъ подошли къ дому губернатора, остановились и, только-что четыре депутата вошли въ домъ, какъ тотчасъ-же придвинулись жандармы, и одинъ эскадронъ пошелъ въ тылъ и обогнулъ толпу.

Насъ обходятъ, насъ обходятъ! закричала толпа, раздались свистки; въ простотѣ своего молодаго, неиспорченнаго сердца, студенты думали свистками поколебать этихъ бойцевъ — противъ, безоружныхъ! Толпа инстинктивно прижалась ближе къ дому губернатора и въ тоже время, другому эскадрону, шедшему въ слѣдъ за первымъ, приказано было стать передъ домомъ.

— „Не останавливаться! . . проходи, пробивайся, бей ихъ, бей!“ кричалъ какой-то частный приставъ изъ военныхъ, когда жандармы остановились передъ толпой, плотно прижавшейся къ дому. Жандармы ретиво всялись за дѣло, и грудью впередъ, бросились на студентовъ. Студенты, стоявшіе впереди, кричали заднимъ, чтобъ они подвинулись, задніе не могли отодвинуться, тѣснимые жандармами, зашедшими съ тыла; тогда передовые жандармы, предводительствуемые офицерами, начали, не тратя по пустому времени, бить по лицу близь стоящихъ студентовъ; эти не стерпѣли и отвѣчали тѣмъ-же — жандармы разсвирѣпѣли, нахлынула еще толпа новыхъ сермяжныхъ рыцарей, и доблестное воинство пошло чесать безоружныхъ гражданъ, и кулаками, и рукоятками палашей, и ножнами. Справа, стыла, слѣва били студентовъ какъ звѣрей, загнанныхъ въ западню; минуты черезъ двѣ студенты побѣжали, жандармы за ними и, поймавши, гвоздили ихъ до сыта и въ спину, и въ шею и куда попало. На студента, который защищался, набрасывалось заразъ человѣкъ

пять на одного, и ужъ тутъ не проси пощады! Другихъ только милостиво били по шеи, но большинство побѣжало, преслѣдуемое жандармами, а потомъ даже простымъ народомъ, мастеровыми и лавочниками. Студенты бѣжали, ихъ ловили, били, душили, и въ заключеніе отводили на Тверской частный дворъ. Между тѣмъ въ университетъ мало по малу приходили бѣжавшіе съ поля сраженія; многіе студенты плакали, разсказывая другимъ о случившемся. И дѣйствительно, тяжело встрѣтиться съ такимъ наглымъ насиліемъ среди огромнаго города, въ двѣнадцать часовъ дня. Жандармы, конечно, дрались молодецки; они, вѣдь, вообще мастера воевать съ безоружными, да и при томъ, въ этомъ подавалъ прекрасный примѣръ главный распорядитель всего этого побоища, полицмейстеръ Сечинскій, собственноручно таская за воротъ студентовъ, бѣжавшихъ изъ толпы. Шедшій впередъ 2го эскадрона полковникъ Воейковъ скомандовалъ — „бей ихъ!“ близь стоявшій студентъ умоляющимъ голосомъ началъ говорить Воейкову, что они пришли просить губернатора, что это недоразумѣніе. — Воейковъ храбро отвѣчалъ ему: „Держите этого мерзавца!“ и самъ схватилъ за шиворотъ умолявшаго его студента, но этотъ послѣдній былъ малый здоровый, онъ такъ ловко задалъ Воейкову въ лицо, что тотъ отлѣтѣлъ съ улицы на тротуаръ. Какой-то казацкій офицеръ, въ порывѣ усердія, даже обнажилъ шашку. На него наскочило человѣкъ пять студентовъ, одни вырвали шашку, другіе сорвали эполеты, и порядкомъ расквасили ему лицо. А между тѣмъ, многіе изъ спасшихся студентовъ прибѣжали въ университетъ къ попечителю и объявили ему о случившемся; но Исаковъ только

и наладилъ одно: „не можетъ быть, я этому не вѣрю!“ ему показывали боевые знаки, изорванные сюртуки — но онъ заладилъ свое — не вѣрю, и, на просьбы вступиться за студентовъ опять отвѣчалъ отказомъ. Между тѣмъ полиція хватала всякаго проходившаго студента и на всѣхъ другихъ улицахъ; одни откупались, другіе были приводимы въ Тверской частный домъ. И все это совершалось въ государствѣ, каждый членъ котораго долженствуетъ спокойно почивать подъ сѣнію благихъ законовъ, подъ недремлющими очами царя! И вотъ плоды нашего государственнаго управленія, вотъ исходы управленія Адлербергова, Панинныхъ, Барановыхъ и прочей сволочи. Пугай ихъ пожалуй исторіей, судомъ потомства, да имъ то что за дѣло до всего этого! Они вертятъ государемъ какъ имъ вздумается, грабятъ народъ, властвуютъ въ нашемъ *европейскомъ* государствѣ какъ татарскіе ханы властвовали въ Сараѣ.

Поколоченныхъ студентовъ потащили въ Тверскую часть. И тамъ 350 человѣкъ, скученные на тѣсномъ грязномъ дворѣ, среди различныхъ зловоній, исходящихъ изъ чулановъ и конюшенъ, окруженные несмѣтнымъ количествомъ жандармовъ и вооруженныхъ солдатъ, простояли на открытомъ воздухѣ съ двѣнадцати часовъ утра до десяти часовъ вечера; только тогда попечительное начальство очнулось и поразсудивъ, что слишкомъ 300 человѣкъ въ сибиркахъ Тверскаго частнаго дома никакъ умѣститься не могутъ, порѣшило развести ихъ по другимъ частямъ. У нѣкоторыхъ арестованныхъ не было даже и пальто, потому что жандармы, въ своемъ яромъ преслѣдованіи бѣгущихъ, не заботились о сохраненіи одежды студентовъ, и нѣсколько пальто совершенно сгинули, а

нѣсколько оказались безъ рукавовъ, или были разорваны съ верху до низу. Больные, сильно избитые, раненые студенты лежали, такъ-же какъ и прочіе, все время на дворѣ.

Въ шесть часовъ вечера громадной массѣ зрителей, наполнившей всю Тверскую площадь, дозволено было передавать арестованнымъ съѣстное, и то черезъ три шеренги солдать, протянутыхъ черезъ всю площадь, передъ частнымъ домомъ. До 100 калачей было раздѣлено между 300 человѣкъ, и это было почти все что̀ ѣли арестованные въ этотъ день. А между тѣмъ коммиссія, наряженная по этому дѣлу, начала призывать студентовъ къ допросу. Истомленнымъ физически и нравственно студентамъ, въ коммиссіи, даже не предлагали сѣсть. Понятное дѣло, что простоявши часовъ восемь на открытомъ воздухѣ, почти ничего не ѣвши, подъ вліяніемъ тяжкихъ, оскорбительныхъ сценъ, какія случились на площади, но неволѣ озлобишься противъ этихъ дикихъ людей. Наконецъ студентамъ надоѣла эта перекличка и они объявили, что по одиночкѣ въ коммиссію не пойдутъ. Полиція и это обратила въ свою пользу. Было уже болѣе половины десятаго, положеніе заключенныхъ становилось все хуже и хуже, холодъ и сырость начали пробирать ихъ до костей, усталость все болѣе овладѣвали ими (на частномъ дворѣ не было ни одной скамейки, на которую можно было бы положить больныхъ), и студенты рѣшительно теряли послѣднюю бодрость, когда, въ половинѣ десятаго, на частный дворъ вошелъ субъ-инспекторъ Арсеньевъ и очень любезнымъ тономъ попросилъ въ коммиссію заразъ 20 человѣкъ. Студенты обрадовались, думая что ихъ заключеніе придетъ скоро къ концу и при-

знали г. Арсеньева въ нѣкоторомъ родѣ за ангела благовѣстника. Черезъ полчаса онъ позвалъ еще 20 человѣкъ и т. д. Оказалось вотъ что: полиція разсудила, что студентовъ надо развести по частямъ, а что бы они не воспротивились этому, избрала своимъ орудіемъ г. Арсеньева, который въ душѣ самый ярый полицейскій чиновникъ, не смотря на свои наружно благородныя манеры, и какъ ихъ вели! самыхъ тяжкихъ преступниковъ, заклятыхъ убійцъ и то не такъ водятъ! 20 человѣкъ студентовъ провожало 80 человѣкъ солдатъ съ ружьями и съ полною боевою принадлежностію, 6 конныхъ жандармовъ и 4 офицера. Наконецъ ихъ привели въ частные дома и съ большимъ трудомъ размѣстили по маленькимъ каморкамъ называемымъ сибирками. Такъ напримѣръ въ Мясницкой части, въ комнату длиною 4 аршина и шириною 2 аршина, помѣщено по 4—5 человѣкъ. Всевозможная грязь, нечистота, милліоны насѣкомыхъ, голый полъ и одинъ матрасъ, въ видѣ блина, на 5 человѣкъ — вотъ что представили частные дома своимъ арестантамъ. Кормили ихъ тухлыми щами и кашей; правда въ двухъ частяхъ Мясницкой и Городской, частные пристава, отъ себя прислали арестантамъ и чаю и кой-чего изъ съѣстнаго, что нашлось на ихъ кухнѣ. Между тѣмъ, на другой день, т. е. 13 Октября, на сходкѣ на дворѣ новаго университета въ пользу арестованныхъ набрали 139 руб., которые сейчасъ-же взялись, нѣсколько студентовъ, развести по частямъ; развозившіе эти деньги, во всѣхъ частяхъ получали днъ отвѣтъ что здѣсь студентовъ нѣтъ; а полицмейстеръ Сечинскій клялся и божился на всѣ возможныя манеры, что арестованные ни въ чемъ не нуждаются.

Коммиссія, состоявшая изъ чиновника особыхъ порученій Савельева, жандармскаго полковника, инспектора студентовъ Шестакова и субъ-инспектора Боброва, начала ѣздить по частямъ, на другой день, и допрашивать студентовъ. Вопросы студентамъ предлагались слѣдующіе:

1) Участвовали-ли въ составленіи прошенія государю?

2) Были-ли на сходкахъ въ университетскомъ саду?

3) Говорили-ли тамъ рѣчи?

4) Сочувствуютъ-ли подачѣ прошенія?

5) Зачѣмъ шли къ дому губернатора?

6) Сочувствовали-ли этому движенію?

7) Случайно или не случайно попали на площадь?

8) По убѣжденію шли на площадь или по увлеченію?

Особенно безобразно, нахально велъ себѣ Савельевъ: онъ допрашивалъ студентовъ такимъ тономъ, какимъ николаевскій генералъ разговаривалъ бывало съ своими солдатиками, угощая ихъ по временамъ въ усъ да въ рыло, этого послѣдняго только и не доставало въ допросѣ Савельева.

Не смотря на крючковатые допросы Савельева, дѣло однако окончилось тѣмъ, что всѣхъ взятыхъ студентовъ выпустили, продержавши человѣкъ 30 три недѣли.

Для характеристики профессоровъ прибавлю слѣдующее. Пока правительственная коммиссія судила студентовъ, судомъ надъ ними занималась другая тайная добровольная коммиссія изъ профессоровъ и заранѣе рѣшила однихъ выключить совсѣмъ изъ университета, другихъ на годъ и д. т. Студенты оправданные правительствомъ, понесли

наказанія отъ попечителя, которому профессора-инквизиторы подали списокъ приговоренныхъ ими жертвъ. Кажется, прибавлять къ этому еще ничего. Въ сравненіи съ профессорами, Тучковъ оказывается героемъ, жандармы увлекающимися юношами: профессора логически пришли къ послѣднему выводу теоріи историко-органическаго процесса, т. е, сдѣлались жандармами.

Оффиціальная записка по дѣлу о безпорядкахъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Въ 1857 году, съ высочайшаго соизволенія разрѣшены въ с. петербургскомъ университетѣ два учрежденія: „касса, для вспоможенія бѣднымъ студентамъ" и „литературный (студенческій) сборникъ".

Учрежденія эти необходимо требовали, чтобы студенты между собою совѣщались и изъ этихъ совѣщаній образовались сходки студентовъ въ аудиторіяхъ и залахъ университета.

Сходки эти, хотя и дурно организованныя, первоначально были довольно спокойны, но впослѣдствіи, когда съ 1860 г. число студентовъ увеличилось до 1500 постоянныхъ слушателей, сходки обратились въ шумныя сборища, гдѣ неурядица и нескончаемые споры поглощали здравыя сужденіа меньшинства.

Ближайшее университетское начальство (совѣтъ профессоровъ) сочувствуя студенческимъ учреж-

деніямъ и признавая, что сходки даже необходимы (какъ предохранительный клапанъ для перваго котла), представляли высшему начальству объ организаціи этихъ сходокъ подъ руководствомъ профессоровъ, но г. министръ народнаго просвѣщенія, испросивъ первоначально высочайшее повелѣніе объ ограниченіи сходокъ, вскорѣ за тѣмъ испросилъ соизволеніе о безусловномъ запрещеніи оныхъ. Въ это-же время для студентовъ были составлены новыя правила, которыми вводились преобразованія въ университетѣ. 16 Сентября, съ окончаніемъ вакацій, было открытіе университета. Студенты, собравшись въ оный, ожидали, что имъ объявятъ новыя правила, о которыхъ ходили самые разнорѣчивые и преувеличенные слухи; но матрикулы не были еще изготовлены и никакого объявленія о вновь вводимыхъ правилахъ не послѣдовало. Г. попечитель учебнаго округа, предшественники котораго, съ наступленіемъ каждаго учебнаго года, держали къ студентамъ сердечное слово поощренія, не только не призналъ нужнымъ сказать имъ, что-либо о матрикулахъ, но даже не выразилъ привѣтствія, и студенты, оставшись въ недоумѣніи, естественно стали разсуждать о томъ, что̀ ихъ ожидаетъ.

Это натянутое положеніе продолжалось до 25 Сентября. Въ теченіи этого времени студенты, хотя и посѣщали лекціи, но настроеніе умовъ увлекло ихъ на сходки. Сходки собирались 18, 20 и 23 Сентября; на нихъ обсуждались вновь издаваемыя правила, предполагались мѣры противудѣйствія онымъ, иныя легальныя, другія иллегальныя; вывѣшивались прокламаціи, призывавшія студентовъ къ единодушію и къ противудѣйствію дисциплинарнымъ правиламъ, по рѣшенія никакого

принято не было. 25 Сентября утромъ, когда студенты по обыкновенію пришли въ университетъ, чтобы слушать лекціи, они нашли двери въ оный запертыми и на дверяхъ прибитое объявленіе, что на время въ университетѣ прекращаются лекціи, а также узнали, что входъ воспрещенъ въ собственную ихъ библіотеку, физическій кабинетъ и химическую лабораторію, которые и во время вакацій бываютъ открыты. Недоумѣвая почему закрытъ университетъ и на долго-ли, студенты, увлеченные примѣромъ и рѣчами нѣкоторыхъ товарищей, отправились, хотя и гурьбою, но въ совершенномъ порядкѣ, въ Колокольную улицу, къ попечителю просить объясненія. Генерала Филипсона дома не было и студенты остались на улицѣ его ожидать. Г. военный генералъ-губернаторъ узнавъ, что студенты въ большомъ числѣ собрались на улицѣ, распорядился, чтобы полицейскія команды приняли должныя мѣры къ охраненію порядка. Въ это время прибыли на мѣсто сборища студентовъ, генералъ Филипсонъ и управляющій III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, графъ Шуваловъ, который, остановивъ взводъ линейныхъ войскъ, шедшій на смѣну караула въ крѣпость, повелъ его съ собою въ Колокольную улицу. Генералъ Филипсонъ, оглушенный возгласами и безчисленными вопросами, предложилъ студентамъ отправиться обратно въ университетъ и избрать изъ среды своей депутатовъ для объясненія съ нимъ. Студенты согласились на это, но съ тѣмъ, чтобы генералъ Филипсонъ и графъ Шуваловъ дали честное слово, что студенты, избранные депутатами, не будутъ арестованы; и когда оба генерала дали въ томъ честное слово, то студенты

спокойно, въ томъ-же порядкѣ возвратились въ университетъ, избрали депутатовъ, объяснились съ попечителемъ и разошлись по домамъ. Между тѣмъ агенты III отдѣленія получили приказаніе отъ графа Шувалова разыскать зачинщиковъ безпорядковъ. Зачинщиковъ по удостовѣренію сыщиковъ, оказалось 42 человѣка. По соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія ихъ положено было арестовать. Графъ Шуваловъ, прибывъ ночью съ 25 на 26 Сентября къ г. оберъ-полицеймейстеру, гдѣ были собраны пристава и нѣкоторые изъ надзирателей, на которыхъ было возложено арестованіе студентовъ, объяснилъ имъ способъ заарестованія и спокойствіе болѣе полусотни домовъ было нарушено въ эту ночь.

Аресты производились по запискамъ и указаніямъ управляющаго III отдѣленіемъ, и ни одинъ арестъ не былъ произведенъ на законномъ основаніи. Никому изъ арестованныхъ не предъявлено предписанія начальства о заарестованіи, никому не объявлена причина ареста: напротивъ того арестованіе нѣкоторыхъ лицъ показываетъ полное самоуправство, даже низшихъ полицейскихъ властей*).

*) Въ дѣлѣ коммиссіи находится актъ о заарестованіи студента Колениченко. Приставъ Выборгской части Фабри, арестовавшій его, выразился въ оффиціальномъ актѣ, слѣдующимъ образомъ, „хотя въ спискѣ студентовъ подлежащихъ аресту Колениченко и не значится, но онъ приставъ, счелъ не лишнимъ и его арестовать“. Колениченко жилъ въ отдѣльной квартирѣ. одинъ, и у него никто не проживалъ изъ лицъ подлежавшихъ аресту. Такимъ-же образомъ одинъ изъ надзирателей 3 части арестовалъ одного гимназиста за то, что онъ по мнѣнію его, надзирателя, раздѣлялъ образъ мыслей студентовъ.

Депутаты, личности которыхъ, согласно данному честному слову графомъ Шуваловымъ и Филипсономъ, была неприкосновенна, подверглись также аресту подъ именемъ зачинщиковъ. Студенты, пораженные ночными арестами и не постигая причины таковыхъ, собрались 27 Сентября къ университету и обратились къ попечителю съ просьбою заступиться за товарищей. Генералъ Филипсонъ въ отвѣтъ на то потребовалъ, чтобы они немедленно разошлись, и когда они этого не исполнили, то онъ оффиціально отнесся къ военному генералъ-губернатору, прося его прекратить безпорядки средствами городской полиціи. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, прибывъ въ университетъ, убѣдилъ толпу разойтись, и въ 10 минутъ всѣ разошлись, пославъ г. министру народнаго просвѣщенія депутацію, которую онъ однако не принялъ. За тѣмъ студенты собрались около университета 2 Октября и нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ лицами непринадлежащими университету (въ числѣ 30 человѣкъ) были арестованы.

Въ тоже время были арестованы на квартирахъ еще нѣсколько студентовъ и другія лица не принадлежащія университету, нѣкоторые за то, что они собрались депутатами отъ неизвѣстныхъ кружковъ своихъ товарищей, толковать о новыхъ правилахъ; другіе по причинамъ никому неизвѣстнымъ (какъ это видно изъ оффиціальныхъ бумагъ).

Такимъ образомъ, въ казематы съ петербургской крѣпости были препровождены подъ арестъ 97 человѣкъ. Для изслѣдованія безпорядковъ, произшедшихъ въ здѣшнемъ университетѣ назначена была слѣдственна коммиссія.

Коммиссія, приступивъ къ изслѣдованію, приняла въ руководство существующія законоположенія и потребовала отъ г. оберъ-полицеймейстера равно и управляющаго III отдѣленіемъ доказательствъ виновности студентовъ, подвергнутыхъ аресту. Доказательствъ этихъ сообщено коммиссіи не было, и вмѣсто того, предписаніемъ даннымъ г. с. петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, на имя предсѣдательствующаго въ коммиссіи, измѣнено свойство возложеннаго на коммиссію порученія, а именно: слѣдственный характеръ изслѣдованія отмѣненъ и коммиссіи поручено только распредѣлить арестованныхъ по категоріямъ, по степени виновности.

Для такого распредѣленія по категоріямъ, коммиссіи слѣдовало изыскать степень виновности арестованныхъ лицъ. Данными въ этомъ случаѣ представлялись:

а) Обвиненія взводимыя правительствомъ.

б) Собственныя показанія арестованныхъ и

в) Отзывъ университетскаго начальства.

Правительство обвиняло студентовъ: 1) что они противузаконно собирались на сходки въ университетѣ и внѣ стѣнъ онаго, и когда ихъ приглашали разойтись, не расходились, 2) что на этихъ сходкахъ были вывѣшены и читались возмутительныя прокламаціи, 3) что для одной изъ своихъ сходокъ (23 Сентября) они силою вошли въ актовую залу, которой дверь была заперта, 4) что они, собравшись въ толпу, не разсѣялись, когда ихъ къ тому приглашали и 5) что нѣкоторые изъ студентовъ принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ. Доказательствъ или уликъ по всѣмъ этимъ обвиненіямъ правительство никакихъ сообщить не могло.

Студенты объяснили: что они дѣйствительно собирались на сходки, но что это не было противузаконно, потому, что сходки были необходимы, университетское начальство объ этомъ знало и не воспрещало, что на одной изъ сходокъ присутствовалъ даже самъ ректоръ, который не приглашалъ студентовъ разойтись (какъ это удостовѣряетъ правительство); равно начальство не объявляло, что послѣдовало высочайшее повелѣніе о безусловномъ запрещеніи сходокъ. 2) Что возмутительныхъ прокламацій и рѣчей никто изъ студентовъ не произносилъ, что-же касается до 2хъ прокламацій, которыя были вывѣшены въ одной изъ университетскихъ комнатъ, то они ихъ не одобряютъ и кто ихъ составлялъ не знаютъ. 3) Что 23 Сентября они дѣйствительно собрались на сходку въ актовую залу, чрезъ боковую дверь, но что дверь эта не была заперта и они никакой двери не ломали. 4) Студенты, обвиняемые въ участіи въ тайныхъ обществахъ, показали что они ни къ какимъ таковымъ обществамъ не принадлежатъ. 5) Лица, арестованныя въ толпѣ 2 Октября, удостовѣряютъ, что они попали въ оную случайно и не слыхали приглашенія полиціи разойтись.

Университетское начальство въ лицѣ исправлявшаго должность ректора Срезневскаго и въ лицѣ ректора Плетнева объяснило: 1) Что студентамъ не было объявлено высочайшаго повелѣнія о безусловномъ запрещеніи сходокъ, 2) что 23 Сентября, когда студенты собрались на сходку въ актовую залу, дверь въ оную не была сломана, 3) что студентамъ не было предложено разойтись со сходки и 4) что были-ли читаны и вывѣшены въ университетѣ какія-либо прокламаціи, университетскому начальству неизвѣстно.

Между тѣмъ матрикулы для студентовъ были изготовлены, правительство объявило чрезъ газеты, что желающіе принять оные могутъ подать прошеніе, тѣ-же которые не подадутъ прошенія, въ недѣльный срокъ со дня объявленія, будутъ считаться уволенными изъ университета. Желающихъ принять матрикулы оказалось болѣе 600 человѣкъ; не принявшихъ же матрикулы правительство пригласило оставить столицу въ 48 часовъ.

Такое разъединеніе студентовъ было причиною сборища около университета 12 Октября. Студенты, не принявшіе матрикулъ, прибыли въ университетъ съ цѣлію воспрепятствовать своимъ товарищамъ слушать лекціи. Полицейское начальство распорядилось о заарестованіи этихъ студентовъ, и когда воинскія команды выводили арестованныхъ со двора университета, то другая толпа студентовъ бросилась отбивать товарищей. Толпу эту также заарестовали и, вмѣстѣ съ первыми, препроводили сперва въ крѣпость, потомъ въ Кронштадтъ, для содержанія подъ арестомъ. Разборъ виновности сихъ послѣднихъ студентовъ, порученъ особой коммиссіи.

МИНИСТЕРСТВО
народнаго просвѣщенія.
ПОПЕЧИТЕЛЬ
С. Петербургскаго учебнаго округа.
27 Сентября 1861, No. 5164.
10 ч. 35 м. утра.

Г. С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору.

Имѣю честь донести вашему высокопревосходительству, что съ $9^1/_2$ часовъ утра студенты университета начали сходиться по одиночкѣ въ сѣни университета, гдѣ имъ раздаются швейцаромъ полученныя съ почты письма, и откуда, ходъ въ совѣтъ и правленіе университета. Въ 10 часовъ

ваше высокопревосходительство изволило видѣть уже 150—200 студентовъ. Толпа эта все болѣе увеличивается и на двукратныя требованіи мои, не расходится, а шумитъ.

Нашъ университетъ закрытъ и начальство онаго не имѣетъ никакихъ средствъ къ прекращенію безпорядка, происходящаго въ сѣняхъ и на дворѣ, то я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство о возложеніи этихъ распоряженій исключительно на градскую полицію, впредь до открытія университета.

Объ этомъ представленіи моемъ я вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ г. министру народнаго просвѣщенія.

Попечитель С. Петербургскаго Округа
Григорій Филипсонъ.

(Вся бумага написана собственною рукою Филипсона, вѣроятно для сохраненія большей тайны.)

Статья Студентовъ.

Передъ началомъ полицейскаго террора въ петербургскомъ университетѣ, въ сборной залѣ, была вывѣшана слѣдующая статя:

Нашъ вѣкъ желѣзный, вѣкъ царей,
Штыковъ, законовъ безтолковыхъ,
Плодитъ безъ счету не людей,
Людишекъ дряннинькихъ, грошовыхъ.

Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмотримъ сколько наберется у насъ рыцарей, чтобы поднять ее. На словахъ ихъ очень много, куда ни обернешься — вездѣ красные, только какъ-бы намъ не пришлось краснѣть за нихъ.

„Студенты буйствуютъ, студенты своевольничаютъ,“ брюзжатъ сѣдоволосые столпы отечества (прямые столпы) и вотъ являются передъ глазами публики декреты: впускать въ университетъ только платящихъ (выражаясь прямѣе: душить невѣжествомъ массу); запретить всякія сходки (т. е. dividere et imperare, а какъ imperare — почувствуемъ въ послѣдствіи). Вотъ покуда два образчика нѣжности.

Этого мало? Да конечно. Но это только цвѣтки... Но что же намъ дѣлать? Да нечего... молчать. И по этому *молчите, молчите, молчите*...

Русскій народъ издавна отличался долготерпѣніемъ: били насъ татары — мы молчали просто, били цари — молчали и кланялись; теперь бьютъ нѣмцы — мы молчимъ и уважаемъ ихъ!... Прогрессъ!... Да въ самомъ дѣлѣ, что намъ за охота заваривать серьозную кашу? Мы вѣдь широкія натуры, готовыя на грязныя полицейскія скандальчики, подъ пьяную руку. Это только тамъ гдѣ-то, на Западѣ есть такіе дурни, которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово — la gloire.

Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ намъ сидѣть скромно на скамьяхъ, слушать цензорованныхъ страхомъ лекцій, вести себя прилично, какъ слѣдуетъ въ классѣ, и требуютъ не *разсуждать*, слышите-ли — не *разсуждать*!... Ха, ха, ха...

Но господа, если паче чаянія взбредетъ намъ, что и мы тоже люди, что у насъ есть головы, чтобы мыслить, языкъ — чтобы не доносить, а говорить то, что́ мы мыслимъ, есть цѣлыхъ пять чувствъ — чтобы воспринимать ощущенія отъ правительственныхъ ласкъ и глазомъ, и ухомъ, и

прочими благородными и не благородными частями тѣла — что если о всемъ этомъ мы догадаемся нечаянно? какъ вы думаете что изъ этого выйдетъ? Да, ничего . . . Посмотрите на эпиграфъ и посмо́трите все что́ выйдетъ.

Всѣ данныя имѣются у насъ теперь, чтобы намъ обмануться въ нашихъ словахъ.

Мы — легіонъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безсчисленные кружки свободно мыслящихъ людей, западная Европа, все лучшее, передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже чѣмъ шпіоновъ. Стоитъ только показать, что насъ много. Теперь кто-же противъ насъ? Пять, шесть олигарховъ, тирановъ подлыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть господами; они теперь выворачиваютъ только тулупы, чтобы пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей и чтобы еще болѣе уподобиться своей братьѣ-звѣрямъ; но бояться ихъ нечего, стоитъ только показать, что мы не боимся. Потомъ противъ насъ нѣсколько тысячъ штыковъ, которыхъ не смѣютъ направить противъ насъ. Вотъ все — что́-же тутъ страшнаго? И такъ всѣ, кто не боится, пусть сплочиваются въ массу и . . . пусть будетъ, что́ будетъ. Худого не можетъ быть: Мы не за худое.

Главное, бойтесь разногласья и не трусьте энергическихъ мѣръ. Имѣйте въ головѣ одно: *стрѣлять въ насъ не смѣютъ* — изъ за университета въ Петербургѣ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники твердятъ (покачивая головами): *„Столица не спокойна“*.

На нашихъ мы менѣе надѣемся чѣмъ на *поляковъ*. Въ нихъ болѣе благороднаго самоотверженія; они умѣли смѣло покушаться нѣсколько

разъ на пріобрѣтеніе своей свободы, умѣли безъ страха идти на пытку, въ рудники, страдать за идею, и по этому нашъ братскій призывъ къ нимъ, принять самое дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, подѣлиться съ нами своею энергіею.

Энергія, энергія, энергія!... Вспомнимъ, что мы молоды, а въ это время люди бываютъ блогородны и самоотверженны; не пугайтесь ничего, повторяемъ еще разъ, хотя-бы пришлось идти всему университету въ келью богомольнаго монастыря.

Судите!... Но не напоминайте собою эпиграфа.

Записка объ университетскомъ дѣлѣ.

Самыя прискорбныя событія произошли въ С. Петербургскомъ университетѣ. Шумныя сходбища студентовъ, съ рѣчами, воззваніями и легкомысленными предложеніями кончились прекращеніемъ лекцій. За тѣмъ послѣдовали дѣйствія внѣ университета, запрещенныя закономъ и подвергающія массу молодыхъ людей отвѣтственности, а университетъ погибели.

Уличныя произшествія извѣстны. Они были лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ отдаленныхъ и ближайшихъ причинъ, разъяснить которыя теперь стало болѣе настоятельною потребностію, чѣмъ когда-либо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось постепенное обновленіе Россіи послѣ крымской войны, университетскій уставъ 1835 г. не могъ долѣе дѣйствовать. Онъ держалъ студентовъ на степени гимназистовъ, предоставлялъ огромную власть надъ

ними полицейскому чиновнику — инспектору, систематически удалялъ профессоровъ отъ студентовъ и отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ. Потребность коренного преобразованія университетовъ чувствовалась всѣми понимающими дѣло. Исключительно полицейскій характеръ университетскихъ учрежденій не могъ болѣе обезпечивать тишины и порядка; напротивъ, онъ служилъ только поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ. Необходима стала для молодыхъ людей узда болѣе прочная, нравственная, основанная на разумныхъ началахъ, на довѣріи юношества къ просвѣщенному и разсудительному начальству и профессорамъ. Только такая нравственная и разумная связь дѣлала возможной строгость и энергію университетскихъ властей, необходимую въ чрезвычайныхъ случаяхъ для поддержанія порядка между молодыми людьми, склонными по возрасту ко всякаго рода увлеченіямъ.

Не смотря на то, что эта мысль была выражаема много разъ словесно, письменно и даже печатно, никакихъ существенныхъ преобразованій въ университетскомъ уставѣ 1835 г. сдѣлано не было. Новыя понятія и требованія вторгались постепенно въ старыя формы и разрушали ихъ, а на мѣсто ихъ ничего новаго поставлено не было. Вслѣдствіе этого анархія и хаосъ водворились мало-по-малу между студентами. Безурядицы устранить не было никакой возможности; для этого уставъ 1835 г. не представлялъ никакихъ средствъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія дѣйств. тайный совѣтникъ. Норовъ, кажется, чувствовалъ это. Ему хотѣлось поднять студентовъ нравственно, дать ихъ молодымъ силамъ и умамъ направленіе, достойное учащагося юношества. Съ этой

цѣлью разрѣшены были студентамъ литературныя бесѣды и изданіе сборника, которые должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣдываніе студенческой кассой, собираемой для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.

Противъ сходокъ студентовъ многіе возражаютъ, и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Говорятъ, что онѣ — школы праздности и лѣни, отвлекающія молодые умы отъ серьозныхъ занятій; сходки, по замѣчанію другихъ, поощряютъ юношей къ пустословію и театральнымъ эффектамъ, къ чему и безъ того множество людей къ несчастію слишкомъ рано пріучается въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, третьи видятъ въ такихъ сходкахъ зародыши политическихъ и революціонныхъ клубовъ, вредные для государства и гибельные для юношества.

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія — плодъ важныхъ недоразумѣній, которыя необходимо разъяснить, чтобъ правильно смотрѣть на дѣло. Не только молодые люди, но даже дѣти — тѣже люди какъ и взрослые, только кругъ ихъ дѣйствій, сфера занятій очерчены тѣснѣе и иначе. Оттого вездѣ и всегда учебныя заведенія, въ особенности же университеты, устроивались по образцу современныхъ имъ общественныхъ учрежденій. Средневѣковые университеты въ Европѣ были такія-же корпораціи и цехи, какъ и тогдашнія городскія общины. У насъ такихъ общинъ нѣтъ и не было; наше національное общественное устройство есть міръ и мірская сходка. Студенческія собранія поразительно ихъ напоминаютъ не только на самомъ дѣлѣ, но и на имени повторяя собою, въ маломъ видѣ, всѣ достоинства и недостатки

этихъ учрежденій. На эту сторону вопроса, кажется не было еще обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ она чрезвычайно важна. Признавъ ее, нельзя не убѣдиться, что искоренить сходки едва-ли есть какая-нибудь возможность, и легко понять почему студенты такъ упорно ихъ отстаиваютъ. Закрытіе ихъ въ университетѣ повлечетъ за собою открытіе ихъ внѣ университета, по домамъ, а преслѣдованіе всюду обратитъ ихъ изъ явныхъ собраній въ тайныя, что гораздо хуже и опаснѣе.

Сходки дѣйствительно вредны для студентовъ и ихъ занятій, не не сами по себѣ, а потому, что все новое и въ особенности запрещенное имѣетъ въ юномъ возрастѣ большую занимательность. Еслибъ правительство рѣшилось не только дозволить ихъ, но устроить и дать имъ опредѣленный законный кругъ дѣятельности, онѣ безъ сомнѣнія, потеряли-бы половину теперешней своей заманчивости. Студенты привыкли-бы къ нимъ, и стали-бы на нихъ смотрѣть какъ на одно изъ самыхъ обыкновенныхъ прозаическихъ занятій. Получивъ этотъ характеръ, студентскія сходки принесли-бы и молодымъ людямъ и правительству и обществу несомнѣнную, существенную пользу; онѣ пріучили-бы молодыхъ людей, до вступленія ихъ въ дѣйствительную жизнь, къ строгой отчетности и отвѣтственности, къ чему такъ мало пріучены мы теперь даже въ зрѣломъ возрастѣ. Если учрежденіе столь полезное для молодыхъ людей, вскорѣ послѣ своего возникновенія приняло дурное и вредное направленіе, то и причины должно искать въ разныхъ посторонннихъ обстоятельствахъ: во всеобщемъ броженіи умовъ, всеобщей шаткости понятій, естественной спутницѣ

коренныхъ общественныхъ реформъ, а больше всего въ томъ, что сходки, съ самаго-же начала, не были правильно устроены самимъ правительствомъ. При господствующей внутри университетовъ анархіи и хаосѣ, студенты были предоставлены самимъ себѣ, не имѣли руководителей, не знали какъ и за что взяться. Послѣдствія этого, какъ и слѣдовало ожидать, были гибельны для университетскаго юношества.

Какъ-бы то ни было, но при самомъ первомъ своемъ появленіи сходки были мирны и безвредны. Студенты собирались, читали свои статьи, разсуждали о кассѣ, о средствахъ ее увеличить, присуждали вспомоществованія товарищамъ; мало-помалу они становились шумнѣй и нестройнѣй. Здѣсь и тамъ прорывались рѣзкія фразы и осужденія, произносились рѣчи съ каѳедръ — невинныя, но пріучавшія юношей къ ораторству и фразамъ. Сходки считались частнымъ дѣломъ студентовъ, и потому онѣ происходили безъ чьего-либо вѣдома и разрѣшенія и безо всякаго контроля. Положеніе это было необыкновенно странное: косвеннымъ образомъ, сходки были, какъ сказано, разрѣшены правительствомъ; а между тѣмъ, онѣ не были позволены. Когда студенты толпами ходили просить о чемъ-нибудь, имъ говорили: „выбирайте изъ себя депутатовъ и посылайте ихъ“. Лица, принадлежавшія къ университету и близко стоявшія къ университетской администраціи, очень ясно понимали невозможность совсѣмъ уничтожить студентскія сходки, а между тѣмъ правительство ни за что не согласилось прямо признать ихъ и устроить: ихъ терпѣли и какъ будто не замѣчали. При такомъ порядкѣ дѣлъ, никто не смѣлъ взятся за ихъ устройство и водворить въ нихъ какой-ни-

будь порядокъ. Всѣ старались только смазывать прорывавшіяся по временамъ крайности и рѣзкости, а безпорядки и хаосъ росли и крѣпчали. Полицейская университетская власть разумѣется не въ состояніи была съ ними бороться. Нѣсколько разъ, люди, понимающіе дѣло, напоминали о необходимости устроить сходки, и тѣмъ отвратить грозившую опасность, но имъ отвѣчали, что этого вопроса и подымать невозможно, потому что правительство и слышать не хочетъ о сходкахъ. Такъ проходило время.

Въ началѣ нынѣшняго года, два обстоятельства показали, что болѣзнь приняла уже большіе размѣры. На университетскомъ актѣ 8 Февраля былъ шумъ и безпорядки по тому случаю, что профессоръ Костомаровъ не читалъ рѣчи, которую студенты ожидали съ нетерпѣніемъ; вскорѣ послѣ того слухъ, распространившійся между студентами, будто-бы слѣдственная коммиссія, по дѣду о панихидѣ по убитыхъ въ Варшавѣ, перенесетъ свои засѣданія въ стѣны университета, возбудилъ такія неурядицы, что надобно было серьозно подумать о мѣрахъ къ ихъ прекращенію на будущее время. Бывшій попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Деляновъ, потребовалъ по этому предмету мнѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Послѣдніе подвергнули дѣло подробному изслѣдованію, собрали свѣденія отъ студентовъ и представили цѣлый проэктъ правилъ, касавшихся устройства студентскихъ сходокъ и полицейскаго устройства въ университетѣ. Исходя изъ той мысли, что внѣшній полицейскій надзоръ надъ студентами безсиленъ возстановить порядокъ въ университетѣ, они находили необходимымъ замѣнить его авторитетомъ и мнѣніемъ профессо-

ровъ и потому предлагали: дать сходкамъ правильное устройство, ограничивъ ихъ занятія исключительно дѣлами студентской кассы, библіотеки и редакціи сборника подъ руководствомъ профессора; устроить изъ профессоровъ университетскій судъ надъ студентами, замѣнить инспектора — проректоромъ, выбраннымъ изъ среди профессоровъ-же.

Эти предположенія остались безъ послѣдствій, и вскорѣ послѣ того правительство издало новыя правила, измѣнившія весь порядокъ дѣлъ въ университетѣ. Правилами этими (31 Мая) между прочимъ отмѣнены свидѣтельства о бѣдности, освобождавшія студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 р. и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Въ одно время съ изданіемъ этихъ правилъ, мѣсто бывшаго министра народнаго просвѣщенія дѣйств. тайнаго совѣтника Ковалевскаго заступилъ генералъ-адъютантъ графъ Путятинъ, который испросилъ соизволеніе государя императора на мѣры еще болѣе строгія (21 Іюля) а именно: сходки запрещены вообще, положительно; студентъ не выдержавшій экзамена подлежалъ исключенію изъ университета, тогда какъ до того времени онъ могъ пробыть на одномъ курсѣ два года; для завѣдыванія студенческой кассой, библіотекой и т. п. студенты должны избираться въ извѣстномъ числѣ отъ каждаго факультета и разряда не студентами какъ до сихъ поръ было, а правленіемъ университета; присужденія денежныхъ выдачъ должны были подлежать утвержденію ректора или инспектора. Предлагая эти правила для исполненія университетскимъ совѣтамъ и требуя мнѣнія по нѣкоторымъ ихъ пунктамъ, министръ прибавилъ:

„что имѣя въ виду матеріальное улучшеніе положенія университетскихъ преподавателей и освобожденіе ихъ отъ труда пріемныхъ испытаній, правительство тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ нихъ усиленія дѣятельности и направленія оной всецѣло къ истинной пользѣ обучающейся въ университетахъ молодежи.“ Графъ Путятинъ между прочимъ изъявлялъ увѣренность: „что профессоры направять свою дѣятельность къ указанной цѣли и не примутъ на себя тяжкой отвѣтственности уклоненіемъ отъ своего долга,“ а ректоры и деканы помогутъ правительству „предотвращать то легкомысленное небреженіе или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей“. Съ тѣмъ вмѣстѣ гр. Путятинъ предложилъ университетскимъ совѣтамъ обсудить вопросъ не полезнѣе-ли будетъ возлагать званіе инспектора студентовъ на одного изъ профессоровъ или адъюнктовъ, по выбору ректора.

Извѣстно какія впечатленія новыя правила произвели въ цѣлой Россіи. Въ нихъ видѣли возвращеніе къ мысли ограничить число студентовъ и снова сдѣлать университеты недоступными для большинства публики, тогда какъ въ послѣднее время они были открыты для всякаго желающаго. Множество молодыхъ людей, которымъ университетскій дипломъ давалъ въ службѣ и обществѣ положеніе и кусокъ хлѣба, лишены возможности слушать университетскіе курсы. Бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи; негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе такъ много распространенное въ Россіи и составляющее нашу насущную потребность. На студентовъ и

слушателей университетовъ впечатленіе этихъ мѣръ было тоже самое тяжелое.

Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, эти правила могли быть введены безъ волненій развѣ только весьма искусной рукой, обычной въ обращеніи съ университетами и студентами и при помощи значительныхъ смягченій по крайней мѣрѣ на первое время. Въ этомъ отношеніи оставленъ необходимый просторъ; въ высочайшемъ повелѣніи 31 Мая было сказано, что новыя правила должны вводиться постепенно и по мѣрѣ возможности; слѣдственно предоставлены средства сгладить въ началѣ ихъ рѣзкость, дать время остынуть первому непріятному впечатленію, и за тѣмъ, еслибъ правительство признало нужнымъ неуклонно слѣдовать предначертанному пути, мало по малу достигнуть точнаго ихъ приложенія. Но уже въ дополнительныхъ правилахъ 21 Іюля новымъ началамъ придана еще большая строгость и благоразумная постепенность забыта.

За мѣсяцъ до изданія этихъ дополнительныхъ правилъ, въ началѣ Іюня, совѣту с. петербургскаго университета предложено было озаботится немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ относительно точнаго посѣщенія лекцій, также изыскать и начертать мѣры для неуклоннаго исполненія правилъ о взиманіи съ посѣщающихъ университетъ установленнаго денежнаго взноса. Вслѣдствіе этого университетскій совѣтъ въ своемъ засѣданіи 16 Іюня образовалъ временную коммиссію изъ семи профессоровъ, которой поручено между прочимъ составить проэктъ правилъ объ обязанностяхъ студентовъ и вольнослушателей во время нахожденія ихъ въ стѣнахъ университета, о дѣятельности ректора и проректора, какъ начальни-

ковъ полицейско-инспекторскаго надзора за студентами и вольнослушателями, и объ ограниченіи полицейско-инспекторскаго надзора непосредственно подчиненнаго проректору и ректору.

Задача коммиссіи была крайне трудная; основныя начала были ей даны; оставалось примѣнить ихъ такъ, чтобъ переходъ къ новому порядку дѣлъ не былъ слишкомъ крутъ и могъ совершиться съ необходимою постепенностью. Для этого коммиссія предположила учредить должность проректора выбраннаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ; установить университетскій судъ изъ профессоровъ-же. Чтобъ внушить къ этому суду болѣе довѣрія со стороны студентовъ, коммиссія предоставляла каждому подсудимому студенту, для подтвержденія его показаній, приглашать въ судъ двухъ изъ своихъ товарищей. Сверхъ того коммиссія предположила оставить студенческую кассу, библіотеку и редакцію сборника въ завѣдываніи студентовъ, выбранныхъ по факультетамъ и курсамъ. Послѣдній пунктъ конечно косвенно допускалъ сходки; но во 1хъ онѣ не были общія, а частныя, раздробленныя; во 2хъ онѣ оставлены только для избранія студентовъ которымъ ввѣрялась касса, библіотека и редакція сборника; для шумныхъ демонстрацій и разглагольствованій тутъ не было повода; во 3хъ онѣ должны были происходить подъ надзоромъ и руководствомъ профессора, слѣдственно согласно съ первоначальнымъ высочайшимъ повелѣніемъ 31 Мая съ разрѣшенія начальства. За совершенною невозможностію прекратить сходки, члены коммиссіи должны были по необходимости избрать средній путь, который-бы согласилъ строгія требованія правительства съ возможностью ихъ исполненія. Кромѣ того ком-

миссія предложила матрикулы, которыя должны были содержать въ себѣ всѣ университетскія правила, относящіяся къ студентамъ, и какъ-бы формулярный списокъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, противъ предположенія объ исключеніи студентовъ невыдержавшихъ экзамена, коммиссія возражала, что такое правило должно непремѣнно повести къ большей снисходительности со стороны экзаменаторовъ и слѣдственно къ ослабленію самого значенія экзаменовъ, а противъ выбора студентовъ правленіемъ — что оно не можетъ руководствоваться никакими данными при этомъ избраніи и должно будетъ избирать случайно, по фамиліямъ только. Въ заключеніе коммиссія положила просить попечителя засвидѣтельствовать министру, что члены совѣта, т. е. профессора с. петербурскаго университета никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они уклоняются отъ своего долга, или не знаютъ той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и что членамъ совѣта вовсе неизвѣстны случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшихъ причиною несчастія молодыхъ людей.

Совѣтъ университета одобрилъ работы коммиссіи и представилъ ихъ попечителю. Вопросъ о введеніи билетовъ для посѣщенія лекцій былъ поднятъ, но не пущенъ на голоса потому, что очевидно было, что большинство членовъ совѣта не желало этой мѣры. Не смотря на то, исправляющій должность ректора, счелъ нужнымъ сказать въ представленіи попечителю, что многіе профессора признаютъ необходимымъ и полезнымъ допускать постороннія лица въ университетъ не иначе, какъ по билетамъ, съ платою за каждый по 10 коп. серебромъ.

Всѣ спасительныя смягчающія мѣры, предложенныя коммиссіей, были отвергнуты министерствомъ: Новый попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ Филипсонъ сначала собралъ университетскій совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и объявилъ ему, что министръ утвердилъ правила составленныя коммиссіей съ нѣкоторыми *незначительными* измѣненіями, а потомъ, въ оффиціальной бумагѣ отъ 2 Сентября, увѣдомилъ исправляющаго должность ректора, что министръ разрѣшилъ привести въ дѣйствіе проэктъ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора за студентами на одинъ годъ въ видѣ опыта, съ измѣненіями, которыя лично указаны ему, попечителю, г. министромъ. Къ этому генералъ-лейтенантъ Филипсонъ между прочимъ прибавилъ, что входъ въ университетъ долженъ быть дозволенъ только тѣмъ лицамъ, которыя получаютъ отъ исправляющаго должность проректора билеты на право посѣщенія лекцій, съ платою какая будетъ за билетъ назначена.

Незначительныя, по мнѣнію генералъ-лейтенанта Филипсона, измѣненія въ правилахъ, составленныхъ въ университетскомъ совѣтѣ, на самомъ дѣлѣ были чрезвычайно важны. Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ; отвергло свидѣтелей въ судѣ; подчинило студенческую библіотеку и кассу распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря; требовало немедленнаго введенія билетовъ; отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, невыдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ сдѣлалъ

имъ замѣчаніе за рѣзкость тона коммиссіи; о послабленіи на экзаменахъ отозвался какъ о нарушеніи обязанностей службы; циркулярное-же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не вправѣ. За тѣмъ министръ требовалъ, чтобъ совѣтъ указалъ на профессора, который-бы могъ на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора временно, на годъ.

Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженія министерства отняли у новыхъ правилъ все смягчающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьозныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было разсчитывать, а съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тажелой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ, а управится не было никакихъ средствъ: это видѣлъ всякій. Положеніе проректора само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья,

никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія, не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который-бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю въ совѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны и въ этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловнаго ихъ выполненія и выбора проректора.

Въ бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній, положено было представить попечителю, что „совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ“.

Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства, дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобъ на него можно было пойти легкомысленно безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобъ увидѣть въ отзывѣ профессо-

ровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывъ какъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора инспектора студентовъ, человѣка неуважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятельнаго и трусливаго.

Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще не понятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакой мѣры для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были, и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству изъ самыхъ нелѣпыхъ и противурѣчивыхъ слуховъ. Какъ только открылись лекціи (18 Сентября), начались опять сходки, съ рѣчами и разными манифестаціями, никто ихъ не останавливалъ, никто, даже тогда, не позаботился объявить студентамъ, что онѣ безусловно запрещены. Воззваніе самое легкомысленное было прибито въ университетѣ и не было снято въ теченіи шести часовъ сряду: каждый могъ читать свободно, сколько хотѣлъ. Безпорядки по выдачѣ студентамъ билетовъ на жительство поджигали и распаляли ихъ съ каждымъ днемъ болѣе. Еще въ Пятницу 22 Сентября, совѣтъ единогласно просилъ объ отмѣнѣ билетовъ, но напрасно.

Послѣдняя шумная сходка была въ университетѣ въ Субботу, 23 Сентября, послѣ чего лекціи были прекращены. Своевременно и благоразумно-ли было это распоряженіе — трудно сказать. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, студентовъ конечно можно

было успокоить, не прибѣгая къ такой крутой мѣрѣ; но при новыхъ правилахъ и вызванномъ ими настроеніи, университетъ рано или поздно пришлось-бы закрыть, потому, что онѣ именно и поддерживали волненіе.

На другой день 24 Сентября, министръ народнаго просвѣщенія въ первый разъ по вступленіи своемъ въ министерство принялъ профессоровъ и преподавателей университета. Представленіе было оффиціальное. Графъ Путятинъ повторилъ профессорамъ, что правительство заботится объ увеличеніи ихъ содержанія, просилъ содѣйствовать ему въ успокоеніи студентовъ, объяснилъ справедливость и необходимость взиманія съ нихъ платы за слушаніе лекцій и выразилъ готовность правительства оказать въ этомъ отношеніи снисхожденіе достойнымъ, но бѣднымъ молодымъ людямъ. Тутъ-же профессора въ-первые узнали о прекращеніи лекцій не изъ устъ министра, а отъ исправляющаго должность ректора.

На слѣдующій день 25 Сентября, по утру, была по поводу закрытія лекцій, уличная демонстрація студентовъ, а ввечеру происходило засѣданіе университетскаго совѣта подъ предсѣдательствомъ попечителя. Министерство стало въ самое затруднительное положеніе. Оно теперь только кажется замѣтило, что ошибалось и принимало не тѣ мѣры, какія слѣдовало, но отступить отъ нихъ послѣ того, что́ произошло, было разумѣется невозможно. Для умиротворенія университета министерство придумало новыя полицейскія мѣры. Предположено по открытіи университета раздавать матрикулы не тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ въ правилахъ, самимъ-же министерствомъ утвержденныхъ, т. е. не проректоромъ и его секре-

таремъ, а съ особенною торжественностію въ факультетскихъ засѣданіяхъ; присутствіе при этомъ профессоровъ уважаемыхъ студентами, говорилъ попечитель, будетъ имѣть моральное вліяніе на молодыхъ людей и придастъ въ ихъ глазахъ матрикуламъ желаемый авторитетъ. Это говорилось въ то время, когда студенты, до послѣдней степени раздраженные распоряженіями министерства и университетскаго начальства, рѣшились на самыя крайнія мѣры. Профессоры, тщетно предостерегавшіе столько разъ и министерство и университетское начальство, должны были теперь своимъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ поддерживать то, чего они по совѣсти не могли одобрить, и тѣмъ лишить себя на всегда возможности имѣть на студентовъ какое-нибудь нравственное вліяніе, имѣть въ ихъ глазахъ какой-нибудь авторитетъ, столько необходимый въ ближайшемъ будущемъ для возстановленія въ университетѣ тишины и порядка. Спрошенные попечителемъ, какъ они объ этомъ думаютъ, профессора, большинствомъ 15 голосовъ противъ 14 отвергли эту мѣру какъ неудобную, не ведущую къ цѣли и противную правиламъ. Министерство опять увидѣло въ этомъ не иное что, какъ сопротивленіе высочайшимъ повелѣніямъ и потребовало отъ профессоровъ письменныхъ отзывовъ, по этому предмету, вѣроятно предполагая, что они не рѣшатся изложить свои мнѣнія на бумагѣ. Оказалось, что въ письменныхъ отзывахъ неудобство раздачи матрикулъ въ факультетахъ было признано даже многими изъ тѣхъ профессоровъ, которые, при словесной подачѣ голосовъ, были въ пользу предложенія генералъ-лейтенанта Филипсона, или не были въ засѣданіи совѣта, такъ что значительное большинство голо-

совъ выразилось противъ этой мѣры. Она и была оставлена. Съ своей стороны профессоры, желая всячески содѣйствовать правительству въ успокоеніи студентовъ мѣрами дѣйствительными, предложили: во-первыхъ произвести посредствомъ коммиссіи, выбранной университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, подробное изслѣдованіе о бывшихъ въ университетѣ безпокойствахъ и о ихъ причинахъ; во-вторыхъ облегчить способы уплаты денегъ за слушаніе лекцій для молодыхъ людей недостаточнаго состоянія. Оба предложенія приняты совѣтомъ единогласно, но изъ нихъ одобрено попечителемъ только второе, а первое отвергнуто, безъ объясненій причинъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что причины волненій и безпорядковъ между студентами, приведеніе къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, заключались главнымъ образомъ:

Въ совершенной неудовлетворительности университетскаго устава 1835 г., настоятельно требующаго коренныхъ преобразованій. —

Въ неосторожныхъ распоряженіяхъ министерства; въ неустройствѣ и бездѣйствіи университетскаго начальства.

На учащихся молодыхъ людей, по возрасту своему расположенныхъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, большею частію по самымъ благороднымъ побужденіямъ, могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать не внѣшнія полицейскія мѣры, а нравственное вліяніе профессоровъ, къ которымъ они привыкли, которыхъ знаютъ, изъ которыхъ многихъ глубоко уважаютъ. Какъ-же поставлены профессоры? Содержаніе ихъ самое жалкое, участіе въ управленіи университетомъ самое ничтожное, отъ студентовъ они систематически устранены.

Съ другой стороны полицейскій характеръ университетскаго устава 1835 г., смягченный въ примѣненіи въ послѣднее время новыми мѣрами правительства, вдругъ оживленъ и возстановленъ еще съ большею силою, чѣмъ когда-либо; безусловно запрещены студентскія собранія, тогда какъ они, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ, могли-бы быть не только безвредны, но даже полезны; доступъ въ университетъ бѣднымъ молодымъ людямъ закрытъ вовсе, тогда какъ для большинства учащихся университетскій дипломъ есть патентъ на право кормиться честнымъ трудомъ. Едва-ли теперь настало время ограничивать число университетскихъ воспитанниковъ, когда запросъ на нихъ по всѣмъ отраслямъ управленія такъ великъ, а въ ближайшемъ будущемъ съ предстоящими преобразованіями долженъ сдѣлаться гораздо больше. Дѣйствіе этихъ коренныхъ причинъ усилили еще болѣе чрезмѣрно строгія распоряженія министерства, которое, дѣйствуя круто и рѣзко, не допуская никакихъ переходныхъ мѣръ, обезсилило и охладило профессоровъ и довело студентовъ до сосредоточеннаго отчаянія. Безурядицы и хаосъ университетской администраціи довершили остальное.

Чтобъ поправить зло и утишить волненіе въ университетахъ необходимо:

1) Преобразовать университетскій уставъ 1835 года на широкихъ началахъ, предоставя профессорамъ гораздо большее значеніе въ университетскомъ управленіи чѣмъ теперь, и обезпечивъ имъ безбѣдное матеріальное существованіе. Вообще университеты должны получить больше самостоятельности, чѣмъ до сихъ поръ имѣли.

2) Ректоры должны быть выборные и облегчены бо́льшею властью; поднять ихъ значеніе необходимо.

3) Если правительство не признаетъ возможнымъ уменьшить плату за слушаніе лекцій, то необходимо по крайней мѣрѣ, освободить отъ нея дѣйствительно бѣдныхъ молодыхъ людей, и значительно облегчить взносъ денегъ для лицъ недостаточнаго состоянія.

4) Надлежитъ отмѣнить вовсе различіе между студентами и вольнослушателями, безъ нужды путающее дѣло и университетскій надзоръ. Слѣдуетъ или уничтожить вовсе званіе студента или-же отмѣнить разрядъ вольнослушателей. Въ пользу и противъ того и другого можно сказать многое и потому вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго обсужденія.

5) Дозволить собранія студентовъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и профессоровъ; разрѣшить имъ имѣть въ своемъ распоряженіи, посредствомъ выборныхъ, но также подъ наблюденіемъ университета, студенческую кассу, библіотеку и т. п.; кругъ занятій собраній и наблюденія за ними должны быть очень зрѣло обдуманы, чтобъ съ одной стороны не стѣснять безъ нужды молодыхъ людей, а съ другой не дать имъ уклониться по этому поводу съ прямаго пути

и 6) Подробно и самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ относящіяся къ студентамъ правила и выключить изъ нихъ все то, что безъ крайней необходимости дразнитъ ихъ и вызываетъ на волненіе. Такія правила есть, и онѣ много вредятъ дѣлу.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что строгому и добросовѣстному надзору надъ студентами,

много мѣшаетъ чрезмѣрная жестокость нашихъ уголовныхъ законовъ и заключающаяся въ нихъ наклонность придать государственный и политическій характеръ такимъ проступкамъ молодежи, которые на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ бредъ молодости. Еслибъ этого не было, еслибъ такъ называемыя политическія преступленія учащагося юношества наказывались слабѣе, на пр. по большой мѣрѣ заключеніемъ на полгода, то не было-бы причины скрывать такіе проступки и уменьшать ихъ важность, какъ дѣлается по необходимости теперь, даже людьми добросовѣстными, неодобряющими крайностей, въ которыя вдаются молодые люди. Теперь всякій боится принять на свою душу тяжкую отвѣтственность за погибель юноши; всякій знаетъ часто по опыту, что придя въ зрѣлый возрастъ, юноша будетъ думать и поступать иначе, и потому скрывая его проступки — раждается мысль о безнаказанности, которая поощряетъ молодыхъ людей на этомъ пути, и наконецъ доводитъ ихъ до дѣйствительныхъ политическихъ и государственныхъ преступленій.

Университетская лѣтопись.

(Побитый Шмидтъ — Сраженіе 30 Ноября — Соборъ деканов — Щаповъ.)

Ноября 28 [Декабря 10]. Одинъ студентъ прочелъ письмо изъ крѣпости отъ товарищей тамъ содержащихся, они убѣждали студентовъ не ходить на лекціи. Профессоръ *Воскресенскій* счелъ священнымъ долгомъ сообщить объ этомъ субъ-

инспектору Шмидту, Шмидтъ счелъ священной обязанностью схватить студента *за шиворотъ*, за что и получилъ нѣсколько пиньковъ. По этому дѣлу наряженъ университетскій судъ.

Ноября 30 [Декабря 12]. Храбрый генералъ Филипсонъ узнавъ отъ лазутчиковъ, что въ ауditоріяхъ есть непріятельскіе студенты, не вооруженные матрикулами, снова послалъ за храбрымъ генераломъ Паткулемъ. При рекогносцировкѣ непріятельской позиціи, захваченъ въ плѣнъ и увезенъ одинъ технологъ *Червонскій* не смотря на то, что онъ ссылался на условіе перемирія, по которому въ продолженіе двухъ недѣль дозволялось ходить безъ матрикулъ. По отъѣздѣ генерала Паткуля, студенты окружили храбраго генерала Филипсона и стали требовать уничтоженія стѣснительныхъ правилъ. Генералъ прибѣгнулъ къ черкеской хитрости и дозволилъ студентамъ *домашнее совѣщаніе* подъ предсѣдательствомъ профессоровъ *Сухомлинова и Бекетова*, за что впрочемъ генералъ непременулъ получить сильный выговоръ отъ адмирала, при чемъ генералъ съ большой твердостью духа отперся отъ своихъ словъ. Въ этотъ достопримѣчательный день будочники были требованы со всѣхъ частей по телеграфу къ университету и вблизь лежащихъ дефиленхъ были спрятаны жандармы.

На канунѣ, преосвященный адмиралъ созывалъ соборнѣ всѣхъ декановъ и челъ имъ (съ благопріличными пропусками) донесеніе изъ разныхъ университетовъ, изъ которыхъ видно, что всё обстоитъ благополучно *(Особенно въ Казани!)*. Потомъ съ особенной похвалой отнесся морякъ о штилѣ въ московскомъ университетѣ и въ кіевскомъ, и сообщилъ объ истинно-вѣрноподданни-

ческихъ внушеніяхъ сдѣланныхъ самими профессорами студентамъ. Руководствуясь такими примѣрами мореплаватель требовалъ содѣйствія отъ здѣшнихъ декановъ и профессоровъ, для обращенія студентовъ къ поклоненію матрикулъ. Припоминая изъ времени неудачной дипломатической карьеры своей, что пушки ultima ratio, адмиралъ и богословъ просвѣщенія заключилъ свою рѣчь словами: „молодые люди упрекаютъ правительство, что оно поступаетъ слишкомъ строго, напротивъ, правительство дѣйствуетъ очень снисходительно, слѣдовало бы поставить пушки и дѣйствовать картечью не разбирая *праваго и виноватаго*“.

Поистинѣ высокая и христіанская мысль, не только сопоставить грѣшника съ праведнымъ, но поднять грѣшника до праведнаго и обоихъ казнить соотечественной картечью, во имя на вѣки нерушимыхъ матрикулъ!

Изъ Москвы.

Въ одномъ изъ переулковъ, около Тверской, двое жандармовъ, безъ всякаго повода, кромѣ студенческой фуражки, накинулись на студента *Фролова*, спокойно шедшаго по тротуару, свалили его съ ногъ; одинъ жандармъ сѣлъ ему на спину и началъ его бить; другой вцѣпился въ его длинные волосы... Такъ таща за волосы, привели его въ Тверскую Часть.

Теперь извѣстно, что побоище началось по *свистку* полицмейстера *Сычинскаго*.

По всему видно, что самый подробный планъ дѣйствій былъ составленъ напередъ.

Связь между студентами и профессорами окончательно разорвана. Недовѣріе такъ велико, что студенты съ благодарностью произносятъ имена тѣхъ профессоровъ, которые ихъ не ругаютъ. Ешевскій, проходя по университетскому саду, сказалъ двумъ-тремъ студентамъ: „какъ дурно поступаютъ съ вами!“ и за одно это, уже студенты говорятъ спасибо Ешевскому и передаютъ другъ другу, что Ешевскій имъ сочувствуетъ. Неужели профессора толкующіе о розгахъ, да о нагайкахъ, останутся въ университетѣ читать лекціи молодежи, загнанной въ университетъ, по ихъ милости, будочниками да жандармами? Между студентами, настоящими и будущими, не найдется ни одного.

Говорятъ, будто Кавелинъ, Спасовичъ, Утинъ подали въ отставку, и что они не послѣдніе.

И такъ *Путятинъ - Матрикульскій* достигъ своей цѣли.

Выписываемъ изъ двухъ полученныхъ нами писемъ разныя подробности о студентскомъ побоищѣ въ Москвѣ и о пр.

Изъ перваго письма. „Чернь была натравлена на избіеніе студентовъ и на цѣлый рядъ неистовствъ, всего больше полицмейстеромъ Огаревымъ. Агитаторъ этотъ, при всей толпѣ кричалъ: „братцы обижаютъ нашихъ, помогите!“ Изъ толпы выступилъ какой-то здоровенный изъ тверской ямской мушайкъ, и говоритъ Огареву: „А что ваше в-діе, отвѣчать не будемъ, если студентовъ поколотимъ?“ — „За что отвѣчать, васъ еще начальство поблагодаритъ“. Тогда этотъ мотадоръ, закрутивъ у поддевки рукава, пошолъ хлестать кулачищами

по чемъ попало бѣдныхъ студентовъ, а вслѣдъ за нимъ бросилась и толпа лавочниковъ и другихъ невѣжественныхъ дураковъ. Между тѣмъ до начала избіенія шныряли между толпою неизвѣстные люди, вѣроятно агенты полиціи, которые появляясь и исчезая на разныхъ пунктахъ площади, говорили простому народу: „Чего вы смотрите на эту сволочь студентовъ, всѣ они бунтуютъ противу начальства, а теперь пришли только къ Тучкову требовать чрезъ него у государя уничтоженія вольности крестьянъ; вы видите, это все почти дѣти дворянъ, такъ вотъ отцы ихъ и научили затѣять бунтъ, генералъ-губернаторъ вовсе не противъ студентовъ, онъ даже дѣлалъ представленіе въ ихъ пользу государю“.

(— Странно, да развѣ не Тучковъ управлялъ городомъ во время бойни студентовъ, развѣ бойня не была передъ окнами его дома и развѣ не видали его жену и Исакова у окна въ самое время преступленій? Далѣе, если писанное корреспондентомъ объ полицмейстерѣ Огаревѣ справедливо, что-же Тучковъ, отдалъ его подъ судъ? . . . — *Изд.*)

Изъ втораго. „У насъ снова подняли споръ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. На этотъ разъ говорятъ не о крестьянахъ — имъ князь Черкаскій обезпечилъ право быть сѣченными — но о солдатахъ. Нельзя было ожидать какіе пламенные защитники палокъ и шпицрутеновъ нашлись въ средѣ нашей. Пока эти институты стояли прочно и неприкосновенно, нельзя было догадаться какъ глубоко любимы тѣлесныя наказанія въ *образованныхъ* слояхъ нашего общества, но когда дерзкое вольнодумство проникло не только въ мраморный дворецъ, но и во дворецъ наслѣдника, самые противуположные мнѣнія соединились, передъ опасностью избавленія

защитниковъ нашего отечества отъ палокъ. *Ю. Самаринъ* славянофилъ-ѳеологъ, и противникъ славянофиловъ профессоръ *Чичеринъ*, защищаютъ ихъ. Самаринъ писалъ объ этомъ изъ деревни, и копіи съ его письма ходили по рукамъ, *Чичеринъ* говорилъ въ здѣшнихъ салонахъ*).

Изъ писемъ студентовъ.

Публика съ нетерпѣніемъ, а дѣйствующіе члены правительства съ опасеніемъ ожидали государя. Думали, что онъ прогонитъ Игнатьева и Путятина; думали, что онъ поторопится пріѣхать, а онъ спокойно сажалъ деревья въ Ливадіи, procul negotiis, и пріѣхалъ въ Москву съ самыми смутными понятіями о студентскомъ дѣлѣ. „Что это ты здѣсь надѣлалъ за пакости съ студентами?“ спросилъ онъ отрывисто у Тучкова. Тучковъ — (надѣлавшій пакости не съ студентами, а съ Исаковымъ), обидѣлся и просилъ, чтобъ было произведено слѣдствіе о его дѣйствіяхъ. Показавъ такимъ образомъ энергію и характеръ, государь пріѣхалъ въ Петербургъ снова благодушнымъ монархомъ, поцаловалъ Наткули въ лобъ, благодарилъ великихъ князей, Игнатьева, Путятина; преображенскихъ офицеровъ, Вельяминова и Толстаго сдѣлалъ флигель-адъютантами. Наградивши такимъ

*) Неужели правда?... Въ другомъ письмѣ намъ пишутъ, что есть циркуляръ по цензурному вѣдомству воспрещающій печатать возраженія на вступительную лекцію профессора Чичерина. Изд.

образомъ однихъ и поблагодаривши другихъ, онъ полюбопытствовалъ узнать за что онъ ихъ благодарилъ.

26 Октября былъ для этого собранъ особый совѣтъ министровъ. Государь открылъ засѣданіе тѣмъ, что совѣщанія совѣта по закону должны быть секретны, а между тѣмъ всему городу извѣстно, что говорится въ государ. совѣтѣ и въ совѣтѣ министровъ. Государь выразилъ желаніе, чтобы впредь совѣщанія совѣта сохранялись какъ дѣйствительныя государственныя тайны и не были разглашаемы.

Сичъ государя подѣйствовалъ — и дня три члены совѣта отмалчивались, а потомъ начали по прежнему кто проговариваться, а кто и просто болтать.

Путятинъ въ совѣтѣ изложилъ весь ходъ университетскаго дѣла въ самомъ превратномъ смыслѣ. Его стали останавливать, опровергать и доказывать, что онъ извращаетъ всѣ факты извѣстные министрамъ по запискѣ Кавелина. Между прочимъ Путятинъ, увѣрялъ, что оппозиція правительству, съ характеромъ *политическимъ*, распространена между всѣми студентами и всѣми профессорами; въ доказательство послѣдняго, онъ привелъ фактъ, что „правительство хотѣло увеличить жалованіе профессорамъ, но что они отказались отъ этого по одному духу оппозиціи“.

Милютинъ заставилъ его признаться, что профессора не отказывались отъ увеличенныхъ окладовъ, но отвергли съ негодованіемъ циркуляръ Путятина, въ которомъ онъ, *по случаю увеличенія окладовъ* вмѣнилъ имъ въ обязанность: впредь преподавать науки въ духѣ, соотвѣтствующемъ видамъ правительства.

Когда-же онъ изложилъ *свой планъ* о преобразованіи университетовъ въ нѣчто подобное семинаріямъ, то государь сказалъ прямо, *что это нелѣпо*. Съ того времени Путятинъ очевидно приговоренъ къ паденію, но паденіе его совершается медленно, изъ ложнаго административнаго приличія.

Между тѣмъ обѣ слѣдственныя коммиссіи дѣйствуютъ. Петербургъ находится подъ предсѣдательствомъ Волянскаго, въ Кронштадтѣ предсѣдатель Пущинъ. Обѣ комиссіи находятъ то, что́ есть, что студентовъ не въ чемъ винить. Въ докладной запискѣ петербургской коммиссіи даже очень рѣзко указано на всѣ ошибки министерства народнаго просвѣщенія.

Военный судъ, который былъ назначенъ надъ 4 артиллеристами, призналъ ихъ тоже невинными.

Вотъ это-то и приводитъ правительство въ смущеніе. Какъ согласиться, что напрасно выслали гвардію противъ студентовъ и напрасно благодарили на царицыномъ лугу, напрасно разослали до 300 молодыхъ людей изъ Петербурга, напрасно посадили до 600 въ крѣпость.

Какъ скоро будетъ новый министръ народнаго просвѣщенія, то ждутъ пересмотра устава университетскаго.

Нынѣ петербургскій университетъ номинально открытъ, но въ дѣйствительности никто не ходитъ и лекціи не читаются.

Паткуль будучи командиромъ павловскаго полка, прославился непомѣрными *экономическими талантами*, напоминающими такихъ maestro въ, какъ Лидерсъ и графъ Ламбертъ. Онъ даже вчужѣ любитъ богатства и пріѣхалъ къ Волянскому упрашивать его такъ *направить* слѣдствіе, чтобы

студенты *Утины* ни въ чемъ не были виноваты. Утины прекрасные молодые люди и дѣйствительно ни въ чемъ не виноваты, но высокое заступничество Паткуля напоминаетъ обычаи горцевъ, берущихъ выкупъ за плѣнныхъ. Только онъ требуетъ выкупъ съ обоихъ сторонъ и именно взялъ у государя въ займы 60,000 р. с.

Прошла недѣля. Въ Четвергъ 2 Ноября было опять длинное засѣданіе, послѣ котораго просьба Игнатьева объ отставкѣ была принята и онъ уволенъ отъ генералъ-губернаторства, съ назначеніемъ пожизненнаго содержанія въ 15,000 руб. сер. На его мѣсто назначили Суворова.

Особенно замѣчательно въ этомъ засѣданіи была рѣчь Милютина, который сказалъ откровенно, что Россія нуждается въ образованіи, которое должно всячески поддержать; что на новыя правила вся образованная Россія и вся заграничная пресса смотрятъ не безъ основанія, какъ на мѣру реактивную, какъ на поворотъ съ пути реформъ; что принятіе этихъ правилъ составитъ ошибку правительства и что пересмотръ уставовъ университета необходимъ.

За тѣмъ былъ поднятъ вопросъ: какимъ путемъ рѣшить участь захваченныхъ студентовъ. Милютинъ предлагалъ путь законный: т. е. послѣ слѣдствія — судъ. Игнатьевъ предложилъ отдать всѣхъ бунтовщиковъ въ солдаты — для примѣра. Шуваловъ, раздувшій всю эту исторію, предложилъ полную амнистію, желая съ успѣхами при дворѣ соединить популярность.

Всѣ три мнѣнія были отвергнуты.

Рѣшено: по окончаніи слѣдствія рѣшить дѣло административно, въ совѣтѣ министровъ, т. е. рѣшили не стѣсняться ничѣмъ въ полицейскомъ произволѣ.

Послѣ засѣданія 26 Октября, государь убѣдившись, что Путятинъ изъ рукъ вонъ плохъ и въ министры не годится, написалъ рескриптъ Тучкову, въ которомъ извинялся въ своей горячности и предлагалъ ему министерство народнаго просвѣщенія. Тучковъ отвѣчалъ, что онъ къ этому министерству не готовился, что онъ считаетъ его важнымъ, что онъ плохимъ министромъ быть не желаетъ, а потому отказывается отъ предложенной должности.

Между тѣмъ еще 24 Октября Кавелинъ подалъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ Спасовичъ и Стасюлевичъ (послѣдній читаетъ между тѣмъ у наслѣдника), кромѣ того подалъ прошеніе Плетневъ и собираются подать Утинъ, Пыпинъ и Костомаровъ.

Послѣ засѣданія 2 Ноября была послана телеграмма въ Стутгардтъ съ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія Титову. Его теперь ждутъ, а между тѣмъ надъ Путятинымъ учреждена опека изъ 3 лицъ, безъ которыхъ ему запрещено дѣйствовать.

— Въ это самое время призвали Александра Николаевича Муравьева въ С. Петербургъ, чтобы отнять у него губернію, которою онъ съ честію управлялъ, и назначили ему содержаніе вдвое менѣе чѣмъ онъ получалъ въ Нижнемъ такъ, что ему буквально не съ чѣмъ выѣхать въ Москву и нечѣмъ тамъ жить.

Докторъ Оверъ, Московскій пеликанъ.

(Изъ письма.)

Москва.

Въ числѣ захваченныхъ во время побоища, 12 Октября, на площади предъ домомъ военнаго генералъ-губернатора, были два студента — Крыжовъ и Зельферовичъ. Оба они были страшно избиты полицейскими, подняты безъ чувствъ и отнесены въ Тверскую госпиталь. Здѣсь ихъ продержали отъ 10 часовъ утра и до 6 вечера, безъ всякаго пособія. У Крыжова открылся бредъ; Зельферовичъ не могъ безъ страшной боли повернуться съ боку на бокъ, двинуть рукою, ногою. Вечеромъ, когда стемнѣло, ихъ перевезли въ университетскую клинику. Здѣсь подали имъ медицинское пособіе.

На слѣдующій день завѣдывающій клиникою, профессоръ Оверъ явился къ Тучкову — вотъ за чѣмъ. „Ко мнѣ въ клинику привезли двухъ студентовъ, изъ бунтовщиковъ“ — говорилъ онъ генералъ-губернатору — „я приказалъ поставить имъ пьявки и мушки; но былъ-бы радъ, еслибъ имъ поставили ихъ *пониже*. Пока эти молодые люди будутъ оставаться у меня въ клиникѣ, я не могу поручиться за спокойствіе и порядокъ во время моихъ лекцій, ихъ присутствіе будетъ волновать студентовъ — и въ клиникѣ разыграется какая-нибудь неприличная сцена.“ На этомъ основаніи профессоръ просилъ Тучкова перевести больныхъ студентовъ, которыхъ жизнь находилась въ опасности, изъ клиники въ полицейскую больницу. „Тамъ имъ настоящее мѣсто.“

Московская полицейская больница устроена главнымъ образомъ для больныхъ воровъ и мошен-

никовъ, попавшихся въ Часть; это — самая грязная больница въ Москвѣ.

Ежели профессора предлагаютъ такъ, то что̀ дѣлать полиціи? Въ клинику явился квартальный съ хожалыми за Крыжовымъ и Зельферовичемъ. — Нечего было и думать, чтобъ они сами могли одѣться: одинъ все еще былъ въ бреду; другой не могъ приподняться съ постели. Одѣваніемъ ихъ занялись хожалые и дѣлали это такъ безжалостно, какъ только можно ожидать. Крыжовъ, воображалъ, что его вяжутъ, кричалъ на всю клинику; Зельферовичъ стоналъ такъ, что на что̀ ужъ у сидѣлокъ клиники крѣпкіе нервы, а и онѣ плакали на взрыдъ.

Больныхъ свезли въ полицейскую больницу. Тамъ ихъ продержали всего четыре дня. Они понадобились къ допросу, и хотя ни одинъ изъ нихъ еще не успѣлъ оправится, ихъ обоихъ перевезли изъ полицейской больницы въ Тверскую Часть.

Это уже не то звѣрство солдать, жандармовъ, будочниковъ, переряженныхъ въ народъ и не переряженныхъ, которое разыгралось на улицахъ Москвы 12 Октября и которое еще можно объяснить разнузданными инстинктами грубаго солдатства; это — спокойное, обдуманное звѣрство профессоровъ, начальства, Оверовъ, Тучковыхъ, Крейцовъ.

Записка Московскаго Дворянства Предводителю Воейкову отъ дворянъ студентовъ.

12 Октября, на улицахъ московскихъ, студенты университета нашего подверглись открытому нападенію и всякаго рода оскорбленіямъ, среди бѣлаго

дня, со стороны полиціи и жандармовъ. Лично оскорбленные при этомъ, мы рѣшились обратиться къ вашему превосходительству, какъ къ представителю дворянскаго сословія, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать, чтобы объяснить вамъ ходъ всего дѣла и просить васъ повергнуть на разсмотрѣніе государя императора противузаконные поступки полиціи, дабы описаніе этого дѣла дошло до него въ настоящемъ видѣ. Съ этой цѣлью мы представляемъ вашему превосходительству краткое изложеніе произшествій, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся.

Закрытіе С. Петербургскаго университета было первою причиною того ряда недоразумѣній, который такъ трагически кончился катастрофою 12 Октября. Закрытіе это вызвало сперва безпорядочную вспышку 27 Сентября, которая имѣла послѣдствіемъ закрытіе первыхъ двухъ курсовъ юридическаго факультета. За тѣмъ послѣдовалъ болѣе благоразумный образъ дѣйствія — появилось желаніе обратиться къ государю императору съ почтительною просьбою объ открытіи С. Петербургскаго университета и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ, вызвавшихъ волненіе между студентами. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній составленъ былъ проэктъ прошенія, который былъ одобренъ студентами и высшимъ начальствомъ. Послѣднее обнадежило студентовъ въ томъ, что прошеніе это будетъ принято, за отсутствіемъ попечителя, помощникомъ его, и что само высшее начальство будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ исполненіи ихъ просьбы. Въ надеждѣ на это обѣщаніе студенты прекратили сходки и было приступлено къ собиранію подписки подъ это прошеніе.

Въ это самое время пріѣхалъ попечитель московскаго учебнаго округа Николай Васильевичъ Исаковъ, который отказался не только принять прошеніе, но и прочесть его; отказъ этотъ произвелъ новое волненіе между студентами, при чемъ неудовольствіе выразилось довольно рѣзко и необдуманно.

Въ ночь съ 11 на 12 число послѣдовали многочисленные аресты; въ числѣ арестованныхъ были и люди не участвовавшіе ни въ какихъ сходкахъ.

12 Октября по утру, студенты, по всегдашнему, собрались въ университетъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что ночью, неизвѣстно за что, схвачено по квартирамъ до 20 человѣкъ студентовъ. Эта вѣсть сильно огорчила всѣхъ. Желая ближе узнать какъ причины такъ и подробности этого происшествія, студенты стали мало по малу стекатся на университетскій дворъ, гдѣ всякій приходившій приносилъ имъ новыя свѣденія объ этомъ происшествіи. Такъ собралось ихъ до 600 человѣкъ; они обратились было къ попечителю съ просьбою объяснить имъ причину этихъ арестовъ, но онъ отказался дать имъ какое-бы то ни было объясненіе по этому предмету. Пока студенты въ раздумьи стояли на дворѣ, не зная что́ предпринять, пришло приказаніе отъ генералъ-губернатора прислать къ нему студента Гижицкаго. Тутъ раздались голоса „проводимъ и мы его, и узнаемъ объ участи товарищей нашихъ,“ и толпа безъ дальнѣйшаго разсужденія тронулась по направленію къ дому генералъ-губернатора. Поступокъ этотъ былъ неосторожень, но никому не пришло въ голову, что такое дѣйствіе могло быть принято за демонстрацію. Зная расположеніе къ нимъ генералъ-губернатора, не однократно вы-

сказавшееся въ словахъ и на дѣлѣ; помня, что полиція за нѣсколько дней не помѣшала шествію ихъ на могилу профессора Грановскаго, въ числѣ быть можетъ 500 человѣкъ — студенты были твердо убѣждены, что пока они будутъ вести себя тихо и воздерживаться отъ всякаго шума и безпорядка, полиція ихъ не тронетъ и по этому они рѣшились идти, соблюдая совершенную тишину. Едва студенты вышли со двора и направились по Моховой улицѣ, какъ полиція и жандармы, скрывавшіеся въ Манежѣ, вышли и послѣдовали за ними. Студенты прошли въ совершенной тишинѣ Маховую улицу и Тверскую, никто изъ начальства, какъ университетскаго, такъ и городскаго, не обратился къ нимъ съ приглашеніемъ разойтись; полиція не препятствовала ихъ шествію. Наконецъ они вышли на тверскую площадь и остановились передъ домомъ генералъ-губернатора. Четыре человѣка было отправлено къ генералъ-губернатору съ просьбою объявить имъ причину ареста товарищей. Пока посланные просили о дозволеніи видѣться съ генералъ-губернаторомъ полиція и жандармы, шедшіе позади, вышли на площадь и окружили студентовъ съ трехъ сторонъ. Послѣ этого они рѣшились отрѣзать ихъ отъ дома генералъ-губернатора. Студенты, которые до тѣхъ поръ стояли передъ домомъ въ совершенной тишинѣ, ожидая возвращенія посланныхъ, увидѣли себя окруженными. Не желая быть отрѣзанными отъ своихъ товарищей, которые, какъ они полагали, излагаютъ въ это время генералъ-губернатору ихъ просьбы, они рѣшились не давать себя оттѣснить и объявили объ этомъ жандармскому офицеру, который въ это время старался ворваться съ своими солдатами между ими и домомъ генералъ-губер-

натора. Офицеръ, не желавшій подвергнуться непріятностямъ при нападеніи жандармовъ на студентовъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и потомъ крикнулъ солдатамъ: „хватай! вяжи!“ По этому сигналу пѣшіе жандармы и полиція мгновенно устремились на студентовъ, начали бить и хватать ихъ. Начался страшный безпорядокъ; одни бѣжали, другіе сдавались безъ сопротивленія, а остальные, раздраженные вѣроломнымъ поступкомъ полиціи, которая *ни разу не приглашала ихъ разойтись*, сопротивлялись нападавшимъ. Къ полиціи и пѣшимъ жандармамъ присоединились и конные, которые до тѣхъ поръ скрывались на дворѣ тверской части. На свистъ хожалыхъ, изъ всѣхъ домовъ выскочили дворники и мужики, заранѣе приготовленные, которые съ крикомъ и ругательствами устремились за бѣгущими. Началась ужасная травля по всѣмъ улицамъ города; гдѣ только показывалась студенческая фуражка, полиція и жандармы устремлялись на несчастныя жертвы и били ихъ безчеловѣчнымъ образомъ. Конные жандармы на полномъ скаку нагоняли студентовъ, хватали ихъ за шиворотъ или за волосы, и продолжая скакать, волочили ихъ за собою, такъ что ноги ихъ стучали по камнямъ. Въ народѣ былъ распущенъ слухъ, что студенты возстали на царя и хотятъ убить генералъ-губернатора: „какъ? на государя?“ ревѣлъ народъ, „на клочки разорвемъ!“ Былъ распущенъ и другой слухъ, будто студенты требуютъ возвращенія крѣпостнаго права и наконецъ многіе изъ народа увѣрены были, что всѣ студенты — поляки, которые возстаютъ противъ государя и преслѣдовали ихъ на этомъ основаніи.

Наконецъ шумъ началъ утихать. Студенты, разсѣянные, окруженные со всѣхъ сторонъ полиціею

и жандармами, избитые, многіе изувѣченные, были приволочены въ тверскую часть. Комнатъ далеко не хватило для помѣщенія всѣхъ пойманныхъ, число которыхъ, вмѣстѣ съ пойманными на улицахъ и бульварахъ, доходило до 400. Всѣ они были загнаны на дворъ тверской части; ихъ окружили жандармами и полиціею, но и тѣ и другіе были скоро замѣнены регулярными войсками состоявшими изъ гренадерскихъ и армейскихъ кадровъ. Тутъ только обнаружились слѣды энергическихъ мѣръ, къ которымъ полиція прибѣгла безъ всякаго повода со стороны студентовъ. Избиты, съ разорванною одеждою, стояли они отъ 11 часовъ утра до полуночи на открытомъ воздухѣ, при сырой осенней погодѣ, ничего не ѣвши. Между ними раздавались стоны раненыхъ. Кромѣ студентовъ пришедшихъ къ генералъ-губернатору просить за своихъ товарищей, кромѣ пойманныхъ на улицахъ, при выходѣ изъ домовъ и на бульварахъ, было схвачено много лицъ, не принадлежащихъ вовсе къ университету, изъ которыхъ нѣкоторые, не смотря на то, не избѣгли побоевъ. Хотя большая часть студентовъ была выпущена въ слѣдующіе за тѣмъ дни, тѣмъ не менѣе осталось еще нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые до сихъ поръ сидятъ въ частяхъ *).

Заключая описаніе печальныхъ происшествій 12 Октября, мы еще разъ обращаемся къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою: довести до свѣденія государя императора все происшедшее.

*) Во время схватки нѣсколько студентовъ вбѣгали къ генералъ-губернатору и просили прекратить это избіеніе, но онъ вмѣсто отвѣта спрашивалъ ихъ фамиліи и приказывалъ арестовать.

Подлинное подписано 20 дворянами студентами, потерпѣвшими 12 Октября оскорбленія отъ полиціи.

Сверхъ того студенты московскаго университета подали адрессъ государю, они его отдали флигель-адъютанту Рылѣеву въ Петербургѣ, куда нарочно ѣздили за тѣмъ ихъ депутаты. Рылѣевъ увѣрилъ ихъ, что отдастъ государю адрессъ. Сколько мы знаемъ, Рылѣевъ порядочный человѣкъ, носитъ великое имя и сверхъ того, онъ поступалъ не по апраксински въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Доносъ Московскихъ Профессоровъ. (Историческая записка,

составленная университетской коммиссіей, по поводу происходившихъ въ Сентябрѣ и Октябрѣ, 1861 г., безпорядковъ между студентами московскаго университета и представленная университетскимъ совѣтомъ чрезъ его превосход. г. попечителя м. округа).*

Его в. п. г. министру народнаго просвѣщенія.

Ваше сіятельство!

Волненіе и безпорядки, которыхъ, университетъ былъ зрѣлищемъ въ послѣднее время, побуждаютъ совѣтъ моск. университета обратиться къ вамъ съ донесеніемъ объ этихъ горестныхъ событіяхъ. Совѣтъ имѣетъ въ виду изложить в. с. весь ходъ дѣла, связать настоящія съ предъидущими, указать на разнородныя причины, которыя

*) Подписана: Соловьевымъ, Бодянскимъ, Леонтьевымъ, Ешевскимъ и Чичеринымъ.

тутъ дѣйствовали и возвратить каждому принадлежащую ему долю отвѣтственности. Послѣднія происшествія могутъ подать поводъ къ мысли, что моск. университетъ сдѣлался центромъ уличныхъ волненій и революціонныхъ идей. Сознавая съ глубокою скорбію всю беззаконность поступковъ моск. студентовъ, совѣтъ полагаетъ однако, что безпристрастное изложеніе дѣла должно устранить подобное нареканіе. Совѣтъ смѣетъ увѣрить в. с., что не смотря на временныя студенческія увлеченія, основный духъ моск. университета остался неиспорченнымъ. Поддержанный правительствомъ, университетъ съумѣетъ совладать съ настоящими смутами и сохранить свое высокое призваніе просвѣтителя русскаго юношества. Донося в. с. о всемъ происшедшемъ и излагая причины волненій, совѣтъ считаетъ необходимымъ говорить со всевозможною откровенностію. Трудное положеніе, въ которомъ находятся нынѣ наши университеты, настоятельная потребность разумныхъ мѣръ для установленія прочнаго порядка, дѣлаютъ неумѣстнымъ всякое утаеніе истины, или косвенныя уловки и оговорки. Совѣтъ въ своемъ донесеніи старался не выходить изъ предѣловъ, ввѣренной ему власти. Но если в. с. усмотритъ здѣсь мысли и сужденія, которыя могутъ казаться несовмѣстными въ тѣснымъ кругомъ дѣятельности, предоставленнымъ подчиненному мѣсту, то совѣтъ покорнѣйше проситъ в. с. принять ихъ не за неуваженіе къ высшимъ властямъ, а за чистосердечное желаніе содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣхамъ драгоцѣннаго намъ отечественнаго просвѣщенія.

Первоначальныя причины, которыя произвели настоящія волненія между студентами, коренятся не въ университетѣ. Нынѣшнія событія суть

послѣдствія и отголосокъ того общаго движенія, которое охватило Россію съ 1855 г. Совѣтъ не считаетъ умѣстнымъ входить здѣсь въ сужденіе объ этомъ направленіи русскаго общества. Онъ указываетъ на него какъ на несомнѣнный фактъ, который имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Для массы русскаго общества это движеніе новое; оно вовсе было къ нему не приготовлено. Оно развилось внезапно, вслѣдствіе бѣдствій послѣдней войны. Понятно, что новое направленіе не скоро можетъ войти въ надлежащую, разумную и законную колею. Оно естественно колеблется, пока не найдетъ для себя твердыхъ точекъ опоры. Только жизненный опытъ можекъ показать границы, гдѣ свобода становится анархическою и вредною для государства. Пока видны однѣ лишь невыгоды стѣсненій, либеральное направленіе необходимо вдается въ крайности и эти крайности отражаются прежде всего на молодыхъ умахъ.

Студенты нашихъ университетовъ не состоятъ въ закрытомъ заведеніи, подъ вліяніемъ однихъ начальниковъ и преподавателей: они живутъ среди общества и заражаются его стремленіями, его страстями, его предразсудками. Русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, какое едва-ли существуетъ въ другой странѣ. Тамъ, гдѣ образованіе разлито въ народѣ и пустило прочные корни, тамъ учащіеся получаютъ естественно принадлежащее имъ мѣсто въ общественныхъ рядахъ. Въ Россіи учащійся становится представителемъ образованія, а въ настоящее время, всякій русскій человѣкъ, глубоко чувствуетъ потребность образованія, какъ единственнаго выхода изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ. Сверхъ того, вслѣдствіе вкравшейся у насъ отъ бездѣйствія

привычки возлагать по возможности всѣ обязанности на другихъ, у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подрастающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнію. Оттого молодые люди исполняются сознаніемъ своего высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества. Послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостію и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи. При всѣхъ превратныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою такое преувеличенное понятіе о своемъ достоинствѣ, оно имѣетъ однако хорошую сторону. Истекая изъ уваженія къ образованію, оно даетъ человѣку нравственныя силы, которыя на дальнѣйшемъ поприщѣ охраняютъ его отъ тѣхъ искушеній, которымъ слишкомъ часто подвергаются у насъ не только чиновники, но и люди всѣхъ званій. Прискорбно здѣсь особенно то, что этимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ степенъ подготовленія студентовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ съ 1848 г. значительно понизился уровень, какъ университетскихъ занятій, такъ и гимназическихъ преподаваній. Въ университетъ стали стекаться молодые люди, менѣе прежняго приготовленные къ научнымъ трудамъ, и когда открылась для нихъ большая свобода дѣйствій, они естественно стали заниматься общими вопросами, которые требовали отъ нихъ меньшей работы.

Такое общественное состояніе умовъ въ Россіи возбудило въ студентахъ настроеніе, которое нельзя считать нормальнымъ. Обстоятельства, независящія отъ университета, значительно усилили этотъ духъ. До конца 57 г. въ студентахъ моск. уни-

верситета не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась извѣстная в. с. исторія съ моск. полицей. Студенты было оскорблены. Судъ и высочайшая воля рѣшила дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону.

Это событіе въ первой разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія и составляетъ самую жизнь университета. Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по 2 депутата, которые могли-бы постоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла.

Это первое студентское движеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе слѣдственной коммиссіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявляли массою. Съ этихъ поръ у нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ и депутаціямъ. Вскорѣ къ тому присоединилось основаніе студентской кассы, которая управлялась выборными.

Все это однакожъ могло-бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій, если-бы съ новымъ духомъ, который распространялся между студентами съ новыми правами имъ предоставленными, была усилена и дѣятельность университетской полиціи,

наблюдающей за безпорядками. Къ несчастію послѣдовало совершенно обратное: карцеръ былъ уничтоженъ и университетская полиція лишилась всякихъ исправительныхъ средствъ. Гдѣ есть полиція, тамъ должно быть и полицейское наказаніе. Университетъ-же былъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ неиначе могъ прекращать безпорядки, какъ исключеніемъ виновныхъ изъ своей среды: наказаніе слишкомъ жестокое, ибо оно за простую шалость, за легкомысленное увлеченіе портитъ всю карьеру молодаго человѣка. Можно сказать, что съ этого времени университетская полиція фактически прекратила свое существованіе. Долго она была даже вовсе не видна; только въ недавнее время она показалась снова, хотя и лишена всякого средства дѣйствовать на студентовъ.

Послѣдствіемъ всего этого былъ рядъ нарушеній университетскаго порядка. Эти проступки, совершаемые толпою, оставались безнаказанными, и по крайней мѣрѣ кончались удачею студентовъ.

Первымъ дѣломъ такого рода была исторія съ профессоромъ Майковымъ. Онъ былъ освистанъ своими слушателями. Студенты, представили начальству маленькое извиненіе въ своемъ поступкѣ, но они были освобождены отъ экзамена и г. Майковъ вышелъ изъ университета. Затѣмъ тоже самое повторилось съ профессоромъ Варнекомъ. Здѣсь исторія была серьознѣе и совѣтъ былъ призванъ къ принятію нужныхъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. Наряженная имъ коммиссія, получивши отъ студентовъ отзывъ, что они дали другъ другу слово выжить профессора Варнека изъ университета, рѣшила весь курсъ подвергнуть болѣе или менѣе строгому взысканію, раздѣливъ винов-

ныхъ на различныя категоріи. Г. мин. народнаго просвѣщенія ограничилъ наказаніе исключеніемъ изъ университета 12 человѣкъ. Остальные были допущены къ изъявленію разскаянія — при чемъ однако профессоръ Варнекъ принужденъ былъ оставить университетъ.

Точно также и профессоръ Орнатскій долженъ былъ выйти въ отставку, потому что студенты отказались ходить къ нему на лекціи. Въ исторіи съ профессоромъ Леонтьевымъ и преподавателемъ Клиномъ студенты потерпѣли наудачу. Оба профессора остались на своихъ мѣстахъ и нѣсколько человѣкъ студентовъ были исключены изъ университета; однако остальнымъ были сдѣланы нѣкоторыя снисхожденія, не совсѣмъ согласныя съ университетскими правилами.

Съ этихъ поръ прекращаются исторіи съ профессорами. Но прошедшею весною студенты дозволили себѣ призывать къ суду г. ректора за мнимое оскорбленіе, нанесенное имъ студенту, который никогда и не думалъ жаловаться; происходившія по этому случаю сходки и движенія остались совершенно безнаказанными; здѣсь въ первый разъ студенты начали громко толковать о своихъ правахъ, какъ корпораціи. Здѣсь послышались тѣ неумѣренныя и противныя университетскому порядку требованія, которыя повторились съ большею силою въ настоящихъ смутахъ. Студенты болѣе и болѣе убѣждались, что они призваны быть дѣятелями общественными. Нѣкоторые изъ нихъ ревностно занимались дѣлами, которыя не имѣли никакаго отношенія къ университетскимъ занятіямъ. В. с. извѣстно, что литографіи лекцій послужили поводомъ къ распространенію недозволенныхъ сочиненій. Это совершалось довольно

открытымъ образомъ, а между тѣмъ долго оставалось безнаказаннымъ. На панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ полякамъ были произнесены студентами нѣкоторыя весьма неумѣренныя рѣчи, но ораторы не подверглись за то никакому взысканію. Всѣ эти удачи, которыя повторялись въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, утвердили студентовъ въ мысли, что они своею массою составляютъ силу, противъ которой начальство боится дѣйствовать рѣшительно. Совѣтъ и преподаватели моск. университета не могутъ принять на себя отвѣтственности за послабленія, которыя повели къ развитію этого духа. Совѣтъ осмѣливается изъявить в. с. свое крайнее убѣжденіе, что одна изъ главныхъ причинъ, возникшихъ безпорядковъ, заключается въ недостаткѣ твердой, послѣдовательной и основанной на ясномъ пониманіи университетскихъ нуждъ — системы управленія университетами въ продолженіи послѣднихъ 13 лѣтъ.

Въ нынѣшнемъ году послѣдовали совершенныя перемѣны въ принятой до того времени системѣ. Совѣтъ не имѣетъ права подвергать обсужденію присланныхъ ему для исполненія высочайшихъ повелѣній; но онъ не считаетъ возможнымъ умолчать о тѣхъ причинахъ, которые произвели въ студентахъ общее неудовольствіе, привели къ настоящимъ безпорядкамъ. В. с. оцѣнитъ на сколько эти причины могутъ служить извиненіемъ беззаконнымъ дѣйствіямъ студентовъ.

Всякому, кто занимается воспитаніемъ извѣстно, какъ неохотно вообще молодые люди подвергаются внѣшнимъ мелочнымъ стѣсненіямъ. Избѣгнуть въ этомъ отношеніи бдительнаго взора начальства, становится даже признакомъ удальства, которое всякій, нѣсколько бойкій студентъ вмѣняетъ себѣ

въ честь. Это всегда было и будетъ, потому, что это вѣчное свойство юности. При господствѣ, такъ сказать, патріархальныхъ отношеній между студентами и начальствомъ, какъ это было до 1848 г., это направленіе остается совершенно безвреднымъ. Въ то время студенты безпрерывно нарушали форму; инспекція, то смотрѣла на это сквозь пальцы, то ласково ихъ побранивала, то наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ сажала ихъ въ карцеръ, и все обходилось очень благополучно. Въ настоящее время, при томъ духѣ, который вслѣдствіе изложенныхъ причинъ вселили въ студентовъ, при томъ высокомъ понятіи, которое они получили о себѣ, всякое мелкое стѣсненіе кажется имъ оскорбительнымъ. Они ропщутъ на примѣръ на обязанность всегда имѣть при себѣ билеты и объявлять ихъ при входѣ въ университетъ, гдѣ они привыкли считать себя дома, и пользоваться полной свободой движенія. Опасенія-же, которыя проглядываютъ въ этихъ мѣрахъ, еще болѣе утверждаютъ ихъ въ мысли, что они составляютъ дѣйствительную силу, отъ которой надобно ограждаться разными изобрѣтеніями.

Въ послѣдніе годы студенты пріобрѣли также привычку къ постояннымъ совѣщаніямъ объ общихъ дѣлахъ и къ выбору депутатовъ. Это дѣлалось не только съ разрѣшенія, но иногда даже по распоряженію начальства. Студенты стали считать эти сходки и выборы естественно принадлежащимъ имъ правомъ. Не сдержанные полицейскою властію, они это право нерѣдко употребляли во зло. Предъидущія событія внушили имъ мысль, что они этими способами могутъ принимать участіе въ самомъ управленіи университетомъ, чего разумѣется допустить невозможно. Совѣтъ полагаетъ, что въ этой

мысли заключается главное зло, происходящее отъ сходокъ и депутацій. Что касается до другаго рода совѣщаній, то совѣтъ имѣлъ уже честь объяснить в. с., что студенты, не образуя даже юридически организованной корпораціи, всегда составляли и будутъ составлять товарищество; это естественное условіе и послѣдствіе университетской жизни. Между тѣмъ, по видимому, эти двѣ вещи, не достаточно различаются, какъ студентами, такъ и высшимъ начальствомъ. Товарищамъ свойственно сходиться и толковать между собою. Въ случаѣ какого-либо общаго дѣла они естественно посылаютъ отъ себя кого-нибудь для объясненія съ начальствомъ. Тутъ нѣтъ оффиціальнаго представительства, какъ къ корпораціи. Это совершается частнымъ домашнимъ образомъ, и въ прежнія времена само начальство находило въ этомъ наилучшее средство для объясненія съ студентами и для возможности дѣйствій на нихъ. Новыя постановленія положительно запрещаютъ всякія сходки и всякія объясненія съ начальствомъ сборищемъ или посредствомъ депутатовъ. В. с. пойметъ, что студентамъ это должно было показаться внезапнымъ отъятіемъ права, которое они привыкли считать своимъ.

Но главнымъ предлогомъ къ безпорядкамъ послужила мѣра объ обязательной платѣ 50 р. Здѣсь уже студенты опирались на нравственное чувство состраданія къ бѣднымъ товарищамъ. Въ этой точкѣ, они находили постоянную поддержку въ сочувствіи общества, а потому въ рукахъ агитаторовъ, которые желали произвесть волненіе въ университетѣ, это было наилучшее орудіе для возбужденія массы.

В. с. вѣроятно не извѣстно, въ какой бѣдности живутъ многіе изъ студентовъ моск. университета.

Молодые люди нерѣдко лишають себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы воспользоваться университетскимъ образованіемъ. При томъ недостаткѣ средствъ и пособій, который господствуетъ у насъ, они находятъ здѣсь единственный путь къ просвѣщенію. Отсюда необоримое стремленіе русскаго юношества къ университетамъ.

В. с. извѣстно и то, что въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный; молодому человѣку, непринадлежащему къ купечеству, или мѣщанству, нужно посвятить себя ремеслу. Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять себѣ какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ университета выходятъ чиновники, медики, учителя, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣднею копѣйкою, чтобы дать сыновьямъ своимъ средство пройти чрезъ университетъ.

Съ такими побужденіями, многіе молодые люди пріѣхали въ Москву; для поступленія въ университетъ. Здѣсь имъ было объявлено, что неиначе могутъ вступить, какъ съ платою 50 р. въ годъ. Этого они вовсе неожидали. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые рѣшительно не въ состояніи были заплатить, съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхали домой. Тѣ-же, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ. Этому отчасти можно приписать то обстоятельство, что главными дѣятелями въ безпорядкахъ были студенты первыхъ курсовъ. Другіе-же, видя бѣдственное положеніе

товарищей, естественно увлеклись желаніемъ избавить ихъ отъ тягостнаго. Самое общество приняло дѣятельное участіе въ бѣдныхъ студентахъ; вездѣ открылись подписки въ ихъ пользу. Русское общество, которое сдѣлало изъ студентовъ представителей образованія, всегда готово за нихъ вступиться и дать имъ нравственную поддержку. Совѣтъ имѣлъ уже честь объявить в. с., что потребность образованія, какъ перваго необходимаго условія, для успѣховъ гражданской жизни, для возвышенія нравственныхъ силъ народа, наконецъ для самой силы Россіи, вотъ чувство, которое упрочилось глубоко въ русскомъ обществѣ. Совѣтъ полагаетъ, что онъ не выйдетъ за предѣлы предоставленнаго ему права сужденія, если онъ изъяснилъ в. с., что въ настоящее время всякая мѣра, какимъ-бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне не популярна и пріобрѣтетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту, законному или беззаконному. Совѣтъ даже считаетъ обязаннымъ высказать это в. с. потому, что по его крайнему убѣжденію это обстоятельство должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для соображеній, какъ при оцѣнкѣ нынѣшнихъ безпорядковъ, такъ и при дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты относительно русскихъ университетовъ.

Между тѣмъ новыя постановленія на первыхъ порахъ не вызвали въ студентахъ моск. университета сопротивленія. Преподаваніе шло своимъ чередомъ, когда происшествіе въ спб. университетѣ и послѣдовавшее за тѣмъ закрытіе этого заведенія, отразились и на моск. студентахъ. Положительно извѣстно, что въ Москву прибыли посланные отъ спб. студентовъ съ цѣлію, возбу-

дить движеніе и здѣсь, и тѣмъ побудить правительство къ закрытію всѣхъ русскихъ университетовъ. Надѣялись, что такая сильная и еще небывалая мѣра возбудитъ всеобщее неудовольствіе и заставитъ правительство отступить отъ своихъ требованій. Подстрекаемые иногородными товарищами, горячіе головы изъ моск. столицы ревностно принялись за дѣло. Первая сходка произошла въ аудиторіи 1-го и 2-го курсовъ юрид. факультета, гдѣ читалось письмо отъ спб. студентовъ. Инспекторъ два раза дѣлалъ предостереженіе, объясняя, что сходки формально запрещены. Студенты не только не повиновались, но и освистали инспектора.

Вскорѣ однако, изъ опасенія подвергнуть отвѣтственности курсъ, въ аудиторіи котораго случатся безпорядки, они перенесли собраніе въ университетскій садъ, гдѣ опять получили предостереженіе отъ инспектора и опять не оказали повиновенія. Инспекторъ, лишенный всякихъ средствъ, дѣйствовалъ на толпу, не имѣя ни полицейской силы, ни права наказанія, могъ только донести правленію о случившихся безпорядкахъ. Правленіе прилагая законъ, закрыло оба курса юрид. факультета, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, при чемъ у г. инспектора были открыты особые листы для тѣхъ студентовъ, которые желали заявить свое неучастіе въ безпорядкахъ. Сверхъ того, получивши извѣстіе, что сходки собираются для подписанія адресса гос. императору, и имѣя ввиду правило, которымъ формально воспрещаются какія-бы то ни были сходки и объясненія съ начальствомъ сборищемъ, или посредствомъ депутатовъ, правленіе постановило, что оно адресса принять не въ правѣ.

Совѣтъ не могъ не одобрить вполнѣ образа дѣйствій правленія. При явномъ неповиновеніи властямъ, при отсутствіи всякой матеріальной силы, начальству остается только твердо стоять на почвѣ законности и не отступать отъ нея ни на шагъ. Совѣтъ убѣжденъ, что въ обыкновенное время, особенно при возстановленіи полицейскихъ наказаній, для охраненія порядка въ стѣнахъ университета достаточно весьма небольшаго состава университетской полиціи. Но въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда волнуется весь университетъ и инспекція встрѣчаетъ явное сопротивленіе со стороны студентовъ, никакая университетская полиція достаточна быть не можетъ. 20 и 30 субъинспекторовъ не въ состояніи справиться съ толпою изъ 5 или 6 сотъ человѣкъ, когда послѣдняя рѣшилась не повиноваться. Въ этихъ случаяхъ остается только обратиться къ содѣйствію городской полиціи. По существующимъ правиламъ университета, начальство не имѣетъ права требовать полицейской команды въ свое распоряженіе; слѣдовательно, въ случаѣ смутъ, охраненіе или возстановленіе порядка въ университетѣ совершенно зависитъ отъ благоусмотрѣнія городскихъ властей. Это именно и произошло въ настоящемъ случаѣ. Записавши свои рѣшенія въ протоколъ, правленіе истощило всѣ средства, которые состояли въ его распоряженіи.

Совѣту неизвѣстно, какого рода переговоры происходили между г. помощ. попечителя и т. моск. воен. ген.-губ., но изъ донесенія г. инспектора явствуетъ, что ему въ присутствіи г. помощ. попечителя и другихъ лицъ, было формально объявлено приказаніе г. воен. ген.-губ. не вмѣшиваться въ университетскія безпорядки. Кромѣ

того, депутація отъ студентовъ такъ называемой „умѣренной партіи“, которая желала менѣе рѣзкаго адресса, частнымъ образомъ являлась къ воен. ген.-губ. Студенты утверждаютъ, что воен. ген.-губ. прямо разрѣшилъ сходки въ стѣнахъ университета, неоднократно обнадеживалъ ихъ принятіемъ адресса и самъ даже исправилъ ихъ редакцію.

Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ обсуждать дѣйствія начальника столицы. Совѣтъ увѣренъ, что воен. ген.-губ. руководствовался при этомъ однимъ только желаніемъ миролюбиво окончить непріятную исторію и кроткимъ способомъ успокоить взволнованные умы. Но совѣтъ не можетъ не представить в. с. въ извиненіе студентовъ моск. университета, что когда молодые люди поставлены между двумя властями, изъ которыхъ одна разрѣшаетъ то, что̀ запрещаетъ другая, то всѣ понятія о власти и о законѣ, должны у нихъ перепутаться, что̀ имъ становится невозможнымъ различить что̀ дозволено и чего нельзя, и что самое неповиновеніе начальству получаетъ для нихъ законный характеръ. Въ глазахъ моск. студентовъ университетское начальство явилось защитникомъ притѣсненій и г. моск. воен. ген.-губ. сдѣлался представителемъ либерализма.

Этими распоряженіями были парализованы не только дѣйствія университетскаго начальства, но и всѣ усилія профессоровъ возстановить спокойствіе въ умахъ. В. с. въ недавнемъ циркулярѣ выражали требованіе нравственнаго вліянія профессоровъ на студентовъ. На сколько подобное требованіе исполнимо, объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить. Во всякомъ случаѣ, это вліяніе возможно только тогда, когда профессоръ относится

къ студентамъ не какъ оффиціальное лицо, не какъ профессоръ къ каѳедры, а какъ человѣкъ съ искренними убѣжденіями, сочувствующіи нуждамъ молодыхъ людей. Здѣсь нужно прежде всего, чтобы студенты имѣли полное довѣріе къ искренности и добросовѣстности преподавателя. Въ настоящемъ случаѣ профессора были поставлены въ самое затруднительное положеніе: имъ невозможно было употреблять единственный доводъ, который могъ имѣть нравственное вліяніе на студентовъ, именно: уяснить пользу новыхъ мѣръ. Положеніе профессоровъ было тѣмъ болѣе щекотливо, что въ томъ-же самомъ высоч. повелѣніи, которымъ установлена обязательная плата для всѣхъ студентовъ, сказано, что эти деньги идутъ между тѣмъ на увеличеніе жалованія профессорамъ. Вслѣдствіе этого, студенты были убѣждены, что послѣдніе сами выхлопотали себѣ эти выгоды на ихъ счетъ. Когда начались волненія, многіе изъ профессоровъ употребили всѣ усилія для того, чтобы удержать своихъ слушателей отъ участія въ безпорядкахъ. Но они принуждены были ограничиться увѣщаніями, что закону слѣдуетъ безусловно повиноваться, потому что это распоряженіе верховной власти и что профессора, какъ-бы ни сочувствовали нуждамъ студентовъ, не могутъ сочувствовать тѣмъ беззаконнымъ средствамъ, къ которымъ послѣдніе прибѣгаютъ для достиженія своихъ цѣлей. Подобнымъ увѣщаніямъ у студентовъ умѣренной партіи былъ готовъ отвѣтъ: „Мы не хотимъ ни буйства, ни безпорядковъ; мы желаемъ только поднести государю прошеніе о своихъ нуждахъ. Законныя пути къ объясненію съ начальствомъ намъ всѣ преграждены. Мы поневолѣ должны прибѣгать къ нарушенію правилъ. А что правительство смотритъ

на это даже благосклонно, въ томъ намъ порукой г. моск. воен. ген.-губер., который обѣщалъ намъ принять наше прошеніе."

В. с усмотритъ, что на подобныя возраженія отвѣчать было не легко. Профессора могли только ограничиться предсказаніями, что покровительство, оказанное городскою властію, кончится не совсѣмъ благополучно. Это и сбылось въ послѣдствіи. Не смотря на то, усилія профессоровъ не остались безъ успѣха: 4ой курсъ юрид. фак., пришедши на сходку прямо объявилъ, что онъ этихъ демонстрацій не одобряетъ, и не желаетъ принимать въ нихъ участія. При товарищескихъ отношеніяхъ подобный поступокъ можетъ назваться весьма смѣлымъ. По свидѣтельству профессоровъ и инспектора высшіе курсы другихъ факультетовъ, точно также не принимали участія въ безпорядкахъ. Студенты 3хъ курсовъ, не отставшіе отъ товарищей, старались однако по возможности воздерживать ихъ отъ безразсудныхъ увлеченій. Они образовали зерно, такъ называемой умѣренной партіи. Многіе изъ нихъ приходили къ профессорамъ и просили у нихъ совѣта, что имъ дѣлать, не одобряя безпорядковъ и объясняя свое затруднительное положеніе. Вообще главными участниками въ безпорядкахъ были студенты 1хъ курсовъ и затѣмъ вторыхъ. Пылкія головы, разумѣется есть вездѣ; на всѣхъ курсахъ найдется нѣсколько человѣкъ, готовыхъ на разныя крайности. Но здѣсь дѣло идетъ объ общемъ направленіи массы. Совѣтъ покорнѣйше проситъ в. с. обратить особенное вниманіе на это обстоятельство, оно до очевидности доказываетъ благодѣтельное вліяніе университета на огромную массу стекающихся въ него молодыхъ людей. Чѣмъ болѣе студентъ про-

никается университетскимъ духомъ и поддается вліянію преподавателей, тѣмъ разумнѣе онъ смотритъ на вещи, и тѣмъ менѣе въ немъ готовности принимать участіе во всякаго рода буйствахъ и движеніяхъ.

Послѣдствія даннаго г. ген.-губерн. приказанія не препятствовать сходкамъ, не замедлили обнаружиться. На слѣдующій день толпы студентовъ ворвались въ новое зданіе университета, сломали устроенную въ передней рѣшетку и въ одной изъ аудиторій переломали нѣсколько мебели. Правленіе получивши объ этомъ донесеніе, немедлено обратилось къ помощнику попечителя съ просьбою ходатайствовать *о содѣйствіи мѣстнаго начальства къ прекращенію возникшаго въ университетѣ безчинія;* г. помощникъ попечителя не счелъ однакожъ нужнымъ исполнить эту просьбу и вмѣсто того учредилъ коммиссію для произведенія слѣдствія о происшедшихъ безпорядкахъ. Единственный результатъ работы коммиссіи было удостовѣреніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ неизвѣстно именно кѣмъ.

Нѣсколько дней спустя студенты рѣшились сдѣлать демонстрацію на могилѣ покойнаго Грановскаго. Память Грановскаго остается для университета священною*). Ежегодно въ день его смерти нѣкоторые профессора, студенты, частныя лица знавшіе его лично, служатъ по немъ панихиду на пятницкомъ кладбищѣ. Въ первый разъ эта тризна сдѣлалась предлогомъ студенческихъ манифестацій. Толпа, составленная изъ 300 студентовъ двинулась изъ университетскаго сада на

*) Долго-ли-же будутъ эти люди позорить память Грановскаго своимъ языкомъ! — Прим. Ред.

мѣсто погребенія. Полиція была предупреждена, около кладбища стояли казаки, жандармы, полицейская команда. Студенты пришли поздно по окончаніи панихиды. *Профессора немедленно уѣхали, чтобы не подать видъ, что они участвуютъ въ демонстраціи.* Полицейскіе начальники стали отговаривать студентовъ отъ всякихъ изъявленій, въ особенности отъ произношенія рѣчей. *Самъ* оберъ-полицмейстеръ явился посреди толпы, но долженъ былъ немедленно удалиться. Рѣчи были произнесены, нѣкоторыя весьма неумѣренно, и студенты не смотря на убѣжденія полицмейстера, такою-же сплошною массою возвратились въ университетъ.

Все здѣсь было противно правиламъ отъ начала до конца. Все это совершилось на улицахъ Москвы, въ публичныхъ мѣстахъ, въ виду полицейской силы и все проходило безнаказанно. Не должно-ли все это было вселить въ студентахъ совершенную увѣренность, что они своею массою составляютъ силу, къ которой начальство боится приступить.

Между-тѣмъ сходки продолжались, но умѣренная партія и крайняя не могли придти къ соглашенію на счетъ адресса; волненіе видимо слабѣло. Пріѣздъ попечителя послужилъ поводомъ къ новой вспышкѣ. 11 Октября толпа студентовъ ворвалась на лекцію къ профессору Ешевскому и стала убѣждать его слушателей, что теперь не до лекцій, что есть общее дѣло, которое требуетъ участія всѣхъ. Но многочисленная аудиторія профессора Ешевскаго, не только не послѣдовала внушенію, но вытѣснила вошедшихъ изъ залы и заперла за ними дверь. Между тѣмъ въ профессорской комнатѣ депутаты отъ студентовъ предъявляли попе-

чителю самыя неумѣренныя и неумѣстныя требованія. Встрѣтивши формальной отказъ, они возвратились къ товарищамъ. Вскорѣ цѣлая толпа ворвалась въ профессорскую. Положительно извѣстно, что многихъ студентовъ заставляли идти даже силою. Разумѣется, сюда примкнула и масса любопытныхъ, которая находясь въ университетскомъ зданіи, желала видѣть, что происходитъ. Предводители толпы снова и еще съ большею настойчивостію приступили къ попечителю. Шумъ продолжался 3 часа, но всѣ требованія студентовъ, какъ въ попечителѣ *такъ и въ находившихся тутъ профессорахъ* нашли полный и совершенный отпоръ. Въ слѣдующую ночь, по приказанію городскихъ властей, было арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Какъ скоро утромъ эта вѣсть разнеслась по университету, толпа снова приступила къ попечителю, требуя освобожденія товарищей *и опять потерпѣла неудачу.* Видя что отъ университетскаго начальства добиться нечего, всѣ студенты отправились къ в. ген.-губ. Толпа была многочисленна, но часть ея отдѣлилась, и на Тверскую площадь прибыло около 300 человѣкъ. Можно полагать, что здѣсь были всѣ, принимавшіе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ и даже многіе просто любопытные, которые воображали, на основаніи предшествовавшихъ событій, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противузаконнаго или опаснаго. В. с. извѣстно, что предъ домомъ в. ген.-губ. между студентами и полиціей произошла схватка и что пришедшая на площадь толпа студентовъ была арестована. Совѣтъ, *не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило и не считалъ себя въ правѣ объ этомъ говорить.* Одно судебное слѣдствіе

можетъ раскрыть истину и опредѣлить степень виновности каждаго. Но между студентами распространились слухи о насиліи полиціи такъ, что даже самые умѣренные изъ нихъ взволновались на счетъ судьбы товарищей. На слѣдующій день послѣ произшествія на тверской площади, большая толпа студентовъ собралась на университетскомъ дворѣ. Желая успокоить умы и въ послѣдній разъ употребить мирныя средства, университетское начальство въ сопровожденіи профессоровъ вошло на крыльцо и объявило: во 1-хъ, что при слѣдствіи надъ арестованными студентами будетъ депутатъ отъ университета. Во 2-хъ, что если толпа немедленно не разойдется, то будетъ уже распоряженіе не университетскаго начальства, а полиціи. Студенты спокойно разошлись и съ тѣхъ поръ не было сколько-нибудь значительныхъ сборищъ.

Однако волненіе этимъ не прекратилось, но оно приняло другой характеръ. Не довѣряя такому судопроизводству, помня, сверхъ того, прежнюю исторію съ полиціею, гдѣ они своею настойчивостію вытребовали себѣ правосудіе, студенты положили не ходить на лекціи, пока не рѣшится участь ихъ товарищей. По достовѣрнымъ свѣденіямъ вожаки дѣйствовали въ этомъ смыслѣ даже угрозами и устраненіемъ прилежныхъ студентовъ. Однако и эта попытка не удалась. Большинство студентовъ медицинскаго факультета объявило своимъ профессорамъ, что оно желаетъ слушать ихъ чтенія. Высшіе курсы другихъ факультетовъ также предложили ходить на лекціи; мало по малу за ними слѣдуютъ и остальные; благоразумье видимо беретъ верхъ. Донося в. с. о всѣхъ этихъ прискорбныхъ событіяхъ, совѣтъ полагаетъ, что внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ и сообра-

женіе причинъ, которыя тутъ дѣйствовали, должно привести къ убѣжденію, что безпорядки, происшедшіе въ моск. университетѣ, не имѣютъ того характера общности, упорства и опасности, который могъ-бы вызывать необходимость какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ.

Въ университетѣ безъ сомнѣнія есть много пылкихъ головъ, готовыхъ на безразсудные поступки. Таковые всегда найдутся въ массѣ болѣе нежели 2,000 молодыхъ людей отъ 17—20-лѣтняго возраста. Въ обыкновенное время ихъ прежде всего, удерживаетъ увѣренность, что нарушеніе закона не останется безнаказаннымъ, и что начальство всегда обладаетъ достаточною силою, чтобы прекратить въ корпѣ какое-бы то ни было движеніе. Въ настоящемъ-же случаѣ состояніе и духъ русскаго общества, *недостатокъ полицейскихъ средствъ* въ рукахъ университетскаго начальства, безнаказанность прежнихъ попытокъ, наконецъ *послабленіе городскихъ властей* явному нарушенію правилъ, все это должно было привести ихъ къ убѣжденію, что имъ все дозволено, что начальство ихъ боится и общество ихъ поддерживаетъ. Эти пылкія головы составляютъ первую категорію участниковъ въ безпорядкахъ. В. с. видитъ, что это вина молодости, при стеченіи разныхъ, независящихъ отъ университета, неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Къ второй категоріи можно отнести массу студентовъ умѣренныхъ, которые не желаютъ ничего другаго, какъ только возможности законнымъ путемъ заявлять начальству о своихъ нуждахъ и облегченіи участи бѣдныхъ своихъ товарищей. Съ этою просьбою они хотѣли обратиться къ государю императору, какъ къ своему естественному защитнику и покровителю.

Русскому человѣку не легко растолковать, что подобное обращеніе можетъ быть незаконнымъ. Масса умѣренныхъ студентовъ была вовлечена въ движеніе именно тѣми нравственными предлогами, на которые опирались коноводы. При такихъ условіяхъ духъ товарищества не позволялъ имъ отдѣляться отъ другихъ. При томъ они видѣли, что городское начальство не смотритъ неблагосклонно на ихъ дѣйствія и въ окружающемъ ихъ обществѣ, какъ совѣтъ имѣлъ уже честь объяснить выше в. с. они встрѣчали такую нравственную поддержку, которая не только подстрѣкала ихъ къ движенію, но и заставляла ихъ стыдиться равнодушія къ общему дѣлу.

Къ этому должно присоединить и ту терроризацію, которую дѣятельное и шумное меньшинство всегда производитъ надъ большинствомъ, какъ скоро толпѣ дозволяется *безнаказанно преступать законы и нѣтъ власти, ограждающей слабыхъ отъ притѣсненія.* Вожаки прибѣгали къ угрозамъ, даже иногда къ физической силѣ, чтобы заставить равнодушныхъ присоединиться къ движенію. Но въ товарищескомъ кругу, подобныя средства бываютъ обыкновенно излишними: однихъ упрековъ, насмѣшекъ и стыда предъ товарищами достаточно, чтобъ молодой человѣкъ не отказался отъ общаго дѣла. Оттого многіе соглашались подписатъ адрессъ, рѣшительно не участвуя ни въ какихъ безпорядкахъ.

Наконецъ совѣтъ не можетъ скрыть отъ в. с., что изъ донесеній г. инспектора видно, что значительное участіе въ смутахъ принимали *польскіе студенты.* Однако справедливость требуетъ замѣтить, какъ на основаніи тѣхъ-же показаній г. инспектора, такъ и по общимъ отзывамъ студен-

товъ, что поляки въ этомъ дѣлѣ большею частію вели себя очень осторожно, не выставляясь на первый планъ, пуская впередъ преимущественно коноводовъ изъ русскихъ и поддерживая только своею массою общія рѣшенія.

При всемъ томъ всѣ эти элементы, вмѣстѣ взятыя, составляютъ весьма значительное меньшинство студентовъ моск. университета. Какъ совѣтъ имѣлъ уже случай изъяснить в. с. изъ числа болѣе 2,000 студентовъ нынѣ учащихся въ университетѣ, дѣятельное участіе въ безпорядкахъ принимала масса не болѣе 300 человѣкъ. Это оказывалось всякій разъ, какъ нужно было сдѣлать демонстрацію внѣ университета.

Въ университетскихъ-же стѣнахъ толпа увеличивалась всѣми любопытными, которые видя безпрепятственное повтореніе сходокъ, естественно примыкали къ другимъ, желая знать, что происходитъ, а часто и въ надеждѣ удержать товарищей отъ безразсудныхъ дѣйствій, даже на 1хъ и 2хъ курсахъ юрид. фак., откуда началось волненіе, число своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ значительно превосходитъ количество остальныхъ. Записываться на открытыхъ у инспектора листахъ съ выдачею ему своихъ билетовъ, на первыхъ порахъ было не совсѣмъ безопасно. Толпа неоднократно приходила къ инспектору требовать этихъ списковъ, чтобы предать товарищей позору, какъ они выражались. А между тѣмъ студентовъ, своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ, оказывается 210, кромѣ 28 стороннихъ слушателей, тогда какъ число незаписавшихся у инспектора простирается только до 92 человѣкъ.

Совѣтъ смѣетъ увѣрить в. с., что большинство студентовъ моск. университета желаетъ прежде всего возможности мирно продолжать свои занятія. *Только отсутствіе власти, имѣющей въ рукахъ матеріальную силу,* дало возможность меньшинству пылкихъ головъ выставиться на первый планъ, увлечь за собою болѣе спокойныхъ товарищей, заглушить голосъ благоразумныхъ и дѣйствовать какъ-бы отъ имени всѣхъ студентовъ.

Совѣтъ убѣжденъ, что матеріальное спокойствіе университета установится прочнымъ образомъ, какъ скоро студенты убѣдятся, что законъ всегда будетъ непремѣнно исполненъ, что нельзя безнаказанно нарушать университетскій порядокъ и что *всякая* демонстрація можетъ послужить единственно къ ихъ собственному вреду. А это убѣжденіе можетъ утвердиться въ нихъ только въ томъ случаѣ, если университетское начальство будетъ *снабжено достаточными средствами* для исполненія своихъ предписаній, и если въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ оно будетъ *въ правѣ разсчитывать на содѣйствіе городской полиціи.*

Что-же касается до возстановленія нравственнаго вліянія начальства на студентовъ, то совѣтъ полагаетъ, что оно можетъ послѣдовать только при устраненіи тѣхъ причинъ, которыя даютъ нравственные предлоги для движенія, парализируютъ вліяніе преподавателей и доставляютъ недовольнымъ постоянную опору въ сочувствіи общества. Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ предлагать въ этомъ отношеніи какія-бы то ни были мѣры. Но онъ не можетъ не выразить в. с. своего глубокаго убѣжденія, что одно изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія университета состоитъ въ безплатномъ пріемѣ въ сту-

денты бѣднѣйшихъ людей, жаждущихъ просвѣщенія.

Есть конечно основаніе опасаться, что отмѣна новыхъ университетскихъ правилъ, прежде совершеннаго прекращенія безпорядковъ, будетъ сочтена за уступку беззаконнымъ требованіямъ студентовъ. Но всѣ изложенныя выше обстоятельства, по видимому, ясно указываютъ на потребность новыхъ уставовъ для нашихъ университетовъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ, настоящіе прискорбные безпорядки, измѣнившійся духъ русскаго общества и студентовъ, наконецъ самая шаткость многихъ правилъ, неоднократно подвергавшихся перемѣнамъ, все это доказываетъ необходимость зрѣло обдуманной, послѣдовательной и основанной на современныхъ потребностяхъ системы университетскихъ правилъ. Все дальнѣйшее развитіе университетовъ зависитъ отъ введенія подобной системы.

Представляя всѣ эти соображенія на усмотрѣніе в. с., совѣтъ остается при твердомъ убѣжденіи, что настоящія временныя смуты не въ силахъ поколебать вѣковаго зданія старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

Подлинную записку подписали:

О. Пр. *Соловьевъ*
Орд. Пр. *Бодянскій*
И. Д. Ор. Пр. П. *Леонтьевъ*
И. Д. Э. Пр. С. *Ешевскій*
И. Д. Э. Пр. Б. *Чичеринъ.*

Записка эта напечатана въ пяти экземплярахъ и содержалась въ величайшей тайнѣ.

— Студенты, вѣроятно не забудутъ историческія имена подписавшихся.

Защита Московскихъ Профессоровъ.

(Письмо къ издателю.)

М. Г.

Только въ Берлинѣ удалось мнѣ прочесть описаніе вашихъ корреспондентовъ такъ называемой „бойни“ студентовъ. Многое въ этихъ описаніяхъ очень вѣрно и характеристично; но многое въ значительной степени искажено. Видно, что послѣднее, т. е. невѣрное, писалось съ слуховъ: а м. г., хотя vox populi, vox dei, но и онъ, этоть „гласъ божій“, въ минуты общей агитаціи, сильно коверкаетъ факты, сгущаетъ общій тонъ освѣщенія и — главное — шлетъ несправедливыя нарѣканія лицамъ, неповиннымъ какъ говорится, ни словомъ, ни дѣломъ. Я взялъ на себя смѣлость возстановить кое-какіе факты.

Прежде всего позволю себѣ увѣрить васъ, что кровопусканія, къ счастію, не были такъ велики, какъ вамъ сообщили о нихъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ дѣйствительно ранены два-три человѣка. Смерть-же многимъ грозитъ не отъ кровопусканій, а отъ тяжелыхъ, удушливыхъ стѣнъ россійскихъ крѣпостей. Въ нихъ-то заболѣли очень опасно нѣкоторые изъ студентовъ (тифомъ). Ради крѣпости умеръ въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей (г. Спасскій).

Замѣчу далѣе, что списокъ студентовъ сидящихъ въ казематахъ, далеко не полонъ*), ихъ значительно болше. Въ спискѣ, на примѣръ, я не

*) У насъ помѣщенъ оффиціальный списокъ до числа. Аресты продолжались и послѣ. — Ред.

встрѣтилъ именъ гг. Владиміра Яворскаго и Ѳедора фонъ Берга, которыхъ посѣщалъ я въ арестантской больницѣ при второмъ сухопутномъ госпиталѣ.

Третья неточность та, что г-жа Корсини и Блюммеръ (моя сестра) взяты въ III Отдѣленіе, ни г-жа Богданова высѣчена. — не были: по день моего отъѣзда онѣ были совершенно свободны, и совершенно свободно давали уроки въ воскресныхъ школахъ.

Наконецъ, обвиненье московскихъ профессоровъ совершенно несправедливо, и о нихъ — если позволите — я разскажу нѣсколько подробнѣе, такъ какъ считаю ложное обвиненіе дѣломъ далеко нечестнымъ.

Московскихъ профессоровъ ваши корреспонденты обвиняютъ въ индиферентизмѣ въ студентскомъ дѣлѣ, и чуть не въ вымогательствѣ тѣхъ плачевныхъ мѣръ, которыя приняты нашею администраціею.

Какъ кандидатъ московскаго университета, выпуска 1861 г. смѣю васъ увѣрить, что хотя, дѣйствительно, они и не были такъ энергичны, какъ составлявшіе матрикулы почтенные профессора университета петербургскаго — то были далеко не индиферентны къ участи своихъ слушателей. Дѣло только въ томъ, что въ Москвѣ волненія были начаты не всею массою студентовъ, какъ это было въ Петербургѣ, а только частью 1 и 2 курсовъ юридическаго факультета, да господами, непопавшими въ число студентовъ на послѣднихъ вступительныхъ экзаменахъ; начаты не неудовольствіями противъ матрикулъ, а выраженьями недовольства — едва-ли осмысленнаго — нѣкоторыми профессорами. Это обстоятельство очень важное, такъ какъ, естественно, что московскіе профессора

не могли стать за одно съ собственными антогонистами.

Когда-же волненья перешли въ серьозное дѣло, когда въ жалобахъ послышались вещи и здравыя и основательныя; наконецъ, когда дошло до бойни на улицахъ, то московскіе профессора, говорю смѣло, дѣйствовали какъ честные люди, были рѣшительно со студентами и за студентовъ. С. М. Соловьевъ, о которомъ ваши корреспонденты говорятъ, какъ о молодцѣ, просившемъ солдатъ у Тучкова, первый въ засѣданіи совѣта сказалъ, что „наука подъ защитою штыка, быть не можетъ!“ А его нельзя упрекнуть въ двоедушіи, въ служеніи и богу и мамону. М. Н. Капустинъ и М. Дмитріевъ взяли на свое поручительство едва-ли не цѣлую сотню студентовъ, захваченныхъ полиціею. Г. Ешевскій едва-ли довольствовался простымъ выраженьемъ, что „со студентами поступаютъ скверно“ — этими пустыми словами едва-ли можно заслужить ту глубокую любовь студентовъ, которая обращена на этого превосходнаго профессора . . . С. И. Баршевъ, какъ членъ слѣдственной коммиссіи, дѣйствовалъ такъ добросовѣстно, что, благодаря ему, черезъ нѣсколько дней послѣ бойни, студентовъ уже не было въ арестантскихъ. Судите, милостивый государь, сами.

Прибавлю еще слѣдующее: за долго еще до всякихъ исторій, когда гр. Путятинъ предложилъ московскимъ профессорамъ увеличить ихъ жалованье изъ суммъ, собираемыхъ за слушанье лекцій, они всѣ указали на неудобоваримость этой мѣры. Сколько я знаю, о самыхъ матрикулахъ они предполагали, по *спокойномъ* истеченіи нѣкотораго времени, отнестись какъ о мѣрѣ *безполезной*.

Это факты, достовѣрности которыхъ, если вы сочтете не лишнимъ опубликовать ихъ, я свидѣтельствую моею подписью, которую прошу васъ выставить en toutes lettres.

Прошу васъ, М. Г. и пр.

Берлинъ, 8/20 Декабря 1861.

Леонидъ Блюммеръ.

Адрессъ, поданный профессорами петербургскаго университета министру просвѣщенія.

В. П.

Объявленная въ „Сѣверной Почтѣ“ высылка г. Павлова, бывшаго товарищемъ нашимъ по чтенію публичныхъ лекцій и многихъ изъ насъ по университетской службѣ, глубоко насъ поразила и огорчила. Обращаемся къ в. пр. Насъ побуждаетъ съ одной стороны чувство любви и уваженія лично къ г. Павлову, а съ другой наша собственная безопасность и потребность, касающаяся важнаго общественнаго дѣла. Мы знаемъ г. Павлова, какъ человѣка болѣзненнаго, онъ нуждается въ попеченіи близкихъ лицъ. Это одно уже обязываетъ насъ быть къ нему внимательными. Сверхъ того не только намъ, но и всей образованной Россіи, г. Павловъ извѣстенъ какъ личность, достойная уваженія, по своей прошедшей профессорской дѣятельности и по той иниціативѣ, которую онъ принималъ въ устройствѣ воскресныхъ

школъ. Мы просимъ в. пр. исходатойствовать ему немедленное перемѣщеніе изъ Ветлуги въ Нижній Новгородъ, гдѣ у него находятся родные и способствовать зависящими отъ васъ средствами къ скорѣйшему освобожденію его изъ подъ надзора полиціи.

Затѣмъ считаемъ долгомъ обратить вниманіе ваше на другую сторону вопроса о г. Павловѣ, которая касается уже не одной его личности.

Г. Павловъ наказанъ безъ суда и слѣдствія. „Сѣверная Почта“ объявила, что онъ наказанъ за то, что съ цѣлью возбудить неудовольствіе противъ правительства, дозволилъ себѣ на публичномъ чтеніи выраженія и возгласы, не пропущенныя цензурою. Если, быть можетъ, онъ употребилъ въ чтеніи иныя слова и обороты, но односмысленные съ тѣми, которые находились въ рукописи, то это было неизбѣжно при изустномъ изложеніи мысли.

Только безпристрасный судъ могъ бы раскрыть дѣйствительно-ли отклонился г. Павловъ отъ смысла того, что было ему пропущено цензурою въ рукописи, и если отклонился, то въ какой степени и по какимъ побужденіямъ.

Мѣра-же избранная правительствомъ и опубликованная въ „Сѣверной Почтѣ“, по нашему мнѣнію, безусловно оправдываетъ его въ глазахъ общества и клонится именно къ тому, въ чемъ обвиняется г. Павловъ — къ возбужденію неудовольствія противъ правительства. Происшествіе съ г. Павловымъ ставитъ въ опасное положеніе всѣхъ, кто только рѣшится читать какое-нибудь сочиненіе въ публичномъ собраніи. Человѣкъ, самый благонамѣренный, можетъ каждую минуту опасаться, что сказанное имъ публично будетъ перетолковано въ

смыслѣ возбужденія неудовольствія противъ правительства, иногда по неразумѣнію, иногда-же по личной враждѣ къ нему, и онъ безъ суда и слѣдствія будетъ разлученъ съ семьею и мѣстомъ жительства и отправленъ въ ссылку. По этому не удивительно, что публичныя чтенія, должны у насъ представлять величайшія затрудненія для читающихъ, и какое-нибудь постороннее обстоятельство въ состояніи нарушить правильное ихъ теченіе, какъ это случилось въ послѣднее время.

Мы желаемъ, чтобы намъ дозволили спокойно и безопасно служить наукѣ и дѣлу общественнаго образованія, а потому считаемъ себя вправѣ просить в. пр. исходатайствовать, чтобы обвиняемые въ намѣреніи возбудить неудовольствіе противъ правительству посредствомъ публичныхъ чтеній, не иначе подвергались-бы наказаніямъ, какъ по приговору суда. В. пр. принявъ на себя управленіе ходомъ русскаго просвѣщенія, конечно присоедините вашъ голосъ къ нашему справедливому желанію.

Приказъ Путятина.

Старое, грязное пятно на царскомъ мундирѣ снова выступило, и Путятинъ *не обялъ его* — Панинъ явился во всей мачтовой красотѣ своей, въ дѣлѣ студентовъ. Его мнѣніе восторжествовало. Ни Волянскій, предсѣдатель одной изъ коммиссій, ни князь Суворовъ, ничего не могли сдѣлать. Случайности нѣтъ въ его торжествѣ: благодушный монархъ, *хотялъ этого,* иначе онъ отстранилъ-бы Панина отъ сужденія въ собствен-

номъ дѣлѣ. Рядъ мѣръ, которыми жабы олигархіи хотѣли сломить, обезчестить юношество Россіи и на приведеніе которыхъ въ дѣйствіе выписали Путятина, придуманъ Строгоновымъ, Долгоруковымъ и Панинымъ. Доказательствомъ закулисной стачки государя съ Панинымъ служитъ засѣданіе въ совѣтѣ министровъ. Большинство было противъ предложенія Панина, съ нимъ согласились только заявленные тормазы — Строгоновъ, Муравьевъ, Анненковъ, Чевкинъ и самъ бенефиціантъ Путятинъ. Во все время мягкосердый монархъ молчалъ, да и утвердилъ мнѣніе *меньшинства*... вотъ и польза совѣта.

Приказъ по с. п-бургской полиціи.

(13 Декабря 1861 года, No. 347.)

Государь императоръ, по расмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, какъ представленныхъ особо назначенными для сего коммиссіями дознаній о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами с. п-бургскаго университета и другими лицами, такъ и всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи по сему предмету, въ 4 день сего Декабря высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Участвовавшихъ въ безпоридкахъ между студентами с. п-бургскаго университета, дворянина Филистера Орлова и кончившаго курсъ въ 1860 г. въ здѣшнемъ университетѣ Михаила Покровскаго выслать: перваго въ пермскую, а втораго въ архангельскую губерніи.

2. Изобличенныхъ дознаніями, или сознавшихся въ дѣйствіяхъ, обнаруживающихъ намѣреніе не исполнить предписаній начальства, студентовъ с. п-бургскаго университета: Евгенія Михаэлися, Константина Гена, Адольфа Герике, Александра

Френкеля и Марка Повосилицкаго, исключивъ изъ университета, выслать въ разные уѣздные города отдаленныхъ губерній *).

3. Изъ числа прочихъ студенговъ с. п-бургскаго университета, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, но въ дѣйствіяхъ коихъ не обнаружено предумышленнаго намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, студентовъ старшаго IV курса (по прилагаемому при семъ списку подъ N 1, 32 человѣка), кои болѣе другихъ могли ознакомиться съ обязанностями и правами студентовъ и должны были служить примѣромъ прочимъ, исключить изъ университета, и тѣхъ изъ нихъ которые имѣютъ родителей или близкихъ родственниковъ, отдать родителямъ или родственникамъ на поруки въ ихъ добропорядочномъ поведеніи; тѣхъ-же, кои не имѣютъ ни родителей, ни родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ ихъ благонадежности, выслать въ разные уѣздные города губерній Вятской, Вологодской и Олонецкой **). Затѣмъ студентамъ младшихъ III. II. I. курсовъ (по прилагаемымъ

*) Мы находимъ новую мѣру ссылки въ уѣздные города чрезвычайно благодѣтельною и ставимъ это на видъ ГГ. ссыльнымъ: дѣйствительно наши уѣздные города гораздо больше нуждаются въ благородныхъ дѣятеляхъ, чѣмъ города губернскіе. Основа общественной жизни въ уѣздахъ, слѣдственно непосредственное сношеніе съ уѣзднымъ населеніемъ всего важнѣе. Въ уѣздный городъ безпрерывно пріѣзжаетъ и помѣщикъ и крестьянинъ; да и самъ городничій только издали побаивается губернатора и очень хорошо знаетъ, какъ всѣ удобства его жизни, зависятъ отъ расположенія къ нему публики.

**) Какое отеческое сердоболіе о сиротствѣ! Однако, оставя шутки, развѣ можно наказывать человѣка за то, что у него отецъ съ матерью померли?

спискамъ подъ NN, 2. 3. и 4. 192 человѣка), сдѣлавъ строгое внушеніе за участіе въ безпорядкахъ и объяснивъ имъ какъ важность ихъ проступковъ, такъ и мѣру наказанія, коей они подвергались-бы по суду, даровать всемилостивѣйшее прощеніе и дозволить, въ двухъ-недѣльный срокъ или принять матрикулы, или возвратиться на родину*); тѣмъже, которые имѣютъ здѣсь родителей, близкихъ родственниковъ, или недвижимую собственность, дозволить остаться въ С. П-бургѣ, но подъ надзоромъ полиціи и съ объявленіемъ имъ, что за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ, они будутъ высланы въ отдаленныя губерніи, что должно быть объявлено и всѣмъ, кои воспользуются двухъ-недѣльнымъ срокомъ для вступленія въ университетъ или возвращенія на родину. При чемъ всѣмъ имъ, отнынѣ впредь окончательно, воспретить ношеніе студентской формы и возобновить запрещеніе носить такъ называемыя національныя одежды или другіе общіе признаки, отличающіе отъ прочихъ гражданъ, съ предвареніемъ, что полиція имѣетъ право и обязанность каждаго нарушающаго сіи правила немедленно арестовать**).

*) Отнынѣ ясно, что всѣ матрикулованные, вступающіе въ оные императорскіе университеты, кладутъ на себя неизгладимую печать подлости. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что благородное юношество можетъ немедленно отличить своихъ отъ чужихъ; это полезно для счета. Да неужелиже бѣдность заставитъ идти въ университеты ради чина и служебнаго поприща? Развѣ нельзя служить по торговымъ дѣламъ, по частному хозяйству? Безъ сомнѣнія, не только выгоднѣе, но честнѣе, чище, благороднѣе служить русской промышленности, чѣмъ этому правительству.

**) Что-же это такое за такъ называемыя національныя одежды, отличающія отъ прочихъ гражданъ? Тутъ два понятія національности и отличія отъ прочихъ гражданъ. На примѣръ, военный и штатскій мундиръ и вицъ-мундиръ.

4. Изъ числа задержанныхъ въ сборищахъ предъ университетомъ, за неисполненіе приказанія полиціи разойтись, служащаго въ канцеляріи военнаго министерства, колл. секр. Михаила Островскаго, обнаружившаго ложный образъ мыслей относительно распоряженій правительства*), удалить отъ службы, съ тѣмъ чтобы впредь въ оную не опредѣлять и выслать на родину, если у него нѣтъ здѣсь родителей или родственниковъ, которые-бы приняли его на поруки. Прочихъ за тѣмъ посторонніхъ лицъ, показанныхъ въ спискѣ подъ N. 6 (62 человѣка), выслать на родину, буде у нихъ нѣтъ здѣсь родителей или родственниковъ, которые-бы ихъ приняли подъ свое поручительствое.

5. Прикосновенныхъ къ сему дѣлу: студента медико хирургической академіи Петра Соболева и

фракъ и сюртукъ — не національная одежда, а отличается отъ прочихъ гражданъ; а поддёвка или полушобокъ національная одежда, но не отличаетъ человѣка отъ прочихъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ. Не надо забывать, что по „Положенію“ крестьянинъ признанъ за юридическое лицо и слѣдственно гражданинъ. Какъ-же тутъ быть несчастному студенту? Надѣнь фракъ — скажутъ, что отличается отъ прочихъ гражданъ; надѣнь поддевку — скажутъ, что это „такъ называемая національная одежда“. Да почему-же „такъ называемая“? Она въ самомъ дѣлѣ національная для русскаго, такъ какъ куртушъ или венгерка для полика. Ну, а если студентъ изъ Грузинъ, надѣнетъ архалукъ и чекмень? Въ кандалы его что-ли за такъ называемую національную одежду? Носитъ-же императорская фамилья нѣмецкій мундиръ, который для нея и національная и отличающая отъ прочихъ гражданъ одежда, и прочіе граждане за это не въ претензіи. — Отъ чего-же не потерпѣть въ гражданахъ то, что граждане терпятъ въ императорской фамильи? Долгъ платежемъ красенъ.

*) Въ цѣломъ XV томѣ свода законовъ не значится преступленія „ложнаго образа мыслей относительно распоряженій правительства“.

прибывшаго для поступленія въ означенную академію, бывшаго студента московскаго университета. Николая Лимонова выслать: перваго въ Архангельскъ, гдѣ проживаетъ его отецъ, а второго въ Уфу.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ мнѣ въ предложеніи господина с. п-бургскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 6 сего Декабря за N. 13,807, давая знать с. п-бургской полиціи и прилагая при семъ помянутые списки подъ NN. 1, 2, 3, 4 и 6 съ обозначеніемъ въ оныхъ мѣстъ жительства, показанныхъ въ нихъ лицъ, предписываю гг. приставамъ исполнительныхъ тѣлъ:

а) За поименованными въ 1, 2 и 5 пунктахъ, сего дополненія лицами, до высылки ихъ учредить строгій полицейскій надзоръ, принявъ мѣры, чтобы они не выѣхали изъ С. П-бурга самовольно. Лица эти освобождены, и изъ нихъ отданы на поручительство: Орловъ родному брату его и служащему въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, титулярному совѣтнику барону Димитрію Федоровичу Стуарту, самъ Орловъ будетъ жить въ б. Мѣщанской улицѣ, на углу Гороховой, домѣ Брунста, въ квартирѣ Залѣсскаго, N. 50; Покровскій отцу его, проживающему на углу Надеждинской улицы и Сапернаго переулка, въ домѣ Кокушкиной; Френкеля отцу его, купцу Самуилу Френкелю, проживающему у Харломова моста, въ домѣ Чистякова, N. 15; Герике родному брату, отставному подпоручику Герике, проживающему въ Измайловскомъ полку, по 8 ротѣ, въ домѣ Далецкаго; Генъ служащему въ государственной канцеляріи колл. сов. Бѣлозерскому, живущему противъ Круглаго рынка въ домѣ принца Ольденбургскаго и Новоселицкій стат. сов. Труссону,

проживающему на Новоисакіевской улицѣ въ собственномъ домѣ; самъ-же Новоселицкій будетъ жить на В. О. по 6 линіи, въ домѣ Костерева.

б) Поименованныхъ въ спискѣ подъ N. 1, бывшихъ студентовъ IV курса обязать представить по себѣ поручителей (родителей или близкихъ родственниковъ) непремѣнно въ 2-недѣльный срокъ, считая со дня освобожденія т. е. къ 20 сего Декабря и за тѣмъ отдать ихъ на поруки, съ подписками на прилагаемыхъ при семъ бланкахъ*); до того-же времени имѣть за ними строгій полицейскій надзоръ, объявивъ имъ, что какъ въ сіе время, такъ и впослѣдствіи за малѣйшее нарушеніе правилъ, тѣ, кои оставляются въ столицѣ, будутъ высланы изъ оной въ отдаленные города.

в) Упоминаемыхъ въ спискахъ подъ NN 2, 3 и 4, лицъ, которые имѣютъ здѣсь родителей или близкихъ родственниковъ, а также недвижимую собственность, оставить въ С. П-бургѣ подъ надзоромъ полиціи и съ объявленіемъ имъ, что за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ они будетъ высланы въ отдаленные города; что должно быть объявлено и всѣмъ тѣмъ, кои воспользуются двухъ-недѣльнымъ срокомъ для вступленія въ университетъ, или возвращенія на родину; тѣхъ-же, изъ этихъ лицъ, кои не имѣютъ въ здѣшней столицѣ ни родителей, ни близкихъ родственниковъ, ни движимой собственности и не изъявятъ желанія принять матрикулы, обязать выѣхать отсюда въ мѣста ихъ родины, непремѣнно къ 20 Декабря, за исполненіемъ чего строго наблюсти, а для без-

*) Редакція Колокола убѣдительно проситъ прислать ей бланкъ для напечатанія.

препятственнаго проѣзда ихъ будутъ выдаваться отъ меня свидѣтельства.

При чемъ всѣмъ изъ поименованныхъ студентовъ, согласно высочайшему повелѣнію отнынѣ впредь, окончательно воспретить ношеніе студентской формы, и такъ называемой національной одежды и другихъ общихъ признаковъ, отличающихъ ихъ отъ прочихъ гражданъ; въ чемъ и обязать ихъ подписками, предваривъ при томъ, что полиція на основаніи того-же высочайшаго повелѣнія имѣетъ право и обязанность, каждаго нарушающаго сіи правила, немедленно арестовать.

г) Поименованныхъ въ 4 пунктѣ его дополненія и въ спискѣ подъ No. 6, лицъ отдать въ тотъ-же срокъ, на поручительство, если они имѣютъ здѣсь родителей или близкихъ родственниковъ, которые приняли-бы ихъ на поруки; за тѣмъ остальные, согласно высочайшему повелѣнію, подлежатъ высылкѣ на родину.

д) Безотлагательно доставить мнѣ, по формѣ вышепомянутыхъ списковъ, именные списки: 1) о студентахъ IV курса, объяснивъ, между прочимъ, кто изъ нихъ не имѣетъ ни родныхъ, ни родственниковъ, принимающихъ ихъ на поручительство, такъ какъ сіи студенты, на основаніи прописаннаго высочайшаго повелѣнія, должны быть высланы въ уѣздные города Вятской, Вологодской и Олонецкой губерній; 2) студентамъ III, II и I курсовъ, которые изъявляли желаніе принять матрикулы въ теченіи двухъ недѣль или возвратиться на родину*), а также кто изъ нихъ имѣетъ здѣсь родителей,

---

*) Редакція проситъ сообщить, на сколько малочисліе взявшихъ матрикулы послужило (помимо предложенія Путятина) къ закрытію петербургскаго университета?

близкихъ родственниковъ или недвижимую собственность и 3), кто изъ лицъ, поименованныхъ въ предъидущемъ пунктѣ подъ лит. Г, имѣетъ здѣсь родителей, или родственниковъ, которые принимаютъ на свое поручительство и кто изъ нихъ, по неимѣнію таковыхъ, долженъ быть высланъ на родину.

е) Такъ какъ между лицами, подлежащими удаленію изъ здѣшней столицы, могутъ оказатся такіе, которымъ, по неимѣнію родителей и средствъ къ жизни на родинѣ, необходимо предоставить возможность обезпечить свое существованіе поступленіемъ на службу въ губерніяхъ, то о таковыхъ лицахъ доставить мнѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени, особые списки *).

ж) Изъявившему желаніе принять матрикулу, возвратившемуся нынѣ изъ отпуска, студенту Алексѣю Венецкому объявить, что съ просьбою объ увольненіи его вновь въ отпускъ, въ Казанскую губернію, для приведенія въ порядокъ дѣлъ послѣ смерти матери его, ему слѣдуетъ обратиться къ университетскому начальству, такъ какъ онъ долженъ принять матрикулу не позже двухъ-недѣльнаго срока.

з) Принимая во вниманіе крайне недостаточное состояніе нѣкоторыхъ изъ освобожденныхъ изъ подъ стражи студентовъ, которые не имѣютъ средствъ тотъ часъ-же пріобрѣсти себѣ необходимую одежду, общественнаго покроя **), дозволить

*) Очевидно правительство считаетъ службу замѣною отца и матери и близкихъ родственниковъ потому, что тѣмъ, у кого есть отецъ и мать и родственники — не говорится о разрѣшеніи поступить на службу.

**) Это, что за одежда „общественнаго покроя-ли“? Ужъ не придерживается Паткуль соціализма?

имъ, въ продолженіе двухъ недѣль, носить форменную студентскую одежду, но отнюдь не венгерки и не конфедератки, ношеніе которыхъ имъ строго воспрещено по высочайшему повелѣнію, за исполненіемъ чего и имѣть наблюденіе.

і) Доставить мнѣ особый именной списокъ тѣмъ изъ бывшихъ студентовъ с. п-бург. университета, исключеннымъ за участіе въ происходившихъ въ университетѣ безпорядкахъ, которые изъявили желаніе отправиться на родину въ Царство Польское, но не имѣютъ къ тому средствъ и дѣйствительно находятся въ затруднительномъ положеніи, показавъ въ спискахъ, въ какихъ именно губерніяхъ и уѣздахъ мѣста ихъ родины.

к) Если кого-либо не окажется въ указанномъ въ спискахъ мѣстѣ жительства, то строго*) розыскать настоящее мѣсто пребыванья его, равно розыскать и тѣхъ, жительство которыхъ неизвѣстно по спискамъ.

Подписалъ: *С. Петербургскій оберъ-полицмейстеръ, Генералъ адъютантъ* — Паткуль.

Списокъ студентовъ, содержавшихся въ крѣпости, распредѣленныхъ коммиссіей по категоріямъ.

I. *Невинные.* Бабинскій, Трохановичъ, Ходоковичъ, Френкель (Леонтій), Охановъ (младшій), Каличенко, Пахомовъ.

*) „Строго розыскать." Да когда-же они выучатся по русски? Розыскивать можно внимательно, прилежно: а къ чему тутъ строгость? Въ этому смысла нѣтъ.

II. *Виновные меньше.* Рѣпинскій, Южаковъ, Пжевусскій, Штакеншнейдеръ, Шведовъ, Сперанскій, Зотовъ, Городецкій, Залесскій (Александръ), Моховковъ, Чечулинъ (Леонидъ), Неклюдовъ, Подосскій, Зброевскій, Браховичъ, Сорокинъ, Смоленскій, Ершовъ, Венецкій, Фонъ-деръ-Флатъ, Мельниковъ, Левенталь, Студентской, Утинъ 2, Залесскій (Сигизмундъ), Праховъ, Лобановъ, Жукъ, Папандопуло, Стефановичъ, Холмскій, Моравскій, Арнольдъ, Спасскій (Николай), Сулимовскій, Спасскій (Петръ), Яворскій. (Всего въ этомъ спискѣ 64 человѣкъ.)

III. *Виновные больше.* Рождественскій, Хорошевскій, Пантелеевъ, Утинъ I, Охановъ I, Герике, Френкель (старшій), Мещерскій, Леонардъ, Вейнертъ, Козловъ, Моравскій (Петръ).

IV. *Наиболѣе виновные.* Генъ, Михаэлисъ, Даненбергъ, Орловъ, Покровскій.

V. *Вић разрядовъ.* Кацъ, Альбертини (въ крѣпости не содержался, а сидѣлъ одни сутки въ части), Соболевъ (Петръ), Лимоновъ.

Не знаю по чему въ спискѣ, который я видѣлъ не было остальныхъ.

Оффиціальный списокъ студентамъ арестованнымъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ 12|24 Октября 1861 года.

Званіе, имена и фамиліи.

Студенты С. Петербурскаго университета.

[1] Николай Виденяпинъ.
Брониславъ Грабовскій.
Ромуальдъ Урбановичъ.
Матвѣй Рыбаковичъ.
Павелъ Ходыницкій.
Брониславъ Врублевскій.

Николай Васильевъ.
Павелъ Дальченко.
Александръ Березинъ.
Николай Заблоцкій.
Илья Кузнецовъ.
Константинъ Воробьевъ.
Александръ Урбановичъ.
Константинъ Бересневичъ.
Осипъ Горчакъ.
Константинъ Бранденбургъ.
Иванъ Домашевичъ.
Петръ Пушторскій.
Яковъ Тикстонъ.
Авриліянъ Августовскій.
Алексѣй Безцѣнный.

Вольнослушатель.

Ѳодоръ Пальминъ.

Студентъ.

АлександръФрязиновскій.

Вольнослушатель.

Густавъ Пуль.

Студенты.

Ѳедоръ Опоцкій.
Хрисанѳъ Динуловъ.
Иванъ Паученко.
Аркадій Валуевъ.
Николай Кудиновичъ.
Юлій Далгеймъ.
Александръ Варахсовъ.
Владиславъ Домбровскій.
Адольфъ Гурчинъ.
Юліанъ Сухоцкій.
Анатолій Макаровъ.
Левъ Самаринъ.
Альфонсъ Богданскій.
Михаилъ Лолпчинскій.
Генрихъ Невмержицкій.
Сигизмундъ Ивашкевичъ.
Юліянъ Гражевичъ.
Леонидъ Губинъ.
Леонардъ Порченскій.
Леонъ Ольшевскій.
Михаилъ Борминъ.
Павелъ Конроди.

Вольнослушатели.

Евгеній Печаткинъ.
Антонъ Этингеръ.
Станиславъ Ложинскій.

Студенты.

Викентій Быжинскій.
Юліянъ Рыссинскій.
Валеріянъ Воротынскій.
Викторъ Войниловичъ.
Осипъ Шимановскій.
Станиславъ Залускій.
Михаилъ Клеменсъ.
Александръ Вольскій.
Владиміръ Вильсонъ.

Дворяне.

Александръ Сонцевъ.
Іосифъ Плинчъ.

Студенты.

Витольдъ Щука.
Адольфъ Буйно.
Александръ Гердъ.
Николай Струговщиковъ.
Юлій Грущинскій.
Владиміръ Покровскій.
Люціанъ Мисѣвичъ.
Іосифъ Мощинскій.
Боіомиръ Станевичъ.
Брониславъ Мацкевичъ.
Константинъ Толстофинъ.
Антонъ Моравицкій.
Иванъ Кмитто.
Владиславъ Штольпе.
Эдуардъ Лау.
Михаилъ Мицѣвичъ.
Николай Кемарскій.
Андрей Якубовскій.
Николай Вороновъ.
Александръ Шайтановъ.
Владиміръ Виденяпинъ.

Чиновникъ военнаго министерства.

Михаилъ Островскій.

Студенты.

Павелъ Волковъ.
Августъ Олефновичъ.
АлександръАнуфреевскій.

Вольнослушатель.

Адамъ Кобылинскій.

Студенты.

Николай Линевъ.
Максимиліанъ Георгіевскій.
Павелъ
Станиславъ } Ягмины.
Николай Козакинъ.
Вильгельмъ Люстингъ.
Антонъ Цимоховскій.
Бернардъ Спрингеръ.
Флоріанъ Корба.
Владиславъ Мицкевичъ.
Викентій Шмурло.
Павелъ Мошкаловъ.
Павелъ Крамфъ.
Тимофѣй Плаксинъ.
Константинъ Лопаревичъ.
Сергѣй Гашбурцовъ.
Николай Константиновъ.
Иванъ Іозефовичъ.
Антонъ Рымгайло.
Антонъ Корбутъ.
Юстинъ Вилямовскій.
Андрей Фатуровскій.
Иванъ Пеіолъ.
Францъ Ковалинскій.

Вольнослушатели.

Эмануилъ Шацъ.
Иванъ Жуковскій.
Владиславъ Лозинскій.

Студенты.

Андрей Денисевичъ.
Антонъ Матусевичъ.
Владиміръ Богдановъ.
Павелъ Гайдебуровъ.
Ѳедоръ Черновскій.
Ѳедоръ Судакевичъ.

Григорій Сербуловъ.
Станиславъ Издебскій.
Аполинарій Башинскій.
Авель Шаншіевъ.
Иванъ Ковалевскій.
Василій Савопели.

Вольнослушатель.

Александръ Волковъ.

Студентъ.

Николай Шаншіевъ.

Дворянинъ.

Игнатій Піотровскій.

Кончившій курсъ.

Григорій Дашкевичъ.

Студенты.

Яковъ Кандзировскій.
Николай Николадзе.
Людвигъ Буссе.
Павелъ Граблиновъ.
Авель Чолокаевъ.
Феофиль Поплавскій.
Давыдъ Гочоберидзе.
ДавыдъАбдушело-Швили.
Петръ Алхазовъ.
Александръ Беренсъ.
Іосифъ Костецкій.
Кириллъ Лордкипанидзе.
Григорій Джаваховъ.

Дворянинъ.

Густавъ Малинскій.

Студенты.

Петръ Орловскій.
Владиславъ Гинтовтъ.
Петръ Ткачевъ.
Людвигъ Пацевичъ.
Петръ Алхазовъ.
Антонимъ Пегрескулъ.
Петръ Шуйскій 2.
Михаилъ Гулевичъ.
Николай Зеленцовъ.
Василій Гассовскій.
Сергѣй Перхуровъ.
Станиславъ Циганьскій.

Дворянинъ.
Константинъ Римскій-Корсаковъ.
Вольнослушатели.
Владиміръ Дитмаръ.
Алексѣй Щербаковъ.
Студенты.
Дмитрій Степановъ.
Николай Черновскій.
Эдуардъ Подегимскій.
Степанъ Ковалевскій.
Дворяне.
Гаврило Денисенко.
Казиміръ Іочъ.
Витольдъ Пржецлавскій.
Студенты.
Николай Серторій.
Игнатій Волосовичъ.
Аполинарій Курневичъ.
Москов. Университ.
Игнатій Лобковскій.
Чеславъ Гейштаръ.
С. Петерб. Университ.
Августъ Томковидъ.
Егоръ Мелеги.
Антонъ Гайдукевичъ.
Казиміръ / Александръ \ Кухарскіе.
Владиміръ Витовичъ.
Александръ Кишеваровъ.
Александръ Фильковъ.
Студентъ Одесскаго Лицея.
Владиміръ Яковлевъ.
С. Петерб. Университ.
Александръ Францевъ.
Николай Спасскій.
Петръ Назаренко.
Георгій Церетелли.
Яковъ Исаровъ.
Густавъ Браунъ.
Илья Протасевичъ.
Москов. Университ.
Іосифъ Токаржевичъ.
С. Петерб. Университ.
Михайло Федоровъ.
Ученикъ Академіи Художествъ.
Сергій Филосовъ.
Кандидатъ С. Петербургскаго Унив. окончившій курсъ.
Владиміръ Лебедевъ*).
Дворяне.
Сергѣй Волковъ.
Мечиславъ Вейнертъ.
Станиславъ Свѣцицкій.
Студенты.
Михаилъ Зміевскій.
Феоктистъ Хартохай.
Василій Орловъ.
Вольнослушатели.
Николай Ильинскій.
Павелъ Бравчинскій.
Студенты.
Ромуальдъ Росцишевскій.
Вольнослушатель.
Владиславъ Атенскій.
Студенты.
Людовикъ Вольнскій.
Алексѣй Шавердовъ.
Николай Шуйскій.
Вольнослушатель.
Владиміръ Драве.
Дворянинъ.
Дмитрій Гудимъ-Левковичъ.
Студенты.
Владиміръ Прокоповичъ.
Іосифъ Рутковскій.
Вольнослушатель.
Станиславъ Милевскій.

*) При его имени отмѣтка: „Болѣнъ чахоткою и раною на головѣ“.

Дворянинъ.
Антонъ Орловскій.
Студенты.
Ксаверій Бѣджинскій.
Наполеонъ Чапскій.
Константинъ Запасникъ.
Кандидатъ здѣшняго Унив. кончившій курсъ.
Василій Евтушевскій.
Студентъ Духовной Семинаріи.
Александръ Поліектовъ.
Студенты С. Петербургскаго Университета.
Казиміръ Новаковскій.
Ксаверій Вакальскій.
Петръ Смирновъ.
Иванъ Зелинскій.
Ришардъ Павловскій.
Клементій Любовскій.
Іосафатъ Ковалевскій.
Іосифъ Беркманъ.
Людимиръ Ляндсбергъ.
Болеславъ Маціевскій.
Почетный Гражданинъ.
Александръ Николичъ.
Студенты.
Устинъ Чарковскій.
Эдуардъ Антошевичъ.
Владиміръ Бибиковъ.
Феофилактъ Денисовъ.
Петръ Красильниковъ.
Дворянинъ.
Николай Теляковскій.
Студенты.
Иванъ Абрамовичъ.
Людвигъ Буяльскій.
Владиміръ Чиколини.
Висаріонъ Гогоберидзе.
Владиміръ Дукальскій.
Вольнослушатель.
Леонардъ Фомичевъ.
Студентъ.
Александръ Климчитскій.
Студентъ Москов. Универ.
Робертъ Бергъ.
Вольнослушатель.
Николай Фатуровскій.

Письмо московскаго генералъ-губернатора. Тучкова къ графу Шутятину.

Конфиденціально.

Милостивый государь
Графъ Ефимъ Васильевичъ!

Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 10 сего Ноября, за No. 576, долгомъ считаю изложить вашему сія-тву съ полною откровенностію мой взглядъ на тѣ мѣры, которыя принимало университетское начальство для водворенія спокойствія въ московскомъ университетѣ. Прежде всего не

лишнимъ считаю упомянуть, что во все продолженіе означенныхъ безпорядковъ, доколѣ они ограничивались лишь стѣнами университета (т. е. до 12-го Сентября), я не имѣлъ ни надобности, ни основанія вмѣшиваться въ распоряженія университетскаго начальства, незаявившаго мнѣ офиціально о сихъ безпорядкахъ, какъ требовавшихъ участія полицейской власти. Если я выслушивалъ передаваемыя мнѣ въ разное время словесныя извѣщенія о сказанныхъ безпорядкахъ г. Дашковымъ, инспекторомъ студентовъ и ректоромъ университета, то единственно потому, что в. с. угодно было телеграфическою депешою поручить г. Дашкову не прибѣгать къ закрытію университета безъ моего предварительнаго одобренія этой мѣры.

Изъ этого приказанія в. с., г. Дашкову я ясно видѣлъ, что в. с. вполнѣ желаете предупредить эту крайнюю мѣру. Дѣйствительно, закрытіе московскаго университета, этого старѣйшаго разсадника отечественнаго просвѣщенія, пользующагося заслуженнымъ довѣріемъ всей Россіи, не могло не произвести самаго безотраднаго впечатлѣнія на общество, и только одна злонамѣренность или безпечная непредупредительность, или-же наконецъ безотчетный страхъ могли бы заставить прибѣгнуть къ столь опасному и гибельному средству, безъ достаточныхъ и ясныхъ къ тому поводовъ. При такомъ взглядѣ на дѣло и доколѣ безпорядки, дѣлаемые студентами, были такъ сказать домашніе и не проявлялись внѣ стѣнъ университета, мнѣ оставалось только ожидать, чтобы ближайшее университета начальство и вособенности гг. профессора съ достоинствомъ и твердостію сдерживали дальнѣйшее развитіе безпорядковъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и благоразум-

нымъ разъясненіемъ ихъ недоразумѣній. Мѣра-же была тѣмъ болѣе необходимою и справедливою, что изъ всего числа студентовъ московскаго университета, которыхъ болѣе 2,000, въ безпорядкахъ участвовало не болѣе 400 человѣкъ. Я твердо убѣжденъ, что вмѣшательство полиціи, т. е. введеніе команды въ аудиторіи или въ ограду университета, лишь раздражило бы умы у остальной молодежи, и такимъ образомъ повело бы къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ и наконецъ къ закрытію университета. Между тѣмъ *университетское начальство находилось въ то время подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха* и ограничивалось, какъ впослѣдствіи оказалось *однимъ лишь тѣмъ, что составляло протоколы о безпорядкахъ, ни разу не обратилось* непосредственно къ студентамъ съ твердымъ приглашеніемъ ихъ къ порядку и къ выполненію своихъ обязанностей.

В. с. извѣстенъ, конечно, въ подробности изъ оффиціальныхъ источниковъ весь ходъ университетскихъ безпорядковъ. Дѣло это, сколько мнѣ извѣстно по немногимъ отрывочнымъ и большею частію частнымъ свѣденіямъ, ограничивалось слѣдующими важнѣйшими происшествіями. Послѣ полученія въ Москвѣ извѣстія о закрытіи С.-Петербургскаго университета, на другой или на 3-й день гг. Дашковъ и инспекторъ студентовъ Шестаковъ, явясь ко мнѣ, объявили словесно, что въ аудиторіяхъ 1-го и 2-го курсовъ юридическихъ произошелъ безпорядокъ, состоявшій въ томъ, что студенты читали съ кафедры депешу и полученныя нѣкоторыми изъ нихъ письма о закрытіи С.-Петербургскаго университета и громко осуждали такое распоряженіе; будучи-же приглашены инспекторомъ разойтись, не послушались, при чемъ даже нѣкоторые

изъ студентовъ ошикали его. За тѣмъ инспекторъ доложилъ мнѣ, что *правленіе университета* распорядилось въ тотъ-же день закрыть два означенные курса, но что между тѣмъ онъ, инспекторъ, предложилъ студентамъ неучаствовавшимъ въ безпорядкахъ или готовымъ извиниться передъ нимъ, записаться въ особый списокъ съ тѣмъ, что для подписавшихся опять могутъ быть открыты курсы.

Мѣра закрытія 2-хъ курсовъ юридическаго факультета, быть можетъ согласная съ университетскими постановленіями, но принятая поспѣшно, *безъ испытанія надъ студентами мѣръ убѣжденія* чрезъ университетское начальство и гг. профессоровъ, повела только къ новымъ безпорядкамъ. Студенты, которымъ воспрещенъ былъ входъ въ университетскую аудиторію начали собираться въ значительномъ числѣ (отъ 300 до 400) въ университетскомъ саду. Г. исправляющій должность попечителя и инспекторъ, докладывая мнѣ объ этихъ сборищахъ студентовъ, присовокупляли, что при этомъ происходятъ у нихъ совѣщанія болѣе или менѣе безпорядочныя; что студенты, незаписавшіеся въ списокъ инспектора, требовали отъ него показать имъ этотъ списокъ, считая записывавшихся недостойными товарищами, что при этомъ они неоднократно оскорбляли помощниковъ инспектора являвшихся въ нихъ средѣ для наблюденія за порядкомъ, что въ этихъ сборищахъ принимаютъ участіе по большей части студенты низшихъ курсовъ, но что напротивъ студенты высшихъ курсовъ прямо порицаютъ поступки своихъ товарищей и продолжаютъ посѣщать лекціи въ совершенномъ порядкѣ и проч.

Усматривая изъ этихъ словесныхъ докладовъ и изъ полученныхъ мною сторонникъ свѣденій, что

только малая часть студентовъ и притомъ низшихъ курсовъ производятъ безпорядки и что большинство не только не хотѣло принять въ нихъ участія, но даже старалось уговорить и успокоить болѣе пылкихъ и увлекающихся товарищей, и съ тою цѣлью смѣшиваясь съ ними, увеличивали такимъ образомъ собою сходки въ саду; но что между тѣмъ ни члены правленія университета, *ни гг. профессора ни разу не обратились* непосредственно къ студентамъ съ надлежащими увѣщаніями и приглашеніемъ къ порядку, я совѣтовалъ гг. инспектору и ректору дѣйствовать на студентовъ увѣщаніями и убѣжденіями до тѣхъ поръ, пока не обнаружится: кто именно между студентами волнуетъ и увлекаетъ другихъ и кого по сему слѣдуетъ подвергнуть отвѣтственности по университетскимъ правиламъ. Къ сожалѣнію сколько мнѣ извѣстно, совѣтъ этотъ въ то время не былъ исполненъ.

Между тѣмъ по частнымъ свѣденіямъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, что сходки студентовъ имѣютъ единственною цѣлью составленіе прошенія объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ для нихъ правилъ (облегченіе во взносѣ обязательной платы за ученіе, дозволеніе слушать въ свободное время лекціи другихъ факультетовъ и курсовъ, дозволеніе входа въ университетъ безъ особыхъ билетовъ, дозволеніе заявлять начальству о своихъ нуждахъ и т. п.). Кромѣ того, студентъ Раевскій, лично мнѣ знакомый, приходилъ ко мнѣ совершенно частнымъ образомъ и объяснялъ, что студенты сочиняютъ прошеніе государю императору и что какъ скоро прошеніе это будетъ составлено, то безпорядки прекратятся. Я совѣтовалъ Раевскому писать прошеніе не на высочайшее имя, а по

своему начальству, и притомъ просить лишь о томъ, что относится собственно до нуждъ студентовъ, а не до предполагаемаго ими благоустройства университета, которое вовсе до нихъ не относится. Тотъ-же совѣтъ поданъ былъ Раевскому и управляющимъ моею канцеляріею, къ которому онъ также обращался и тоже совершенно частнымъ образомъ.

По сему имѣя въ виду скорѣйшее успокоеніе студентовъ и водвореніе въ университетѣ должнаго порядка, я совѣтовалъ г. исправляющему должность попечителя приказать удостовѣриться ближайшимъ образомъ, въ чемъ именно студенты имѣютъ нужду, и если въ ихъ желаніяхъ окажется по мнѣнію университетскаго начальства что-либо заслуживающее уваженія, обѣщать представить о томъ, куда слѣдуетъ. Мѣра эта, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣ всего успокоила-бы взволнованные умы молодежи; но этотъ мой совѣтъ, вполнѣ раздѣляемый и Дашковымъ, *не былъ исполненъ* университетскимъ начальствомъ. Напротивъ вслѣдъ за этимъ правленіе постановило не принимать отъ студентовъ никакого письменнаго заявленія.

Между тѣмъ студенты продолжали, хотя и въ меньшемъ количествѣ, собираться въ саду. Въ это время мнѣ было донесено, что студенты намѣрены отправиться въ день смерти бывшаго профессора Грановскаго на Пятницкое кладбище на его могилу для служенія панихиды. Опасаясь, чтобы при этомъ не произошло какихъ-либо безпорядковъ, я нарядилъ за заставу полицейскую команду и жандармовъ. Но это посѣщеніе могилы покойнаго профессора произошло, по донесенію полиціи, съ соблюденіемъ должнаго приличія. Студенты, собравшись съ различныхъ сторонъ Москвы къ отдаленной заставѣ, въ числѣ до 300 человѣкъ,

отправились оттуда на кладбище, отслужили тамъ панихиду и произнесли надъ могилою дѣ или три рѣчи, которыхъ впрочемъ нельзя было разслушать, и за тѣмъ безъ шума разошлись по домамъ.

Послѣ этого никакихъ особенно важныхъ безпорядковъ въ университетѣ не было. Волненіе студентовъ видимо стало затихать и сборища студентовъ становились съ каждымъ разомъ малочисленнѣе. Но сдѣланное правленіемъ университета постановленіе не принимать отъ студентовъ прошеній, огласившись между ними, снова раздражило пылкую молодежь и вызвало новую въ ихъ стороны вспышку. Входя толпою въ университетъ, студенты сломали въ сѣняхъ рѣшетку и повредили два или три стула въ университет. аудиторіи. Правленіе получивъ объ этомъ извѣщеніе, подъ вліяніемъ какого-то страха, немедленно обратилось къ исправляющему должность попечителя съ просьбою о приглашеніи мѣстной полиціи для огражденія университетскаго имущества и личности ихъ отъ студентовъ. Г. Дашковъ призналъ это столь грубо выраженное требованіе правленія университета неумѣстнымъ и предложилъ ему немедленно составить особую коммисію изъ гг. профессоровъ дся производства о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами, формальнаго слѣдствія; о чемъ въ разное время и доложилъ мнѣ лично. Нельзя не одобрить этого разпоряженія исправляющему должность попечителя. Случай этотъ по своей маловажности никакъ не требовалъ употребленія столь чрезвычайной мѣры, къ которой просило прибѣгнуть правленіе; ибо, какъ объяснено *выше,* появленіе полиціи въ стѣнахъ университета безъ видимой нужды могло-бы только возбудить общее негодованіе, соединить большинство благоразумныхъ

студентовъ съ меньшинствомъ безпокойныхъ и вызвать болѣе серьозныя послѣдствія.

Мнѣ неизвѣстно: было-ли произведено требуемое исполняющимъ должность попечителя слѣдствіе и что потомъ оказалось, но кажется правленіе ограничилося спросомъ однихъ сторожей, бывшихъ при сломаніи рѣшетки, изъ этого вывело заключеніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ, но кѣмъ именно изъ студентовъ — неизвѣстно. Послѣ сего получивъ 5 или 6 Октября извѣщеніе совершенно-частное, что студенты окончатъ на другой день писаніе своей просьбы и слышавъ неоднократно отъ инспектора студентовъ, что онъ не рѣшается выходить къ нимъ въ садъ и убѣждать ихъ лично, потому что не желаетъ вызвать съ ихъ стороны какого-либо новаго для себя оскорбленія и чрезъ то подвергнуть виновныхъ болѣе строгой отвѣтственности, я совѣтовалъ инспектору чрезъ управляющаго моею канцеляріею не выходить въ университетскій садъ и въ тотъ день, въ который они положили окончить писаніе своего прошенія. Впрочемъ этотъ совѣтъ не былъ исполненъ, ибо инспекторъ въ теченіи утра нѣсколько разъ являлся ко мнѣ и докладывалъ, что говорятъ и дѣлаютъ собравшіеся въ саду студенты, выражая притомъ свое удивленіе, что студенты на сей разъ вели себя скромно въ отношеніи къ нему и вовсе его не оскорбляли.

Таково было положеніе университета при возвращеніи изъ отпуска г. попечителя Исакова. Вступленіе его въ должность возбудило въ студентахъ мысль, что не смотря на постановленіе правленія, г. попечитель приметъ отъ нихъ прошеніе.

По сему 11 числа студенты первоначально черезъ своихъ депутатовъ, а потомъ цѣлою толпою

вошли въ профессорскую комнату для предъявленія своей просьбы находившемуся тамъ попечителю. Рѣшительный отказъ г. попечителя выслушать студентовъ вызвалъ со стороны ихъ разныя неумѣстныя выраженія. Оскорбленный столь дерзкимъ поступкомъ студентовъ г. Исаковъ, прибывъ ко мнѣ въ тотъ-же день, просилъ меня словесно, а потомъ письменно сдѣлать распоряженіе объ арестованіи нѣкоторыхъ означенныхъ въ доставленномъ мнѣ спискѣ студентовъ, признаваемыхъ университетскимъ начальствомъ главными зачинщиками безпорядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрядить на другой день къ университету полицейскую команду для употребленія въ случаѣ нужды въ самомъ университетѣ. Я не считалъ себя въ правѣ отказать г. попечителю въ этомъ требованіи, и въ туже ночь оно было исполнено полиціею. Но произведенное по требованію г. Исакова арестованіе нѣсколькихъ студентовъ возбудило новое неудовольствіе между ихъ сотоварищами. Собравшись утромъ 12 числа на университетскомъ дворѣ и слыша другъ отъ друга разсказы, что на канунѣ многіе изъ ихъ товарищей арестованы, они приступили толпою къ попечителю, требуя объясненія причины арестованія и освобожденія арестованныхъ; не получивъ удовлетворенія, они отправились толпою на тверскую площадь для заявленія этого требованія мнѣ, но тогда-же были арестованы слѣдовавшею за ними отряженною къ университету полицейскою командою и потомъ преданы слѣдствію, какъ нарушители общественнаго благочинія.

Изъ всего вышеизложеннаго в. с. изволите усмотрѣть, что всѣ мои дѣйствія въ настоящемъ дѣлѣ клонились къ тому, чтобы предоставить университетскому начальству *и профессорамъ* пре-

кратить безпорядки, происходившіе исключительно въ аудиторіяхъ и стѣнахъ университета, нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и примѣненіемъ къ виновнымъ опредѣленныхъ уставомъ университета взысканій.

Доколѣ безпорядки эти не были заявлены мнѣ оффиціально и такимъ образомъ давали полный поводъ предполагать, что въ нихъ не было ничего требующаго судебно полицейскаго преслѣдованія со стороны гражданской власти, я не считалъ себя въ правѣ и не признавалъ удобнымъ разгонять силою студентовъ, скрывавшихся въ стѣнахъ университета и тѣмъ менѣе вводить команду въ университетскія аудиторіи; со стороны-же университетскаго начальства требованіе полицейской команды для употребленія въ самомъ университетѣ заявлено мнѣ было г. попечителемъ первый разъ и притомъ также словесно только 11 Октября.

Такимъ образомъ полицейское начальство могло слѣдить и слѣдило дѣйствительно за дѣйствіями студентовъ лишь внѣ стѣнъ университета, по неимѣнію никакого основанія простирать свое вмѣшательство и въ самыя аудиторіи. Такое вмѣшательство могло-бы повлечь слишкомъ далеко и уничтожить въ студентахъ всякое довѣріе къ своему непосредственному начальству и *профессорамъ*.

По твердому моему убѣжденію, путемъ нравственнаго вліянія и благоразумныхъ предупрежденій скорѣе всего можно бы достигнуть водворенія въ университетѣ спокойствія, тѣмъ болѣе, что университетскіе безпорядки не заключали въ себѣ ничего особенно важнаго или опаснаго, происходили отъ молодости и незрѣлости участниковъ, которые даже сами себѣ не разъяснили хорошо — изъ чего они волнуются, и не только не были раздѣ-

ляемы, но даже положительно осуждались большинствомъ студентовъ. Между тѣмъ путемъ нравственнаго вліянія всего успѣшнѣе можно-бы было достигнуть успокоенія волнующихся и водворенія порядка въ университетѣ. Яснымъ доказательствомъ этому служитъ то, что на другой день послѣ событія 12 Октября, когда взволнованные этимъ происшествіемъ студенты собрались на университетскомъ дворѣ, университетское начальство, выйдя въ сопровожденіи профессоровъ къ студентамъ, въ первый разъ съ самого начала безпорядковъ, нѣсколькими словами успѣло утишить это волненіе и заставить разойдтись толпу, послѣ чего уже никакихъ сборищъ въ университетѣ не было. Къ сожалѣнію университетское начальство, не раздѣляя моего взгляда на это дѣло, ни разу не пробовало *во время* прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ и дѣйствовало наперекоръ моимъ предположеніямъ. *Нѣкоторые-же изъ гг. профессоровъ* играли въ этомъ случаѣ совершенно *двусмысленную роль.* Съ одной стороны, какъ мнѣ это положительно извѣстно, они показывали студентамъ сочувствіе и въ разговорахъ съ ними раздѣляли ихъ убѣжденія, *а съ другой старались ввести въ университетъ полицейскую команду* безъ всякаго заявленія необходимости этой мѣры мѣстному начальству — для того только, чтобы поселить въ студентахъ убѣжденіе, что строгія мѣры истекаютъ не отъ нихъ, а отъ мѣстныхъ властей. Потомъ когда происшествія 12 Октября вынудили меня арестовать толпу студентовъ и произвести слѣдствіе, гг. профессоры ухватились, такъ сказать за этотъ предлогъ, чтобы яснѣе выставить предъ студентами свое мнимое къ нимъ участіе. Осужденіе принятой мною мѣры, преувеличенные слухи объ

ушибленныхъ будто-бы студентахъ, *неумѣстныя (?!)* обвиненія полиціи произносятся ими публично*). Вообще я вынужденъ сказать, что все это время ни правленіе университета, ни *гг. профессора не приняли никакого прямаго участія въ успокоеніи студентовъ*, но смотрѣли на безпорядки студентовъ, происходящіе не на улицѣ, но въ аудиторіяхъ и оградѣ университета, какъ на предметъ вовсе до нихъ неотносящійся, руководствуясь въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстно тѣмъ правиломъ, что студенты суть такіе-же граждане, какъ и прочіе городскіе жители, и потому подлежатъ наблюденію исключительно одной полиціи. Только въ одномъ г. Дашковѣ встрѣтилъ я полную готовность къ выполненію моихъ совѣтовъ, хотя къ сожалѣнію онъ ничего не могъ сдѣлать, занимая только временно должность попечителя и будучи почти незнакомъ студентамъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы покорнѣйше просить ваше сіятельство принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и истинной преданности.

No. 577, 10 Ноября. 1861 года. Павелъ Тучковъ.

Разборъ записки по студентскому дѣлу составленный Министромъ Графомъ Путятинымъ.

Записка о студенскомъ дѣлѣ, обнародованная въ Вѣдомостяхъ С. Птрб. полиціи составлена г. министромъ народнаго просвѣщенія, говорятъ, что

*) Какъ дошло до своихъ, сердце-то сказалось. Это высшій комизмъ, который впрочемъ тоже мало оправдываетъ профессоровъ, какъ и квартальныхъ.

въ первоначальномъ своемъ видѣ она была еще лучше, и что послѣдующія редакціи поиспортили ее — хотя и не уничтожили страшныхъ противурѣчій.

Графъ Путятинъ говоритъ, что въ Маѣ 1861 были постановлены нѣкоторыя правила *объ усиленіи надзора* за студентами. Какія-же это мѣры? — Студентамъ запрещено дѣлать сходки, выбирать депутатовъ для распоряженія кассою. Это, кажется, просто запрещеніе; при этомъ, напротивъ, *невозможенъ надзоръ* за студентами, если ужъ онъ такъ необходимъ (станемъ на минуту на точку зрѣнія графа). Сходки были открыты; на нихъ могъ присутствовать всякій; начальство посылало туда своихъ шпіоновъ, слѣдовательно знало все, что думаютъ и дѣлаютъ студенты. Какой-же еще надобенъ надзоръ? Далѣе, графъ повѣствуетъ, „что для распоряженія студентской кассой и совѣщанія по предметамъ, имѣющимъ учебную или благотворительную цѣль, разрѣшено правленіямъ университетовъ избирать нѣсколько студентовъ по своему усмотрѣнію. „Графъ оказывается въ этихъ словахъ необыкновенно ловкимъ казуистомъ: онъ благоразумно умалчиваетъ о дѣлахъ по изданію „*Сборника*“, потому что изданіе это высочайше утверждено, и редакторы для него выбираются студентами, по два отъ каждаго отдѣленія факультета. И такъ, правила, изданныя въ Маѣ — уничтожаютъ разрѣшенное государемъ. Скажите, графъ, развѣ это полагается по-законамъ имперіи, на службу которой вы положили всѣ свои способности, отъ способности моряка до способности просвѣтителя юношества? Развѣ въ самодержавномъ государствѣ министръ имѣетъ право отмѣнить повелѣніе своего государя? Затѣмъ, извѣстно-ли

вамъ, что такое правленіе въ университетахъ? Кажется, что нѣтъ. Вѣдь это канцелярія, состоящая изъ секретаря, синдика, казначея и другихъ чиновниковъ, съ которыми студенты не имѣютъ никакого сношенія, кромѣ полученія дипломовъ, уплаты денегъ за слушаніе лекцій и т. п. Или вы, можетъ быть, смѣшали правленіе, то есть канцелярію университета, съ совѣтомъ профессоровъ? Конечно, вы еще недавно ступили на твердую почву — но перемѣшивать такъ учрежденія, ввѣренныя вашему просвѣщенному управленію, не простительно такъ-же, какъ не знать чиновнику, гдѣ онъ служитъ. Положимъ однако — что вы разумѣли подъ именемъ правленія, Совѣтъ профессоровъ. Неужели-же найдутся между профессорами (впрочемъ, всякое бываетъ) столь безчестные люди, что примутъ на себя вышесказанную обязанность? Имъ это сдѣлать, во-первыхъ, невозможно, потому что они не могутъ знать студентовъ хорошо, такъ какъ знаютъ ихъ товарищи. Во-вторыхъ, кто-же будетъ столь безстыденъ, чтобы выбирать лица — быть можетъ изъ студентовъ не сочувствующихъ общему дѣлу — для управленія чужими дѣлами и распоряженія чужими деньгами? Вѣдь это все равно, чтобы предоставить какому-нибудь комитету право выбирать лица для распоряженія дѣлами вашего сіятельства! Согласитесь, что вы нашли-бы это неудобнымъ и даже, не смотря на все ваше христіанское смиреніе — оскорбительнымъ. Зачѣмъ-же вы оскорбляете другихъ?

Затѣмъ, графъ говоритъ о пятидесяти-рублевой платѣ, которую высочайше повелѣно взимать и съ богатыхъ и съ бѣдныхъ. Прежде этого не было — правило это выработано вами. Какую цѣль

имѣли вы при этомъ? Ту, что правительство не должно даже благотворительными мѣрами мѣшаться въ дѣла образованія? — Цѣль прекрасная. Но тогда-бы слѣдовало предоставить университеты самимъ себѣ. Если вы купите дурную вещь, то развѣ вы не имѣете права жаловаться на купца? если въ театрѣ вамъ не нравится актеръ или піэса развѣ вы не имѣете права шикать, или рукоплескать, если вамъ они нравятся? Отчего-же студенты, заплатившіе 50 руб. серебромъ за право слушать лекціи — не имѣютъ права выразить своего мнѣнія о томъ, хороши или дурны эти лекціи? Если вы вмѣшиваетесь даже съ цѣлію благотворенія въ дѣло университетовъ, то зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ домашніе дѣла студентовъ, зачѣмъ вы хотите имѣть вліяніе даже на ихъ кассу? — Ясно, что ваша цѣль, при составленіи новыхъ правилъ — состояла въ томъ, чтобы уменьшить число студентовъ. Зачѣмъ потомъ было дѣлать уступки, какъ-то: избавлять отъ платы бѣдныхъ студентовъ, поступившихъ до 1го Августа? Сперва было предположено, для разъединенія студентовъ по факультетамъ, не допускать ихъ къ слушанію лекцій по другимъ факультетамъ, зачѣмъ это дозволено? Наконецъ, правила ваши, изложенныя въ матрикулахъ, опубликованы только въ Октябрѣ; что-же? должны имъ подчиняться студенты, поступившіе раньше этого срока? Ясно, что вы стѣсняли ихъ. Отчего запрещены сходки? Отчего они были позволены въ продолженіи шести лѣтъ? Отчего прежде ихъ не разгоняли военною силой? Кажется, они допускаются по духу нашего законодательства; есть сходки мірскія, какъ вамъ извѣстно; есть съѣзды дворянъ. Отчего-же вы предполагаете, что у студентовъ нѣтъ общихъ

интересовъ? Отчего вы пошли наперекоръ всѣмъ вашимъ предшественникамъ въ дѣлѣ управленія университетами? Вѣдь запретить что-нибудь, надо имѣть достаточныя основанія. Отчего вы не объяснили государю цѣль сходокъ? Отчего вы замяли дѣло о проэктѣ суда студентовъ, какъ членовъ университетскаго общества, а не какъ гражданъ, своими присяжными? Или вы не знаете, что правительство заботится — удачно, или нѣтъ, другой вопросъ — о преобразованіи судовъ? Отчего вы не указали государю на опытъ гласныхъ судовъ съ присяжными? Объясняли-ли вы ему пользу этихъ учрежденій и возможность ихъ примѣненія? Честно-ли вы исполняли ваши обязанности?

Пока матрикулы не были розданы, студенты имѣли право пользоваться выработанными ими учрежденіями — собираться на сходки и посылать депутатовъ для объясненія съ начальствомъ. Вы говорите, что лекціи были открыты 18 Сентября — кажется, что 17го.

Вы говорите, что въ избѣжаніе безпорядковъ (т. е. сходки, которая собралась 23 Сентября, а сходки собирались каждую недѣлю въ продолженіи предъидущихъ шести лѣтъ) — сдѣлано немедленное распоряженіе о прекращеніи лекцій „впредь до того времени, когда будутъ розданы матрикулы“. Это ложь, въ объявленіи было написано „впредь до дальнѣйшихъ распоряженій“, и причина была не объяснена. Если-бы было объявлено это, то зачѣмъ-же послѣ студенты „просили объяснить имъ почему закрытъ университетъ и на какомъ основаніи ихъ не допускаютъ въ студентскую библіотеку? Вы пропустили еще то обстоятельство, что кромѣ жандармовъ и полицейскихъ, въ

Колокольную улицу были призваны солдаты. Почему генералъ Филипсонъ объяснялся со студентами черезъ депутатовъ, когда студентамъ запрещено выбирать депутатовъ? Этимъ онъ узаконилъ выборъ депутатовъ. Какое надлежащее объясненіе получили студенты? вы не пишете. Во 1хъ, попечитель объяснилъ, что онъ не знаетъ почему закрытъ университетъ — слѣдовательно приведенная вами причина — ложь. Затѣмъ, онъ объявилъ, что университетъ будетъ открытъ 2 Октября — а вы черезъ газеты объявили это ложнымъ слухомъ; хорошо-ли это? Значитъ г. Филипсонъ распускаетъ отъ имени правительства ложные слухи — отчего-же онъ не смѣненъ за это? Онъ сказалъ еще, что *никто изъ студентовъ не будетъ арестованъ* — а ночью были произведены аресты. Вы говорите, что двое изъ депутатовъ были арестованы — а были схвачены всѣ трое. Депутатами были гг. Михаэлисъ, Генъ и Стефановичъ (а не г. Покровскій, какъ ошибочно напечатано въ Times'ѣ). Въ какомъ подстрѣкательствѣ они были замѣчены прежде? И отчего, если они были замѣчены прежде, ихъ арестовали послѣ? Воля вашего сіятельства — а тутъ нѣтъ логики. Какъ это студенты „превратно“ поняли это обстоятельство? Вы говорите, что 27 Сентября студенты собрались *подлъ* университета; опять дожь, сперва они собрались въ университетскихъ стѣнахъ, а потомъ, когда стало темно, перешли на дворъ, слѣдовательно, сходка была *внутри, а не подлъ* университета. Попечитель и не думалъ увѣщать студентовъ, онъ, правда, вбѣжалъ въ сѣни, проговорилъ въ полголоса: „ахъ, господа, господа!“ и тотчасъ-же ушелъ. Войска стояли около университета болѣе получаса, а были спрятаны въ

корпусѣ гораздо ранѣе. Я лично знакомъ съ распорядителемъ сходки 27 Сентября — и онъ говорилъ мнѣ, что военный генералъ-губернаторъ и не думалъ просить у него права голоса, а говорилъ отъ его имени нѣкто г. Тиблинъ, лицо постороннее, какъ университету, такъ и полиціи. Наконецъ, какъ осмѣлились командовать войскамъ идти на студентовъ — не пригласивъ ихъ троекратно разойтись, какъ это объяснено въ высочайше утвержденныхъ правилахъ о прекращеніи безпорядковъ, если сходки студентовъ безпорядокъ въ глазахъ правителей Петербурга. Это правило *ни разу не было исполнено,* даже въ тѣ дни, когда аресты производились на улицахъ. Или высочайшія повелѣнія объявляются на смѣхъ, для того, чтобы всѣ видѣли, что ихъ власти и не думаютъ исполнять? Студенты разошлись не по призванію, а по отозванію войскъ, не прежде, какъ окончивши свои дѣла. Военный губернаторъ долженъ-бы помнить, что студенты потребовали, чтобы войска отступили на *сто* шаговъ, что и было исполнено.

Какія ложныя толкованія вы думали устранить обнародываніемъ 28 Сентября вашихъ правилъ? Правда, прежде многіе не знали, что въ стѣнахъ университета будетъ устроена особая полиція въ видѣ служителей аудиторій, имѣющихъ право производить аресты. Даже либеральный „Le Nord“, замѣтилъ, что многіе изъ этихъ правилъ годны скорѣе для десятилѣтнихъ мальчиковъ, чѣмъ для студентовъ.

За тѣмъ, разсказывается объ арестахъ на улицахъ, а не говорится объ домашнихъ арестахъ, даже не упомянуто объ арестѣ 17 человѣкъ на квартирѣ у г. Альбертини.

Къ вечеру 7 Октября, сказано въ запискѣ адмирала: „поступило прошеній 552 отъ студентовъ и 101 отъ вольнослушающихъ“. Не говоримъ уже о томъ, что при этомъ нарушено правило и личной подачѣ прошеній, потому что онѣ посылались по почтѣ, и *принимались даже отъ имени родителей,* что уже противно всякимъ юридическимъ понятіямъ. Какъ это гг. профессора-юристы, столь дѣятельно совѣтовавшіе студентамъ подавать прошенія, т. е. сдѣлать подлость — не протестовали противъ принятія прошеній, написанныхъ отъ имени родителей? Отчего прошенія принимались до вечера 7 Октября, тогда какъ въ газетахъ было объявлено, что онѣ будутъ приниматься на почту до 12 полночи съ 6 на 7ое? Университетъ распустилъ слухъ, что прошеній подано гораздо больше, чѣмъ было въ дѣйствительности и тѣмъ обманулъ нерѣшительныхъ изъ студентовъ. И это не стыдно? 11 числа, какъ сказано, на лекціи собралось 260 человѣкъ, это ложь, было никакъ не болѣе 100, а въ послѣдующіе дни гораздо меньше.

Въ разсказѣ о сходкѣ 12 Октября, сказано, что студенты „стали, махая шапками, звать выбывшихъ изъ университета студентовъ, оставшихся вдали зрителями происшествія“. Слѣдовательно, сходка устроена матрикулистами; фактъ очень утѣшительный, если только онъ справедливъ. Всѣ были арестованы безъ соблюденія извѣстныхъ правилъ. Затѣмъ новая толпа была арестована за то, что выразила сочувствіе своимъ товарищамъ; но отчего-же, въ такомъ случаѣ, не была арестована публика, выражавшая свое сочувствіе студентамъ 27 Сентября! Что удивительнаго въ томъ, что студенты стали отбиваться отъ жандармскихъ

лошадей палками? кому-же охота быть растоптаннымъ? Но лучше всего то мѣсто, что когда преображенцы бросились на студентовъ, то кандидатъ Лебедевъ былъ ушибленъ ножнами офицерской сабли. Это ужъ непростительный промахъ въ описаніи. При томъ, кандидатъ Лебедевъ раненъ прикладомъ ружья въ голову, и раненъ довольно сильно. *Въ этотъ день была пролита кровь.* Раненыхъ 6 человѣкъ; одному отрублено ухо, тоже вѣроятно ножнами жандармской сабли.

„Всѣ эти событія показываютъ“, говоритъ графъ въ заключеніе, „что бывшіе студенты с. петербургскаго университета далеко превзошли мѣру увлеченія свойственнаго молодому поколѣнію“ — и такъ, защищеніе своихъ правъ, законы товарищества, даже не увлеченіе молодости, а преступленія. Что думать о томъ правительствѣ, которое печатаетъ подобныя объявленія? у котораго есть такіе люди, какъ Путятинъ и Бистромъ съ компаніей? Кстати, въ рѣчи Бистрома пропущено въ „Times'ѣ“ одно характеристическое мѣсто: „это мальчишки, сказалъ генералъ, которыхъ государь *кормитъ, поитъ и одѣваетъ на свой счетъ.*“ Неужели-же въ другихъ сословіяхъ нѣтъ людей, которые постояли бы за попранныя права человѣчества? Неужели-же въ Петербургѣ, видящемъ дневной разбой правительства, все еще будутъ повиноваться ему? Пора наконецъ проснуться; пора выразить свое неудовольствіе и примкнуться къ студентамъ; пора соединиться съ крестьянами, которые еще раньше вставали отдѣльными частями на своихъ притѣснителей! Правительство при послѣднихъ издыханіяхъ, и даже не уважаетъ своихъ, за день изданныхъ, предписаній.

Высочайше повѣленіе по студентскому дѣлу.

(На подлинномъ собственною его имп. велич. рукою написано: „Исполнить“. — С.-Петербургъ, 6 Февраля 1862 г.)

Государь императоръ, по выслушанію въ совѣтѣ министровъ всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи, разсматривавшаго произведенное особо назначенною коммиссіею слѣдственное дѣло о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами московскаго университета и другими лицами — высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Участвовавшихъ въ безпорядкахъ между студентами московскаго университета: бывшаго учителя уѣзднаго училища въ г. Данковѣ, пріѣхавшаго въ Москву для продолженія слушанія лекцій, Василія *Праотцева,* чиновника московскаго приказа общественнаго призрѣнія, Ивана *Кельсіева* и вольнослушателя Сергѣя *Борисова,* выслать перваго въ Олонецкую, втораго въ Пермскую и третьяго въ Вятскую губерніи подъ строгій надзоръ городничихъ тѣхъ *уѣздныхъ* городовъ, которые, по ближайшему усмотрѣнію начальниковъ губерній, будутъ избраны для ихъ жительства, не воспрещая имъ поступленія на службу въ присутственныя мѣста тѣхъ городовъ, но отнюдь не внѣ оныхъ. Праотцева-же ни въ какомъ случаѣ не опредѣлять на службу при какомъ-либо учебномъ заведеніи.

2) Изобличенныхъ обстоятельствами слѣдственнаго дѣла и сознавшихся въ дѣйствительному участіи въ безпорядкахъ, происходившихъ въ московскомъ университетѣ, студентовъ Евгенія

Гижицкаго и Порфирія *Войнаральскаго,* исключивъ изъ университета, выслать въ уѣздные города отдаленныхъ губерній, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, подъ строгій надзоръ мѣстныхъ городничихъ, съ допущеніемъ ихъ на службу въ уѣздныхъ и городовыхъ присутственныхъ мѣстахъ тѣхъ городовъ, гдѣ имъ опредѣлено будетъ жительство, но не внѣ оныхъ.

3) Изобличенныхъ собственнымъ сознаніемъ въ бытности 11 Октября 1861, въ профессорской комнатѣ, въ которую ворвались толпою и оказали явное неуваженіе начальству, студентовъ и вольнослушателей: Николая *Александрова,* Бернарда *Григоровича,* Максим. *Загибалова,* Павла *Короблина,* Освальда *Лихтенштадта,* Карла *Линдемана,* Александра *Любимова,* Владиміра *Лицкаго,* Александра *Матвѣева,* Никандра *Сорокина,* Николая *Тростянскаго,* Генриха *Фризе,* Александра *Ѳедотова,* Владиміра *Шилля* и Сергѣя *Ярцева,* исключить изъ московскаго университета, не дозволяя имъ въ продолженіи двухъ лѣтъ вступать въ другіе университеты. Тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ родителей или родственниковъ, отдать родителямъ или родственникамъ на поруки въ ихъ добропорядочномъ поведеніи; тѣхъ-же, кои не имѣютъ ни родителей, ни родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ ихъ благонадежности, выслать, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, въ разные уѣздные города губерній: Вятской, Вологодской и Олонецкой на два года. На представленія порукъ назначить срокъ по ближайшему усмотрѣнію московскаго военнаго генералъ-губернатора, до истеченія коего имѣть за ними строгій полицейскій

надзоръ, объявивъ имъ, что какъ въ сіе время, такъ и въ послѣдствіи за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ тѣ, кои оставляются въ столицѣ, будутъ высланы изъ оной въ отдаленные города.

4) Захваченныхъ въ противузаконномъ сборищѣ передъ домомъ военнаго генералъ-губернатора, студентовъ вольнослушателей: Николая *Фонъ-Боля*, Павла *Иванова*, Іосифа *Левензона*, Василія *Огіевскаго*, Николая *Освальда*, Георгія *Свищова*, Михаила *Соболева*, Анатолія *Томашевскаго*, Сергѣя *Тумакова* и Николая *Чещина* обязать подписками, что они подчинятся всѣмъ правиламъ, установленнымъ для внутренняго порядка въ университетѣ и въ такомъ случаѣ допустить ихъ къ слушанію лекцій, а въ противномъ случаѣ выслать на родину, буде не имѣютъ въ Москвѣ родителей или родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ добропорядочномъ поведеніи, объявивъ всѣмъ имъ, что за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ, они будутъ высланы въ отдаленныя города.

5) Учителя перваго кадетскаго корпуса Эрнеста *Ватсона*, который былъ на сходкѣ въ университетѣ, подписалъ подписку подъ адрессъ и узнавъ о произведенныхъ арестахъ, приходилъ въ университетъ, гдѣ позволилъ себѣ неумѣстныя объясненія съ попечителемъ московскаго учебнаго округа, уволить отъ настоящей должности, съ тѣмъ, чтобы его къ подобнымъ должностямъ ни по какому вѣдомству не опредѣлять, не воспрещая прохожденія службы въ другихъ должностяхъ внѣ обѣихъ столицъ подъ наблюденіемъ начальства.

6) Принимавшихъ дѣятельное участіе въ противузаконныхъ сборищахъ московскихъ студентовъ: кандидата с.-петербургскаго университета

Алексѣя *Зарина* и чиновника московской гражданской палаты Виктора *Мурзалимова* — перваго выслать изъ Москвы въ губернскій городъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, не воспрещая ему тамъ поступленія на службу подъ наблюденіемъ начальства, а Мурзалимова уволить отъ настоящей должности съ дозволеніемъ ему вступить въ другую внѣ втолицъ, также подъ наблюденіемъ начальства. Остальныхъ за тѣмъ постороннихъ лицъ: студента медикохирургической академіи Вячеслава *Будзіяникъ-Виницкаго*, князя Александра *Крапоткина* и дворянина Николая *Коровина* выслать на родину подъ надзоръ полиціи въ продолженіи одного года, буде у перваго нѣтъ въ С.-Петербургѣ, а у втораго и третьяго въ Москвѣ, родителей или родственниковъ, которые-бы приняли ихъ подъ свое поручительство, не воспрещая имъ поступленія на службу въ уѣздныхъ или городовыхъ присутственныхъ мѣстахъ.

7) Студентамъ, участвовавшимъ въ нѣкоторыхъ безпорядкахъ, но не изобличеннымъ въ особенныхъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ или незахваченнымъ на площади, сдѣлать строгое внушеніе и дозволить слушать лекціи, съ предвареніемъ, что они исключатся изъ университета, если не будутъ въ точности соблюдать правила, установленныя для внутренняго порядка въ университетѣ.

СПИСОКЪ

студентовъ и вольнослушателей московскаго университета, участвовавшихъ вообще въ безпорядкахъ, слѣдующій къ 7му пункту высочайшаго повелѣнія, 6 Февраля 1862 г.:

Студенты.

1. Эрастъ Ежовъ,
2. Осипъ Когопъ,
3. Ѳедоръ Кобяковъ,
4. Борисъ Ландо,

5. Аршакъ Міансаровъ,
6. Константинъ Парчевскій,
7. Николай Славутинскій,
8. Графъ Евгеній Саліасъ-Турнемиръ.
9. Юліанъ Сутовичъ,
10. Николай Хлѣбниковъ,
11. Михаилъ Чериновъ,
12. Вячеславъ Шарановъ,
13. Александръ Зельверовичъ.

Вольнослушатели.

14. Василій Васильевъ,
15. Исаакъ Гуровичъ.

8) Прикосновенному къ дѣлу с.-петербургскихъ студентовъ московскому студенту Эдуарду *Гватцъ*, не изобличенному въ дѣйствіяхъ, обнаруживающихъ намѣреніе не исполнять предписаній начальства, о коемъ въ настоящемъ дѣлѣ никакихъ свѣденій нѣтъ, позволить продолжать курсъ въ московскомъ университетѣ, подъ особымъ наблюденіемъ университетскаго начальства и секретнымъ надзоромъ полиціи.

9) Что касается вольнослушателя Павла *Федосѣева* и студента Александра *Крыжова*, которые кромѣ участія въ безпорядкахъ, бывшихъ въ московскомъ университетѣ, обвиняются еще — первый въ храненіи, а второй въ пріобрѣтеніи запрещенныхъ сочиненій, то мѣру отвѣтственности ихъ опредѣлить при разсмотрѣніи дѣла о распространеніи и изданіи злоумышленныхъ сочиненій.

10) За симъ распоряженія университетскаго начальства въ отношеніи прикосновенныхъ въ настоящему дѣлу лицъ, изложенныя въ постановленіяхъ правленія университета 9 и 23 Октября 1861 года, считать недѣйствительными.